

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

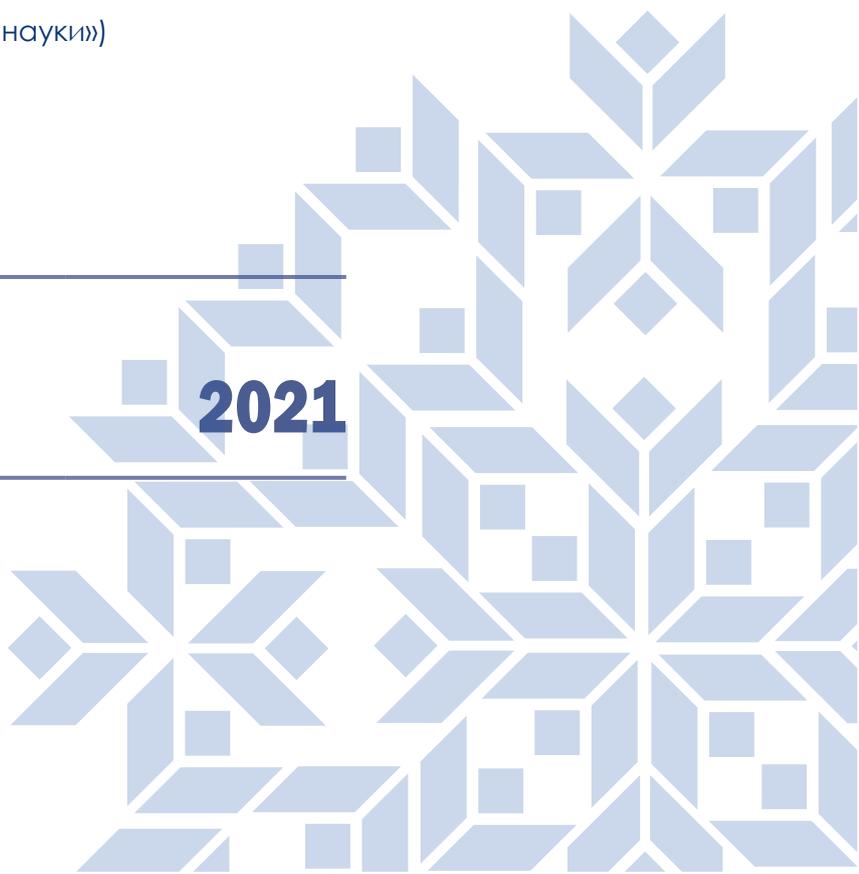
Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместители
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- ФУРМАНОВ И. А.** – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigog@gmail.com
- Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.* Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.* Институт социологии Национальной академии наук, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.* Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.* Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.* Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.* Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.* Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.* Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.* Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.* Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.* Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптёнок А. С.* Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.* Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.* Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.* Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Терещенко О. В.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.* Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Шатравский С. И.* Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.* Академия последиplomного образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Hrodna, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyril of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 316.334.22+316.324

ЦИФРОВОЙ ГОРОД В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ: НОВЫЙ ЭТАП НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется произошедшая под влиянием пандемии COVID-19 трансформация научно-теоретического дискурса о цифровом городе. Дается определение данному феномену, рассматриваются основные этапы становления теоретических представлений о нем. Обозначаются главные векторы изменений, произошедших в городской среде в условиях пандемии коронавируса нового типа, разбираются их социальные последствия. Предлагаются перспективные направления научного исследования технологической составляющей цифрового города в постпандемийный период.

Ключевые слова: цифровой город; городская среда; пандемия; новые технологии; социальные эффекты цифровизации.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г20Р-109 от 04.05.2020 г. «Влияния цифровой трансформации на трудовую активность городского населения (на примере Минска и Санкт-Петербурга)»).

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ. Цифровой город в эпоху пандемии: новый этап научного дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:4–11.

For citation:

Lebedeva EV. Digital city in the pandemic era: a new phase of theoretic discourse. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:4–11. Russian.

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations, faculty of journalism.
elena_lebedeva_bsu@tut.by

DIGITAL CITY IN THE PANDEMIC ERA: A NEW PHASE OF THEORETIC DISCOURSE

E. V. LEBEDEVA^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The transformation of theoretical discourse about the digital city, which occurred under the influence of COVID-19 is analysed. Definition of the «digital city», both the main stages of theoretical ideas about the digital city are given. The main vectors of changes in the post-COVID urban environment as well as their social consequences are outlined. The perspectives of scientific research of the digital city in the post-pandemic period conclude the article.

Keywords: digital city; urban environment; pandemic; new technologies; social effects of digitalisation.

Acknowledgements. The research was prepared with financial support from the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. G20R-109 dated 04.05.2020 «The impact of digital transformation on the labour activity of the urban population (by the example of Minsk and St. Petersburg)»).

Введение

Впервые идеи цифрового города зазвучали в социальных науках в 1970–80-х гг. Вероятными предпосылками считаются идеи «умного роста», предложенные последователями «нового урбанизма» [1] для поиска решений в ответ на энергетический кризис и негативное влияние экстенсивной экономики на городскую среду, а также представления М. Кастельса об «интеллектуальном городе» (*intelligent city*) как примере слияния городского пространства и технологий [2]. Термин «цифровой город» (*smart city*) к середине 1990-х гг. начал широко употребляться как метафорическое олицетворение тесной связи городской жизни с информационными технологиями. Однако на протяжении нескольких десятилетий идея цифрового города оставалась лишь теоретическим концептом, прототипом городского планирования. Ситуация изменилась в 2008 г., когда мировой финансовый кризис актуализировал необходимость сделать городское управление «умнее». Своеобразной точкой отсчета в развитии представлений о цифровом городе стало выступление в этом же году главы компании IBM Сэма Палмизано на тему «Разумная планета: новая цель для мировых лидеров», посвященное популяризации умных технологий в повседневной жизни. Данное событие получило широкий общественный резонанс [3]. Сегодня создание умных (цифровых) городов входит в перечень приоритетных задач программ цифровизации экономики в США, Европе, Китае, России и многих других странах. В Республике Беларусь создание умных городов выделено в качестве отдельного пункта в перечне приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 гг. (согласно протоколу заседания Комиссии по вопросам го-

сударственной научно-технической политики при Совете Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2019 г. № 34/1пр)¹.

Однако представлять концепцию цифрового города как некую монолитную идею ошибочно. В ее эволюции отчетливо прослеживаются несколько этапов. На ранних стадиях умный город понимался исключительно в технократическом ракурсе как сумма используемых цифровых технологий (социальные сети, мобильность, аналитика и большие данные, облачные вычисления, интернет вещей и т. д.), тогда как социальные аспекты (то, каким образом цифровизация городской среды влияет на сознание и поведение горожан, какие изменения она способна вызвать в обществе) отошли на второй план. Далее происходит критическое переосмысление технократического оптимизма предыдущего этапа, поднимаются вопросы эффективности для населения используемых в городах умных технологий (работы Э. Таунсенда [4], А. Гринфилда [5], Р. Китчина [6]). Основная причина такой критики заключалась в упущении в предложенной ранее концепции умного города крайне важного аспекта: то, каким образом умная городская среда взаимодействует с пользователями – горожанами. К примеру, Э. Таунсенд, анализируя взаимосвязь урбанизации и цифровой трансформации городской среды, обращает внимание на то, что драйвером городского развития выступают не только и не столько новые технологии, а городские сообщества и гражданские активисты, их использующие. Информационные технологии в таком ракурсе превращаются из самодостаточной цели в средство, инструмент построения качественной городской среды, тогда как целями становятся человекоориентированность,

¹Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://president.gov.by/uploads/documents/2020/156uk.pdf> (дата обращения: 17.06.2020).

инклюзивность и устойчивое развитие. Проводимые в этой сфере исследования начинают смещаться с технологических аспектов цифровизации на социальные², показывая, что современные технологические решения для умного города позволяют достичь целого ряда положительных результатов (уменьшить смертность, снизить заболеваемость, повысить безопасность дорожного движения и т. п.). Следовательно, цифровизация городской среды должна использоваться прежде всего для обеспечения высокого качества жизни в городах, максимального сохранения и приращения человеческого капитала, стимулирования устойчивого экономического развития. Переинтерпретация категории «умный город» происходит с учетом данных принципов. Умный город начинает пониматься как «городская террито-

рия, которая стала более результативной (*efficient*) и/или более экологически чистой, и/или более социально вовлеченной (*inclusive*) с помощью (*through*) использования цифровых технологий. Целью умного города является повышение привлекательности для граждан и/или бизнеса путем улучшения или увеличения (*adding*) городских сервисов»³.

Произошедшие за последнее время значительные социальные трансформации, связанные с пандемией коронавируса COVID-19, охватившей весь мир в 2020 г., обусловили очередной этап эволюции представлений о цифровом городе. В настоящей работе проведен анализ социальных последствий пандемии, оказавших наиболее заметное влияние на жизнь больших городов, а также связанных с ними технологических преобразований.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой статьи выступили представления об информационно-коммуникативном обществе (М. Кастельс, Д. Тапскотт [7]) и цифровой урбанизации, изучающей различные аспекты взаимодействия городских цифровых систем с человеком (город как симбиоз архитектурного и цифрового

слоев К. Ратти и М. Клодела [8], социально-этические аспекты цифровизации городской среды Э. Таунсенда, А. Гринфилда, Р. Китчина, концепция «3 поколений умных городов» Б. Коена [9], интеграция архитектуры и дизайна с цифровыми технологиями У. Дж. Митчелла [10]).

Результаты исследования и их обсуждение

Пандемия коронавируса COVID-19, начавшаяся в 2020 г., положила начало серьезным социальным проблемам. Обобщив существующий на данный момент исследовательский опыт, можно выделить группы факторов, оказавших негативное влияние на функционирование и развитие городской среды.

1. *Социальные последствия массовой вынужденной самоизоляции и дистанцирования.* Ставший популярным в 2020 г. термин «социальная дистанция» имеет также и немедицинское значение – «практика поддержания определенной удаленности или эмоциональной отделенности от другого человека или социальной группы»⁴. Стоит отметить, что проблемы эмоциональной отдаленности, коммуникативных барьеров и ксенофобии проявлялись в жизни больших городов и до наступления пандемии [11], однако COVID-19 вывел их на совершенно новый уровень. Публичные пространства (городские парки, улицы, дворы), как «сцены для социального действия», конституирующие общество, опустели. Неформальное, неструктурированное и «необязательное» взаимодействие горожан, которое «делает возможной коммуникацию между разнородными индивидами

и группами и создает такой положительный феномен, как космополитизм»⁵ [12, р. 214], оказалось под запретом. Разнообразные «третьи места» (городские кафе и кофейни, культурные хабы и арт-площадки), способные выступать в роли «нейтральной территории» или «организационного пункта», обеспечивать город «публичными персонажами», организовывать совместное проведение досуга взрослых и молодежи [13], были закрыты (многие из них навсегда). Иными словами, потенциал реализации одной из важнейших функций городской среды – коммуникативной – был серьезно ослаблен. К негативным последствиям этого можно отнести размывание территориальной идентичности, вызванное уходом в единственно доступную виртуальную плоскость, ослабление локальных сообществ и института соседства, сегрегацию и изоляцию.

Для многих горожан, находящихся на самоизоляции, отягчающим фактором стала цифровая некомпетентность. Особенно пострадали люди старших возрастных групп. По данным исследования, проведенного в России в 2020 г., лишь немногие люди старше 65 лет могут самостоятельно найти нуж-

²Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан? [Электронный ресурс]. URL: <https://ict.moscow/static/smart-city-solutions-what-drives-citizen-adoption-around-the-globe-ru.pdf> (дата обращения: 24.01.2021).

³Города, управляемые данными [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

⁴Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oed.com/view/Entry/88377097> (date of access: 20.01.2021).

⁵Здесь и далее перевод наш. – Е. Л.

ную информацию в интернете (16 %), купить продукты онлайн (27 %) и вести переписку по *e-mail* (30 %) [14, с. 395]. Лишившись возможности реализовывать повседневные практики традиционным способом (посещать магазины, аптеки, поликлинику, общаться с родственниками и знакомыми, оплачивать коммунальные услуги), далеко не все жители городов оказались готовы одновременно «виртуализировать» их. Обычная в таких случаях поддержка со стороны детей, внуков, консультантов в банке или в отделении почты стала недоступна. В результате значительная часть горожан⁶ фактически «выпала» из городской среды, оказавшись в полной изоляции. Это не только негативным образом сказалось на их психологическом самочувствии, но и увеличило нагрузку на социальные службы и систему здравоохранения, которые и без того работали в период пандемии на пределе своих возможностей.

2. *Влияние инфодемии.* С новыми угрозами столкнулись и те горожане, которые достаточно свободно владели цифровыми технологиями. Режим самоизоляции поспособствовал значительному росту объемов потребления цифрового контента. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в России в апреле 2020 г. в цифровую среду были вовлечены 82 % жителей, 71 % из них пользовались интернетом каждый день (преимущественно для общения с близкими и получения новостей о стране и мире)⁷. При этом медийное воздействие на потребителей часто осуществлялось в режиме перенасыщения противоречивой и непроверенной информацией. На фоне напряженной эпидемиологической ситуации, а также невысокого уровня доверия общественности к информации о коронавирусе, предоставляемой из официальных источников, появился феномен инфодемии – активного распространения через социальные сети и мессенджеры недостоверной, ложной информации (фейков), слухов, страхов, панических настроений, некомпетентных советов и др.

По мнению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), «по скорости распространения так называемая инфодемия дезинформации и слухов значительно обгоняет вспышку новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Она усиливает негативные последствия вспышки, в том числе путем стигматизации и дискриминации жителей затронутых вспышкой районов»⁸. Рассматривая каждого находящегося рядом человека как потенциального переносчика вируса и возможную угрозу, индивид перемещает его из позитивно окрашенной категории (сограждане, соседи, друзья) в негативную (ис-

точник эпидемиологической угрозы). В результате к уже существующим в больших городах инструментам стигматизации добавляются новые (ковид-диссидент, ковид-террорист).

Негативным последствием инфодемии, с точки зрения городской среды, стал виртуальный уход горожан в свой собственный безопасный мир. Удаленная работа (офис дома), неограниченные возможности интернет-покупок и курьерской доставки избавили горожан от необходимости покидать пределы собственной квартиры даже после снятия карантинных ограничений. Жизнь в собственном уютном коконе постепенно превратилась в новую реальность современного цифрового города. Испанский философ и социолог М. Кафельс описывал подобное явление как образование в городах параллельных пространств, у обитателей которых формируются собственные жизненные миры, что вызывает отчуждение горожан от места проживания, а также их разобщенность [2].

3. *Тотальный контроль за горожанами, вызванный желанием властей остановить распространение вируса.* Стоит отметить, что практика следить за перемещением горожан (используя развитые системы видеонаблюдения и фотофиксации, технические возможности геолокации и др.), а также хранить и анализировать большие объемы информации, которые при этом скапливались, существовала и до появления COVID-19. Цифровой контроль за городской средой в противовес естественному социальному неоднократно подвергался критике со стороны урбанистов и городских исследователей. По их мнению, жестко структурированное пространство, расчлененное заборными, контрольно-пропускными пунктами и другими атрибутами «архитектуры страха» (в том числе повсеместно распространенным видеонаблюдением) превращают большой город в «пространство контроля» и «общество слежки» [12; 15].

Однако в период пандемии COVID-19 существующие технические возможности контроля фактически сделали возможным прямое директивное управление жизнью горожан. К примеру, в Москве функционировала система слежения за пациентами с коронавирусом, находившимися на карантине в домашних условиях (специальное мобильное приложение отслеживало геолокацию и контролировало все перемещения заболевшего). В Польше власти обязали граждан предоставлять по первому запросу свои селфи с GPS-координатами, в Гонконге – носить специальные браслеты, позволяющие отслеживать их месторасположение. Помимо некоторых положительных воздействий на людей цифровой слежки,

⁶Более 30 % минчан находятся в возрастной группе старше 60 лет (по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2019 г.).

⁷Сеть как спасение // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения: 20.01.2021).

⁸Социальная стигматизация и COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0007/432268/SocialStigmaAssociatedCOVID-19-rus.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

она вызывает серьезные опасения: насколько надежны системы хранения собранной информации, рискуют ли горожане, оказавшиеся в ковидных базах данных, стать жертвой киберпреступников, как долго накопленная информация будет храниться и с какими целями будет использована после того, как вирус пройдет, будут ли цифровые технологии контроля, отработанные во время пандемии, применяться впоследствии уже с другими целями? К негативным эффектам цифрового контроля для городской среды эксперты относят возможное стремление горожан сбежать из-под прозрачного колпака, где за ними постоянно наблюдают, контролируют и наказывают за ошибки.

Таким образом, произошедшие на фоне пандемии COVID-19 перемены оказали глубокое влияние на функционирование городской среды. Цифровые технологии, придуманные для того, чтобы повышать качество жизни в большом городе, начинают ставить под угрозу само его существование. К примеру, по данным ВЦИОМ, во время карантина в 2020 г. Москву покинуло от 3 до 5 млн человек⁹. У исследователей и экспертов нет уверенности в том, что данный процесс будет иметь обратимый характер. Коронакризис актуализировал ощущение уязвимости жизни в большом городе, которое может сохраниться и после окончания пандемии.

В связи с этим городские исследования нуждаются в реконструкции понимания о цифровом городе с точки зрения сложившейся «новой нормальности»¹⁰.

Ниже кратко представлены основные направления трансформации социальной жизни больших городов, обозначившие новый виток в их технологическом развитии.

Развитие цифрового доверия. В условиях комплексных карантинных мер значительно возросло влияние на жизнь горожан социальных сетей и мессенджеров, которые «превратились в инструмент солидаризации общества перед лицом биологических и социальных угроз» [16]. Привыкая жить в прозрачном цифровом пространстве, беспрестанно транслируя свой повседневный опыт и потребляя такой же опыт других посредством социальных сетей, индивиды постепенно формируют и закрепляют взаимоприемлемые правила безопасного и комфортного для всех поведения, вырабатывают так называемый информационный иммунитет.

Возникает стихийный низовой фактчекинг (пользователи социальных медиа начинают стремиться к поиску достоверных данных [17]), усиливается фактор горизонтального социального контроля. Данное явление социолог Ю. В. Веселов называет трансформацией понятия «доверие», т. е. переход от личностного и институционального доверия к сетевому и цифровому [18], которое понимается как «уверенность пользователей в способности людей, технологий и процессов создавать безопасный цифровой мир» [18, с. 134], – доверие в социальных сетях и мессенджерах (*Facebook, ВКонтакте, LinkedIn, What's App, Instagram* и др.). В разрезе цифрового города это будет способствовать развитию не только экономики совместного потребления (*sharing economy*) – появлению технологий, аналогичных *Airbnb* в области аренды жилья или *Anytime* в сфере аренды автомобилей, таких как электронный сервис по прокату велосипедов и электросамокатов (*Kolobike*), агрегаторы такси (*Uber* или *Яндекс.Такси*), – но и экономики совместного производства (викиномика¹¹): использованию в бизнес-технологиях принципов массового сотрудничества (*mass collaboration*), взаимодействия равных (*peer collaboration*) и идеологии открытого кода. Отчасти принципы викиномики сегодня уже применяются в работе краудфандинговых сервисов (например, платформа *Kroogi* для музыкантов, дизайнеров и фотографов в России или сообщество *Talaka.org* в Беларуси) и интернет-платформ для коворкинга.

Рост популярности образования и самообразования. Данное явление связано с виртуализацией культурно-образовательной среды. Возможность учиться чему-либо, используя ресурсы интернета, существовала и до пандемии, однако общемировой локдаун побудил общественность активно заниматься собственным развитием. Популярность образовательных сервисов и платформ, таких как *Skillbox, SkyEng, iSpring, WebTutor, Teachbase*, выросла в десятки раз, существенно увеличилось количество проводимых вебинаров¹². В результате домашнее самообразование из элитарной привычки превратилось в массовое хобби, произошло тесное вплетение культурно-образовательной деятельности в ткань городской жизни (пусть и в виртуальном выражении). Всеобщий карантин стер пространственно-временные границы между работой, досугом и обучением. Можно предположить, что и в будущем жесткое разде-

⁹Бегство из города: 5 шагов к дезурбанизации // Инвест-Форсайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.if24.ru/5-shagov-k-dezurbanizatsii/> (дата обращения: 20.01.2021).

¹⁰Термин «новая нормальность» (англ. *new normal*) – словосочетание, которое вошло в обиход после мирового финансового кризиса 2007–2008 гг. для описания экономики в состоянии рецессии. В 2020 г. термин вновь получил широкое распространение как попытка осмыслить новый образ жизни после пандемии (удаленная занятость, более внимательное отношение к своему здоровью, предпочтение онлайн-формата и др.).

¹¹Название «викиномика» произошло от термина «вики» – это веб-сайт, содержимое которого пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом. На основе принципов данного термина функционирует интернет-энциклопедия «Википедия».

¹²Взрывной рост: рейтинг лидеров рынка онлайн-образования России // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5fa1cc249a794739b65c7b5c> (дата обращения: 20.01.2021).

ление между данными сферами жизни будет отсутствовать. Виртуальное участие в различных форумах, онлайн-конференциях, посещение мастер-классов и публичных лекций станет не только привычным элементом жизни в цифровом городе, но и необходимым условием социального самосохранения.

Трансформация локальной идентичности. Такой феномен вызван значительным сужением ареала обитания горожан. Еще одним интересным вектором развития городской среды в условиях пандемии стала трансформация культурной самоидентификации горожан: *приоритет отдается локальной идентичности, внимание достается тому, что находится рядом*. В силу невозможности перемещаться далеко от своего дома горожане были вынуждены переосмыслить ту территорию, которая всегда находилась в непосредственной близости от них. Для большинства постсоветских городов характерно разделение территории проживания (спальный район) и досуга (городской центр). В условиях пандемии данное соотношение изменилось – парки и центральные улицы были недоступны (либо воспринимались как небезопасные), обитаемое пространство сузилось до

ближайшего магазина, собственного двора или даже вида из окна. В силу того, что ранее эти элементы не привлекали особого внимания, как бы оставаясь в тени, каких-либо значительных усилий для их благоустройства не осуществлялось. Оказавшись один на один с новыми границами своего жизненного мира, горожане столкнулись с «совершенно токсичной, некомфортной, негуманной средой»¹⁵. В свою очередь оценка жизненного социального пространства как непригодного может привести к отказу от существующих социокультурных ценностей и дезинтеграции личности. В этом контексте особую актуальность приобрела проблема поиска новой, более пригодной для жизни культурной идентичности, новых точек притяжения, попытка увидеть прекрасное в обыденном. Технологическими решениями, способствующими такому поиску, стали различные цифровые платформы, предназначенные для вовлечения горожан в благоустройство дворовой территории (к примеру, через взаимодействие с местными жилищно-коммунальными службами), а также социальные сети и сервисы для общения с соседями (*dze.chat, Вместе.ру*).

Заключение

Пандемия коронавируса нового типа заставила мировую общественность по-новому оценить гуманитарную роль цифровизации – увидеть не только возможности, которые она открывает в повседневной и профессиональной жизни, но и угрозы, к которым она может привести, если будет бесконтрольной (инфодемия, антиурбанизация, сегрегация и изоляция отдельных групп горожан). В кризисных условиях общество фактически разделилось на технооптимистов и технопессимистов: на тех, кто готов к изменениям, и тех, кто к ним не готов. Проведенные исследования показывают, что большинство горожан положительно относятся к современным «умным» решениям: 89,1 % опрошенных согласны с тем, что благодаря науке и новым технологиям появится больше возможностей для будущих поколений; 77,9 % горожан отметили, что новые технологии делают жизнь более здоровой, легкой и комфортной [19]. Однако в ряде случаев встречаются и сомнения или даже опасения, касающиеся активного внедрения в профессиональную и повседневную жизнь новых информационных технологий. Так, многие из респондентов (46,2 %) считают, что научно-технические изобретения делают жизнь беспокойной и опасной, а каждый третий опрошенный (32,0 %) уверен в том, что научные и технологические разработки могут иметь непредвиденные побочные эффекты, которые вредны для здоровья человека и окружающей среды. На данный момент сложно го-

ворить о причинах, вызывающих страх или отторжение горожанами новых информационных технологий. Одной из возможных причин такого отношения может быть техностресс – постоянное чувство тревоги, страх упустить что-то важное, навязчивое желание следить за технологическими новинками. Выделяют следующие техностресс-факторы: отсутствие нормативов работы с новыми технологиями, что приводит к сбою привычного режима, разрушению границ между рабочей и домашней обстановкой (индивид находится на связи и занимается решением рабочих вопросов буквально круглые сутки); значительное увеличение нагрузки как в повседневной жизни, так и в профессиональной сфере (поскольку новые технологии стимулируют мультизадачность, то появляется возможность решать больше различных вопросов за один и тот же промежуток времени); отсутствие практической и психологической подготовки к работе с новыми технологиями; непрерывные изменения в технологиях, вынуждающие индивида постоянно их осваивать и внедрять в свою жизнь (при этом в качестве стимула в этой гонке чаще всего выступает страх лишиться работы, что-то не успеть, оказаться хуже других и т. п.) [20]. Наряду с этим в условиях пандемии цифровая некомпетентность (ключевой фактор техностресса) значительно ухудшила качество жизни многих горожан (особенно лиц старшего возраста). По этой причине одним из социальных уроков

¹⁵Мегаполис после пандемии // Радио Свобода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30688325.html> (дата обращения: 20.01.2021).

кризисного периода должен стать пересмотр концепции цифрового города – расстановка новых технологических акцентов.

Для развития цифрового города наиболее перспективными должны стать технологии, которые способствуют развитию цифрового доверия (платформы, поддерживающие экономику совместного потребления, фандрайзинговые и краудфандинговые сервисы); нацелены на создание локальной идентичности; осуществляют поддержку соседских сообществ (интерактивные карты локальных чатов, социальные сети для общения с соседями, проекты, созданные для местного благоустройства); содействуют саморазвитию и самообразованию, инвестированию в себя; помогают формировать у горожан разносторонние цифровые компетенции.

Таким образом, развитие представлений о цифровом городе можно описать как *движение от технократических идей и концепций (технологии для технологий) к социогуманитарной поведенческой парадигме (технологии для людей)*. Такая трансформация прояв-

ляется, во-первых, в формировании новых синтетических концепций, предлагающих интегрированный подход к пониманию цифрового города, основанный на принципах долгосрочного планирования и инклюзивности, повышения эффективности городских процессов, оптимизации использования ресурсов и защиты окружающей среды, улучшения качества жизни граждан; во-вторых, в смещении исследовательских ракурсов на такие показатели, как доступность новых технологий, их влияние на социальный комфорт, социальное самочувствие и здоровье горожан, а также на развитие их цифровых компетенций. Качественно новый этап развития цифрового города невозможен без целостной работы по созданию глобального информационно-ориентированного цифрового социума («Общество 5.0»), обладающего такими чертами, как интеграция физического пространства и киберпространства («союз битов и атомов»); антропоцентризм и забота о благополучии каждого индивида; опора на «большие данные» как ресурс дальнейшего развития (*data-based decisions*).

Библиографические ссылки

1. Vanolo A. Smartmentality: the smart city as disciplinary strategy. *Urban Studies*. 2014;51(5):883–898. DOI: 10.1177/0042098013494427.
2. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Москва: ГУ ВШЭ; 2000. 608 с.
3. Palmisano SJ. A smarter planet: the next leadership agenda [Internet]. 2018 [cited 2018 April 8]. Available from: www.ibm.com/ibm/cioleadershipexchange/us/en/pdfs/SJP_Smarter_Planet.pdf.
4. Townsend A. *Smart cities: big data, civic hackers, and the quest for a new utopia*. New York: W. W. Norton & Company; 2013. 400 p.
5. Greenfield A. *Against the smart city*. New York: Do projects; 2013. 147 p.
6. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science. *Philosophical Transactions: Mathematical Physical and Engineering Sciences*. 2016;374(2083):201–225. DOI: 10.1098/rsta.2016.0115.
7. Тапскотт Д, Уильямс ЭД. *Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё*. Москва: Альпина Паблишер; 2020. 456 с.
8. Ратти К, Клодел М. *Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни*. Бондал Е, переводчик. Москва: Институт Гайдара; 2018. 248 с.
9. Cohen B. The 3 generations of smart cities inside the development of the technology driven city [Internet]. 2018 [cited 2018 April 8]. Available from: www.fastcompany.com/3047795/the-3-generations-of-smart-cities.
10. Mitchell WJ. *Me++: the cyborg self and the networked city*. Cambridge: MIT Press; 2003. 312 p.
11. Лебедева ЕВ. Город как социальное пространство: проблемы появления коммуникативных разрывов. *Социология*. 2015;3:114–121.
12. Lofland LH. *The public realm: exploring the city's quintessential social territory*. New Brunswick: Transaction Publishers; 1989. 305 p.
13. Ольденбург Р. *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. Широконова А, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 456 с. (STUDIA URBANICA).
14. Воробьева ИН, Мехова АА. Самоизоляция 2020 как вызов цифровой компетентности населения. В: Скворцов НГ, Асочаков ЮВ, редакторы. *Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития. Материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения; 12–14 ноября 2020 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Скифия-принт; 2020. с. 395–396.
15. Lyon D. *Surveillance society: monitoring everyday life*. Buckingham: Open University Press; 2001. 189 p.
16. Малышева ГА. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт. *Вестник Московского государственного областного университета* [Интернет]. 2020 [процитировано 20 января 2021 г.];3. Доступно по: <https://www.researchgate.net/publication/344175611>. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-3-1025.
17. Gallotti R, Valle F, Castaldo N, Sacco P, De Domenico M. Assessing the risks of «infodemics» in response to COVID-19 epidemics. *Nature Human Behaviour*. 2020;4:1285–1293. DOI: 10.1038/s41562-020-00994-6.
18. Веселов ЮВ. Доверие в цифровом обществе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020; 13(2):129–143. DOI: 10.21638/SPBU12.2020.202.
19. Лебедева ЕВ, Денискина АИ. Цифровизация городской среды и цифровые компетенции горожан. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:101–110. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-101-110.
20. Fischer T, Riedl R. Technostress research: a nurturing ground for measurement pluralism. *Communications of the association for information systems*. 2017;40:375–401. DOI: 10.17705/1CAIS.04017.

References

1. Vanolo A. Smartmentality: the smart city as disciplinary strategy. *Urban Studies*. 2014;51(5):883–898. DOI: 10.1177/0042098013494427.
2. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moscow: Higher School of Economics National Research University; 2000. 608 p. Russian.
3. Palmisano SJ. A smarter planet: the next leadership agenda [Internet]. 2018 [cited 2018 April 8]. Available from: www.ibm.com/ibm/cioleadershipexchange/us/en/pdfs/SJP_Smarter_Planet.pdf.
4. Townsend A. *Smart cities: big data, civic hackers, and the quest for a new utopia*. New York: W. W. Norton & Company; 2013. 400 p.
5. Greenfield A. *Against the smart city*. New York: Do projects; 2013. 147 p.
6. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science. *Philosophical Transactions: Mathematical Physical and Engineering Sciences*. 2016;374(2083):201–225. DOI: 10.1098/rsta.2016.0115.
7. Tapscott D, Williams AD. *Vikinomika. Kak massovoe sotrudnichestvo izmenyaet vse* [Wicinomics. How mass collaboration changes everything]. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 456 p. Russian.
8. Ratti C, Claudel M. *Gorod zavtrashnego dnya: sensory, seti, khakery i budushchee gorodskoi zhizni* [The city of tomorrow: sensors, networks, hackers, and the future of urban life]. Bondal E, translator. Moscow: Gaidar Institute Press; 2018. 248 p. Russian.
9. Cohen B. The 3 generations of smart cities inside the development of the technology driven city [Internet]. 2018 [cited 2018 April 8]. Available from: www.fastcompany.com/3047795/the-3-generations-of-smart-cities.
10. Mitchell WJ. *Me++: the cyborg self and the networked city*. Cambridge: MIT Press; 2003. 312 p.
11. Lebedeva EV. The city as a social space: communication gaps emergence. *Sociology*. 2015;3:114–121. Russian.
12. Lofland LH. *The public realm: exploring the city's quintessential social territory*. New Brunswick: Transaction Publishers; 1989. 305 p.
13. Oldenburg R. *The Great good place: cafés, coffee shops, bookstores, bars, hair salons and other hangouts at the heart of a community*. Boston: Da Capo Press; 1999. 368 p.
- Russian edition: Oldenburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva*. Shirokanova A, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 456 p. (STUDIA URBA-NICA).
14. Vorob'yova IN, Mehova AA. [Self-isolation 2020 as a challenge to the digital competence of the population]. In: Skvortsov NG, Asochakov YuV, editors. *Tsifrovoe obshchestvo – novyi format sotsial'noi real'nosti: struktury, protsessy i tendentsii razvitiya. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii XIV Kovalevskie chteniya; 12–14 noyabrya 2020 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Digital society – a new format of social reality: structures, processes and development trends. Materials of the All-Russian scientific conference XIV Kovalev readings; 2020 November 12–14; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Scythia-print; 2020. p. 395–396. Russian.
15. Lyon D. *Surveillance society: monitoring everyday life*. Buckingham: Open University Press; 2001. 189 p.
16. Malysheva GA. Socio-political aspects of the pandemic in the digital networking society: Russian experience. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Internet]. 2020 [cited 2021 January 21];3. Available from: <https://www.researchgate.net/publication/344175611>. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-3-1025. Russian.
17. Gallotti R, Valle F, Castaldo N, Sacco P, De Domenico M. Assessing the risks of «infodemics» in response to COVID-19 epidemics. *Nature Human Behaviour*. 2020;4:1285–1293. DOI: 10.1038/s41562-020-00994-6.
18. Veselov YV. Trust in a digital society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2020;13(2):129–143. DOI: 10.21638/SPBU12.2020.202. Russian.
19. Lebedeva EV, Deniskina AI. Digitalization of city and digital competencies of citizens. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:101–110. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-101-110. Russian.
20. Fischer T, Riedl R. Technostress research: a nurturing ground for measurement pluralism. *Communications of the association for information systems*. 2017;40:375–401. DOI: 10.17705/1CAIS.04017.

Статья поступила в редколлегию 05.02.2021.
Received by editorial board 05.02.2021.

УДК 101.1:316.3

ФИЛОСОФИЯ ГОРОДА: К ПРОБЛЕМЕ ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

О. В. НОВИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предметом социально-философского исследования в статье выступает феномен города. Рассматриваются различные типы городов с точки зрения их преемственности: открытый античный город, закрытый средневековый город, современный мультикультурный город. Подчеркиваются влияние города на процессы самоидентификации человека, взаимосвязь города с ментальностью и телесностью человека. Анализируются особенности организации городского пространства, раскрывается его человекомерность, проявляющаяся во взаимном подобии человека и города, которое закладывается как стихийно, так и целенаправленно. Изучается феномен публичного пространства. Исследуется *время городов*, переживание которого исторически детерминировано сословными различиями и в современном мире тесно связано со спецификой городского пространства. Особое внимание уделяется феномену горожанина – от гражданина античного полиса до современной реминисценции фланера.

Ключевые слова: город; человек; идентичность; городское пространство; время городов; публичное пространство; фланер.

Благодарность. Посвящается памяти моего отца, Новикова Владимира Тимофеевича, который открыл для меня философию.

PHILOSOPHY OF THE CITY: TO THE PROBLEM OF HUMANITY OF URBAN SPACE

V. U. NOVIKAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The subject of socio-philosophical research in the article is the phenomenon of the city. Various types of cities are considered from the point of view of their continuity: an open antique city, a closed medieval city, a contemporary multicultural city. Attention is paid to the influence of the city on the processes of human self-identification, the relationship of the city with the mentality and physicality of a person. The features of the organisation of urban space are analysed, its human dimension is revealed. Human dimension of the cite manifests itself in the mutual similarity of a person and a city, which evolves both spontaneously and purposefully. The phenomenon of public space is considered. The article examines the «time of cities», the experience of which, historically determined by class differences, in the modern world is closely related to the specifics of urban space. Particular attention is paid to the phenomenon of the city dweller: from the citizen of the ancient polis to the contemporary reminiscence of the flaneur.

Keywords: city; person; identity; urban space; time of cities; public space; flaneur.

Acknowledgements. To the memory of my father, Vladimir T. Novikov, who discovered philosophy for me.

Образец цитирования:

Новикова ОВ. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:12–20.

For citation:

Novikava VU. Philosophy of the city: to the problem of humanity of urban space. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:12–20. Russian.

Автор:

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Volha U. Novikava, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. mod@tut.by

В постклассическом социально-гуманитарном знании феномен города нередко становился объектом рефлексии: осмысление роли и статуса города в истории культуры предложены различными мыслителями – от Г. Зиммеля и В. Беньямина до Б. Гройса и Р. Сеннета. Полифония городской среды и многообразие проявлений бытия города делают его предметом изучения не только в социологии и экономике, но и порождают новые направления исследований – от урбанистики до психогеографии. Философский интерес к феномену города связан с вопросом экспликации его сущности: что такое город как таковой – город, который создается человеком, и город, который создает человека? В настоящей работе внимание обращается на проблему человекомерности города (т. е. на связь типов городов, сменяющих друг друга в истории европейской цивилизации, с ментальностью – способами мышления и мировосприятия – человека) и наблюдается, каким образом городское пространство отражает, а затем и организует специфику мировосприятия человека.

Генезис цивилизаций неотделим от возникновение городов, которое представляет собой диалектический скачок в развитии общества, поскольку город появлялся как оппозиция адаптированным к естественной среде обитания деревенским селениям, где существование человека напрямую зависело от использования ресурсов природы. Безусловно, ранние города также переживали эту зависимость. Однако по мере того как они утверждали себя как центры обмена ресурсами (рынок – *perpetuum mobile* городской жизни), города приобретали свою автономность и укрепляли власть над прилегающими территориями. О. Шпенглер отмечал, что город «с появлением души превращается в место, из которого человек теперь переживает страну как “окружение”, как нечто иное и подчиненное. С этого момента существуют две жизни: жизнь внутри и снаружи» [1, с. 114].

Появление городов стало результатом неолитической революции, которая содействовала интенсификации разделения труда, что отразилось на локализации поселений в зависимости от профессиональной деятельности их обитателей. В античном городе происходит пространственная дифференциация проживания; появляются сектора и кварталы, жители которых разделены по разным критериям: роду занятий, имущественному цензу, социальному статусу и властным полномочиям. Закладывается новая система социальной коммуникации, предполагающая иные формы общения горожан, помогающие привить у них способности соотносить свои индивидуальные потребности и интересы с потребностями и интересами не семьи, а коллектива, членами которого они являлись, и интересами государства-полиса. Как следствие, в городах постепенно формируется новый способ мышления и поведения (оно

становится более рациональным и прагматичным), а социальные коммуникации ориентируются на диалогичность и понимание мотивов деятельности и смысла поступков других людей.

Обратив внимание на особенности социальной психологии и специфику идентификации горожан в диахроническом измерении цивилизационной динамики, в настоящем исследовании в качестве базисной использована трехчастная типология городов, предложенная Ф. Броделем. Итак, к первому типу относится открытый город Древнего мира, который является органической частью окружающей среды: «фактически греческая городская община представляла соединение какого-то города с его обширной сельской округой» [2, с. 479]. Ко второму – закрытый город Средневековья, причем «закрытый» в полном смысле этого слова; город, ведущую, или, точнее, несущую, роль в котором играют стены. Знаменитый словарь Фюретьера 1690 г. определяет город как «место обитания довольно многочисленного населения, обычно обнесенное стенами»¹ [3]. Если средневековый город и «открывал свои ворота, то еще недостаточно было в них войти, чтобы сразу же стать истинной частицей общины. Полноправные граждане были меньшинством, ревниво оберегавшим свои права, маленьким городом в самом городе» [2, с. 480]. Третий тип города представлен современным городом, встроенным в структуру государства, которое властвует над ним и контролирует его. Каждый из этих типов городов характеризуется специфическим мировосприятием горожанина, соразмерен телесности и ментальности современного ему человека.

Если существование в общине было характерно для жителей деревенских поселений, в которые они объединялись по кровнородственным связям, а критериями идентификации служили принадлежность к родоплеменным структурам, общность верований, обычаев, клановых традиций, языка, то в античном городе ситуация меняется и основополагающей становится государственно-этническая идентификация. Например, в Афинах для нее были заложены новые механизмы в структуре полиса, которая позволяла преодолеть природное неравенство благодаря распространявшимся на свободнорожденных граждан этого полиса принципам исономии (равенства перед законом), исогории (права на выступление в народном собрании) и исополитии (право участвовать в политической жизни).

В числе других социокультурных факторов, способствовавших идентификации античного горожанина, необходимо назвать общность языка (отличала греков от варваров как людей, невнятно говорящих) и общность многоуровневой системы воспитания и образования (высшей формой выступали философские школы). Важную роль

¹ Здесь и далее перевод наш. – О. Н.

в социально-психологической интеграции играло также увлечение литературой и аттическим театром, огромное значение имела физическая активность, в частности полезным было участие в Олимпийских играх, и др. Однако культивировавшийся в полисе дух патриотизма и этатизма, требовавший безусловного подчинения собственных интересов коллективным, не содействовал пробуждению в человеке личностного начала. По этой причине одним из доминирующих векторов самоидентификации человека остается восприятие себя как части какой-либо общности. Ж.-П. Вернан, ссылаясь на Геродота, рассказывал про спартанского героя Аристодема – единственного выжившего в битве при Фермопилах и презираемого за это спартанцами. Желая смыть пятно бесчестия, Аристомем совершил ряд подвигов и погиб при Платеях, однако для спартанцев они не имели ценности, поскольку герой поступал таким образом только из-за терзавшего его чувства вины [4]. И. Д. Рожанский, показывая, что в западноевропейской антропологии распространена идея двух типов культуры – стыда и вины, отмечал, что древним грекам чуждо чувство внутренней греховности, однако «им было в высшей степени присуще чувство стыда перед согражданами... Боязнь стыда, страх показаться глупым или смешным принадлежали к числу важнейших мотивов, определявших поведение древнего грека в обществе» [5, с. 284]. При этом стыд не касался каких-либо телесных феноменов, напротив, внимание к телу и восхищение его красотой и гармоничностью отличали жителя античного полиса. Британский искусствовед К. Кларк подчеркивал, что «греческий культ абсолютной наготы имеет огромную важность. Он подразумевает победу над запрещением, угнетающим всех, кроме самых застенчивых людей» [6, с. 34]. Американский социолог Р. Сеннет говорил о том, что для греков публичная демонстрация наготы была связана с цивилизованностью – более того, «выставляя тело напоказ, афинянин подчеркивал свой статус свободного гражданина» [7, с. 33].

Особое значение для древнего грека имела идея так называемого телесного жара, составлявшего, с одной стороны, субстрат жизненной силы человека, с другой – понимавшегося буквально: как тепло тела. Аристотель в труде «О возникновении животных» указывал на сочетание холодного и теплого начал, необходимых для порождения живых существ, и в духе античной натурфилософии связывал холодное с женским, а теплое – с мужским [8]. Соответственно, квинтэссенция телесного жара может быть сосредоточена и явлена в первую очередь мужским телом, и система античного образования, как и вся культура полиса, направлена на раскрытие этого жара в телах начиная с юного возраста – со времени обучения в гимназиях и палестрах. Что любопытно, женское тело, представлявшееся холодным,

не предполагало культивации телесного жара: даже на дошедших до наших дней античных рисунках на вазах гораздо чаще изображены обнаженные мужские тела (особенно героев).

Демонстрация телесной красоты предполагала ортос (прямота, осанка), который Р. Сеннет рассматривал в корреляции с организацией городского пространства: «Афиняне напрямую уподобляли тело зданию... они... использовали свое физиологическое понимание тела для создания городских пространств» [7, с. 54]. Широкая и шумная агора позволяла гражданам свободно перемещаться от одной группы к другой, портики и стои не скрывали располагавшихся в их пределах горожан от прохожих. Обнаженное (открытое) тело коррелировало с открытостью античного города. В его планировке, которая закладывалась естественным образом, внимание уделялось фигуре горожанина, где он мог быть видимым и слышимым, причем последнее представляло для древнего грека особую ценность: «Афинская демократия высоко ценила в своих гражданах открытое выражение мыслей, которое уподоблялось демонстрации мужской наготы» [7, с. 33]. Исегория давала возможность афинянам показать это на народном собрании, члены которого собирались в булевтерии (здание с планировкой театра), где ценно было уже не многоголосье городской площади – значимость обретал отдельный голос. Античный полис позволял своему гражданину быть объектом внимания, экспонировать себя, он стремился к гармонии и был соразмерен человеку.

Эту соразмерность унаследовал Древний Рим, однако удержаться в ее рамках получалось не всегда. Витрувий писал о человекомерности городских зданий, однако, с одной стороны, широкие улицы и геометрическая упорядоченность архитектуры в первые столетия нашей эры свидетельствовали о мощи и величии империи, с другой – приток иммигрантов, скученность жизни, распространение инсул (многоквартирные дома в несколько этажей) указывали на незначительность человека. О. Шпенглер критикует Рим как яркий пример одного из мировых мегаполисов, пожиривших человека: «ужасающая нищета, приход в упадок всех жизненных привычек, которые уже сейчас среди высоких крыш и мансард, в подвалах и на задних дворах воспитывают нового первобытного человека, царили в каждом из этих роскошных массовых городов» [1, с. 128].

С появлением христианских общин в городах поздней (латинской) Античности происходит дифференциация населения, сопровождавшаяся возникновением напряжения в социально-психологической обстановке городов, поскольку характерные для языческого Рима традиции и образ жизни не только подвергались сомнению, но и отрицались христианинскими общинами, формирующими основы новой идентичности. Эта ситуация нашла отражение

в появившемся во II в. труде Иустина Философа «Послание к Диогнету»: «Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. <...> Но, обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна» [9]. Вместе с тем в последующие столетия именно христианская идентичность стала определяющей в исторической динамике человека и города.

Возрождение города в Высокое Средневековье положило начало изменению социальной структуры общества и стало прелюдией к цивилизационному повороту. Ключевые характеристики средневекового города – самоуправление, система права (особое значение для статуса города имело принятие в XIII в. рядом европейских городов магдебургского права), личная свобода, частная собственность – вели к становлению такого явления, как бюргерский индивидуализм, который вкупе с христианской идеей свободы воли и личного спасения способствовал кристаллизации феномена личности в культуре Средневековья. Знаменитая сентенция о том, что «воздух города делает человека свободным», предполагала не только то, что феодал утрачивает права на беглого крестьянина (если тому удастся укрыться в городе на определенный срок – чаще всего на «год и один день»), но и указывала на то, что именно город является фундаментом для становления свободы и независимости индивида. Подобно человеку, средневековый город, изначально вырастающий на земле феодала, стремился к обретению самоуправления и, добившись его, сам начинал доминировать над окрестными деревнями, черпая из них ресурсы. Город становится самодостаточным автономным миром, «перехитрившим», по выражению Ф. Броделя, государство: оно «...будет складываться медленно и вырастет лишь при небескорыстной помощи городов и притом будет увеличенной и зачастую бесцветной копией их судеб» [2, с. 473].

И визуально, и сущностно средневековый город, в отличие от античного, – город закрытый, и наличие стен в нем является необходимостью, продиктованной соображениями безопасности. Спецификой городской застройки являлся укрепленный центр, нередко – с замком, рядом с которым должен находиться кафедральный собор, ратуша, площадь, дома знати, далее следовал лабиринт улиц и переулков. Не имея возможности расширяться, город начинает расти в высоту и вглубь – дома в несколько этажей и узкие переулки делают сложноорганизованное

городское пространство комфортным для местного жителя, однако потенциально опасным для чужака. В этой защите своей территории и ее жителей проявляется человекомерность и коллективное начало средневекового города. Р. Сеннет цитирует П. Абеяра, писавшего, что «города – это «монастыри» для семейных людей. <...> Каждый город – братство»² [7, с. 206]. Стоит отметить, что хаотичная топография при определенной планировке характерна и для средневекового мусульманского города, центр которого, подобно европейскому, начинался с культового сооружения (в данном случае – с главной мечети), вокруг которого концентрическими кругами разворачивались торговые улицы и склады, а за ними располагались ремесленные ряды, строго организованные в соответствии с родом деятельности: чем она «чище», тем ближе к центру. В отличие от европейских городов, ограниченных стенами и в силу этого устремлявшихся вверх, мусульманские города и стенами были ограничены, и в высоту расти не могли, так как ислам рассматривает строительство высоких домов как признак гордыни и предвестник киямата (Судного дня), поэтому расширялись вглубь улиц и таким образом затрудняли передвижение.

Кроме городского пространства, человекомерность города проявляется и в специфическом восприятии горожанином феномена времени. В частности, как отмечает один из основоположников исторической школы «Анналов» М. Блок [10], если людям раннего Средневековья свойственно безразличное отношение ко времени и они часто не знали точно даже своего возраста, то к XIII в. ситуация изменилась. В этот период на ратушных башнях были установлены механические часы (кстати, самые старые действующие башенные часы из сохранившихся в Европе – гродненские), что символизировало начало новой исторической эпохи, в которой на смену *времени церкви* приходит *время купца*. Суть данной метаморфозы состоит в том, что если ранее порядок и темпы жизни городского населения определялись церковью (регламент был задан церковным календарем, а колокольный звон символизировал власть церкви над временем горожан), то отныне ритм жизни задается обыденными потребностями и мирскими заботами средневекового города – колыбелью новой цивилизации, жизненное кредо которой будет выражено спустя несколько столетий в сентенции *время – деньги*.

Таким образом, процессы урбанизации в период Средневековья способствовали не только поселенческой дифференциации, но также темпоральной дифференциации общества, определяемой эффектом, который характеризуется бергсоновским понятием *длениа*, дильтеевской переживаемой историчностью или шпенглеровской *растянутостью* истории.

² Цит. по: Duckworth A. M. *Howards end*: E. M. Forster's house of fiction. N. Y. : Twayne, 1992. P. 62.

Эти понятия фиксируют зависимость течения времени от особенностей социального бытия, образа жизни и специфики хозяйственного и политического развития социума, что соответствует атрибутивной концепции времени, сущность которой кратко передают слова Ж.-П. Сартра: «Мы должны понять, что ни люди, ни их действия не находятся во времени: время, как конкретное свойство истории, создается людьми на основе их изначального времяполагания» [11, с. 113].

Темпоральная дифференциация общества выразилась в двух основных эффектах, неявных в Средневековье, однако приобретающих все большую выразительность начиная с эпохи Нового времени. Первый эффект свидетельствовал о различной, но имеющей объективный характер длительности времени для деревенских и городских жителей. Так, по словам Ж. Ле Гоффа, «возводимые повсеместно напротив церковных колоколен башенные часы олицетворяют собой великую коммунальную революцию в области отсчета времени. Время городов – более сложное и утонченное, чем простое время деревень, отбиваемое деревенскими колоколами» [12, с. 42–43]. Второй эффект выразился в диахроническом разделении средневекового социального бытия на *время церкви* и *время купца*, или в другой терминологии – на *христианское время* и *экономическое время*. По характеристике Р. Сеннета, «христианское время не признавало личной автономии в том смысле, в каком ее определяла корпорация. Действия человека должны были быть не автономны, а подчинены Подражанию Христу, и от этого образца нельзя было отступать ни на шаг, потому что в жизни Христа не было случайностей. Больше того, христианское время имело мало общего со временем, которое отсчитывают часы» [7, с. 251]. Что касается экономического времени, то его ценность определялась целесообразностью и эффективностью производства, для которого основной установкой была практическая польза. Человек Средневековья «небезосновательно воспринимал экономический индивидуализм как духовное искушение, ведь что могло удержать людей в общине в случае его победы?» [7, с. 253]. Средневековый город, сочетающий ценности коллективизма и индивидуализма, порождал амбивалентность человеческого существования: с одной стороны, человек имеет свободу воли и возможность личного выбора, с другой – оставаясь интегрированным в христианскую общину, он разделял ее ценности, идеалы и нормы жизни.

Несмотря на усиление процесса социальной дифференциации, в Средневековье проблема рефлексии по поводу индивидуальной и коллективной идентификации не была актуальной, поскольку принадлежность человека к тому или иному сословию, как и его социальный статус, казались естественными и были строго регламентированы. В частности, П. Бергер

и Т. Лукман отмечают: «В таком обществе идентичности легко узнаваемы, как объективно, так и субъективно. Всякий знает про всякого, кем является другой и он сам. Рыцарь является рыцарем, а крестьянин – крестьянином, как для других, так и для себя самого. Поэтому тут нет проблемы идентичности. Вопрос: “Кто я такой?” – вряд ли возникнет в сознании, поскольку социально предопределенный ответ массивно реален субъективно и постоянно подтверждается всей социально значимой интеракцией. Это никоим образом не означает, что индивид рад такой идентичности. Быть крестьянином вряд ли очень приятно, это включает в себя всякого рода субъективно реальные и настоятельные проблемы, совсем не радостные. Но в эти проблемы не входит проблема идентичности» [13, с. 264].

В эпоху Возрождения и Новое время возросло значение города в развитии европейской цивилизации, что определилось переходом от традиционного общества к индустриальному. Изменился облик города, что также носило человекомерный характер. Расширение улиц, первоначально связанное с необходимостью пропуска транспорта, к XVIII в. мыслилось как необходимое условие для нормального функционирования города. Р. Сеннет связывает новые представления о градостроительстве с так называемой революцией Гарвея, обосновавшего теорию циркуляции крови. По аналогии с идеей Гарвея улицы, бульвары и переулки представляются городскими венами и артериями, которые должны обеспечивать условия для передвижения горожан и экипажей. Внимание начинает уделяться и гигиене городского пространства: во второй половине XVIII в. были распространены представления о том, что город, подобно человеку, должен дышать, а не задыхаться от нечистот, – это способствовало активизации городских служб, очищению стоков, разбивке городских парков. Аппликация представлений о жизнедеятельности человеческого тела на функционирование «тела города», по сути, является отражением популярного в новоевропейской философии органицизма.

XVIII в. – это время радикальных перемен в социальной структуре западноевропейских городов. В индустриальном обществе города становятся не только центрами концентрации производственных мощностей и аккумуляции людских ресурсов, локализации капитала и органов государственного и регионального управления – они обретают статус образовательных, научных и культурных центров, становятся средоточием политической и общественной жизни. Таким образом, город делает очевидными и осязаемыми те перемены, которые принесла с собой индустриальная цивилизация, и в этом смысле становится ее символом. Если в традиционном обществе функцию главного института социализации выполняла семья, транслируя в качестве образца

моральные нормы, то теперь агентом социализации выступает город, а приоритетной нормативной системой, регулирующей отношения между людьми, считается право. В результате появляется так называемый экономический человек как «идеальный тип» (в терминологии М. Вебера) индустриальной цивилизации, для которого приоритетным становится практическое целерациональное действие, основанное на калькуляции и ориентированное исключительно на успешное достижение цели.

Промышленная революция, начавшаяся в последней трети XVIII в., повлекшая за собой возникновение крупной индустрии и создавшая возможности для бурного научно-технического прогресса, способствовала интенсификации урбанизационных процессов и концентрации человеческих ресурсов не просто в городах – в больших городах. Как отмечает Ф. Бродель, если в позднем Средневековье демографический рост стимулировал более-менее равномерное появление городов вне зависимости от их размера, то начиная с Нового времени «шансы на политический успех закрепляются за несколькими городами, а остальные исключаются. Такие немногие города росли не переставая, притягивая к себе людей, приобретая привилегии, несмотря на безотрадную конъюнктуру» [2, с. 487]. Флагманами урбанистического развития были Лондон и Париж. В итоге в XIX в. в больших городах, во-первых, институциональное оформление получают два класса-антагониста: пролетариат и буржуазия, во-вторых, в городах закладываются основы массового общества.

Базовой интенцией человека массы – жителя большого города – стало недоверие к другим и закрытость. С одной стороны, эти чувства продиктованы экстраполяцией такого недоверия к незнакомому миру на его обитателей, с другой – они выступили механизмом психологической защиты. Г. Зиммель, развивая свою философию города, пишет, что «внутренние отношения жителей больших городов друг к другу формально характеризуются замкнутостью, обособленностью. Если бы непрерывным внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение, – если бы это было так, внутренний мир распался бы на атомы, и душевное состояние стало бы прямо невозможным» [14].

Крупный индустриальный город XIX – начала XX в., приспособившись к новому типу горожанина, в сравнительно короткие (по отношению к предыдущим столетиям) сроки изменили свой облик. Обнажение различий между классами коррелирует с окончательным разрывом между центром и периферией города: перед городскими властями стоит задача очистить центр, уничтожить трущобы и вытеснить пролетариев и маргиналов на городские

окраины. Этот, по выражению А. де Токвиля, «демократический век», век индивидуализма [15] создает город, удобный для отдельного индивида. Как пишет Р. Сеннет, «проектировщики городов XIX в. стремились создать толпу свободно перемещающихся индивидов и препятствовали движению по городу организованных групп. Передвигаясь по городскому пространству, отдельные тела постепенно теряют связь и с самим пространством, в котором они движутся, и с теми людьми, которые обитают там вместе с ними. По мере того как пространство обесценивается из-за подобного движения, индивиды утрачивают ощущение своей общей судьбы» [7, с. 396]. Кроме того, рост городов диктует необходимость организации массового передвижения индивидов, возникновение метро закрепляет классовые различия, а расширение сети городского общественного транспорта формирует новое социальное тело – не пешехода, а пассивного пассажира, чье восприятие города опосредовано окном омнибуса, затем – трамвая, автобуса и т. д. Пассажир перемещается из точки А в точку Б, находясь в позиции объекта, вписанного в циркуляцию городской жизни, в отличие от активного пешехода-горожанина, выступающего в качестве субъекта города, покоряющего его шаг за шагом и тем самым присваивающего его. В. Беньямин называет такого пешехода фланером, т. е. прогуливающимся, для которого важно отсутствие специальной цели перемещения по городу, смысл заключается в самом передвижении и слиянии с городом; автор пишет: «Фланер – праздношатающаяся личность, в этом его протест против разделения труда, обращающего людей в специалистов» [16, с. 78]. Фланер – тот, кто утверждает человекомерность города «в чистом виде», для кого важен город как таковой, и в этой востребованности нет ни тени утилитаризма. По сути, это способ познания города, который исходит из восприятия города как чуда: «Не найти дорогу в городе – невеликая премудрость. А вот заблудиться в городе, как в лесу, – тут требуется выгучка» [17, с. 27]. Фланеру присуще особое переживание времени: «году в 1840-м хорошим тоном считалось выгуливать черепах в пассажах. Темп, заданный черепахой, вполне подходил фланеру» [16, с. 78]. К началу XX в. феномен фланерства постепенно исчезает и проявляется разве что во взгляде туриста. Однако, как утверждали Э. Амин и Н. Трифт, нынешний урбанизм возрождает традицию фланерства «рассматривать город с близкого, уличного расстояния» [18], а фигура фланера призвана раскрыть транзитивность города – специфику его хронотопологии, порожденной полифонией истории и способностью впитывать новое.

Современный город задает человеку не только специфическое восприятие пространства, но и особое переживание времени, причем организация городского пространства становится прямо

подчиненной идее самоценности времени: пространство воспринимается как расстояние, которое нужно пересечь в максимально короткие сроки. «Единственным смыслом пространства стало, таким образом, передвижение само по себе: теперь мы измеряем городское пространство степенью легкости, с которой мы можем проехать его насквозь...» [7, с. 16]. Этому способствуют современная городская планировка, типовая застройка, не отвлекающая внимание водителя, отсутствие интереса пассажира к окружающему ландшафту. В настоящее время темпоральная дифференциация характеризует мироощущение не только отдельных социальных групп горожан, но и городов как таковых: чем крупнее город, тем активнее ритм его жизни, тем большую значимость для него представляет время и в большей мере планирование городских пространств отражает ценность этого времени. Исследование городского времени инициирует возникновение такого направления на стыке современной урбанистики и философии, как ритм-анализ, предметом которого выступает мультитемпоральность города.

Распространение на рубеже XIX–XX вв. общественного транспорта способствовало развитию еще одного важного феномена: при сокращении дистанции между пассажирами постепенно утверждается нормативность тишины, не нарушаемой звуком человеческого голоса: «...тишина стала использоваться для защиты частного пространства индивида. На улицах, как и в вагонах, люди начали исходить из того, что они имеют право не общаться с незнакомцами и воспринимать обращение к себе как нарушение этого права» [7, с. 421]. Это становится фактором, который закрепляет усиливающуюся социальную атомизацию; современный город (по крайней мере, большой город) более не является абеляровским братством. Подобно тому, как мегаполис, с точки зрения О. Шпенглера, уничтожает окружающий ландшафт и становится миром, «рядом с которым не должно существовать никаких других городов» [1, с. 119], житель мегаполиса, воспринимающий другого индивида как конкурента, заинтересован если не в его тотальном отсутствии в городском пространстве, то в минимизации любых случайных контактов с ним.

Разрастание городского пространства и быстрые темпы увеличения численности населения (в первую очередь за счет внутренней миграции) также отражаются на облике города, превращая его, по словам Г. Дебора, в псевдодеревню, населенную «новым крестьянством», главной чертой которого становится отсутствие рефлексии: «распыленность в пространстве и ограниченный стиль мышления, которые всегда мешали крестьянству предпринимать независимые действия и утверждать себя в качестве творческой исторической силы, вновь становятся характерной чертой производителей, ибо развитие

мира, производимого ими самими, также остается полностью за пределами их способностей понимания и действия, как это было при естественном ритме работ сельского общества» [19, с. 97].

Исторически город формировал особую среду существования человека – публичное пространство, одним из первых образов которого была греческая агора – «пустое место», площадь, организованная не только для торговли, но и для коммуникации. Вокруг этого «пустого места» и обустраивался город. Х. Арендт определил публичное пространство как нетождественный природному мир, представляющий собой «собирательное понятие для всего, что разыгрывается между людьми... Совместно жить в мире означает по существу, что некий мир вещей располагается между теми, для кого он – общее место жительства, а именно в том же смысле, в каком, скажем, стол стоит между теми, кто сидит вокруг него» [20, с. 69]. При этом смысловое наполнение публичного пространства контекстуально, релевантно определенному спектру явлений, которые общество допускает на публичное обозрение. Проблема современного города, развивающегося в условиях массового общества, состоит в утрате импульса и возможности объединения людей. Данную ситуацию Х. Арендт сравнивает со спиритическим сеансом, когда «собравшаяся вокруг стола группа людей внезапно видит, что стол силою какой-то магии исчез из их среды, так что теперь два сидящих друг против друга лица ничем больше не разделены, но и ничем осязаемым больше не соединены» [20, с. 69]. Рефлексия над этой проблемой порождает ряд вопросов.

Является ли городское пространство публичным по умолчанию? Что входит в его архитектуру: некие виды городского ландшафта, пригодные для организации публичных мероприятий, или идейно-смысловой контент, рефлексия над которым превращает массу в общество (публику)? Может ли публичное пространство существовать как вакуум, изначально лишенный смыслов, и участвовать в конституировании общественной жизни лишь благодаря своей локализации? Б. Гройс, рассматривая публичное измерение человеческой жизни, понимает его как «публичное взаимодействие, сотрудничество или конфликт, но в первую очередь – опыт экспонирования, выставленности на всеобщее (общественное) обозрение, можно сказать – опыт публикации» [21]. Однако простой явленности/выставленности недостаточно. Социальные атомы, циркулирующие в городской среде, еще не образуют публики, их экспонирование носит вынужденный характер, а взаимодействия переживаются ими скорее негативно, поскольку каждый движим своими частными интересами, и Другой воспринимается как раздражающий фактор, замедляющий достижение цели. Заполненные людьми городские локусы еще не образуют публичного пространства. Оно должно в первую очередь определяться как топос,

предназначенный для генерирования смыслов в интеракции горожан.

В современной урбанистике, согласно вовлеченности города в мировую экономику, политику и культуру и степени его влияния на эти сферы, существует практика разделения больших городов на три категории: обычные города (*ordinary cities*), мировые города (*world cities*) и глобальные города (*global cities*) [22], например, Лондон – глобальный город, Москва – мировой, а Каир – обычный мегаполис, имеющий признаки становления мирового города. Чем выше данная вовлеченность, тем сильнее в городе проявляется порожденная глобализацией мультикультурность, становящаяся детерминантой идентичности горожанина. Р. Сеннет, анализируя мультикультурный Нью-Йорк и, в частности, район Гринвич-Виллидж, представляющий собой яркий микс из проживающих там представителей различных этносов и культур, пишет: «В то время как вся история Нью-Йорка ставит перед нами глобальный вопрос о возможности создать гражданскую культуру на основе человеческих различий, проблема Гринвич-Виллидж гораздо конкретнее: каким об-

разом жители могут ощутить подобную гражданскую культуру многообразия как органичную часть самих себя» [7, с. 441].

С одной стороны, город стремится ассимилировать втекающие в него культуры, с другой – трансформируется под их влиянием, что, по сути, свидетельствует о процессе креолизации, культурной переплавке. В связи с этим решения требуют одна из центральных проблем современного города: каким образом выстроить фундамент для становления единого сообщества горожан и при этом сохранить культурное многообразие и избежать арендтовской ситуации с исчезновением «спиритического стола». Если современного человека, являющегося идеальным типом эпохи глобализации, нередко определяют как неокочевника с транзитивной идентичностью, то в качестве идеального типа современного города выступает глобальный город XXI в., человекомерность которого проявляется и во внимании к своей истории и коренным жителям, и в открытости для экспатов и иммигрантов, и в готовности к взаимодействию и обмену с иными культурами.

Библиографические ссылки

1. Шпенглер О. *Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы*. Шпарага О, редактор; Борич С, переводчик. Минск: Попурри; 1999. 720 с.
2. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Куббуль Л, переводчик. Москва: Весь мир; 2007. 592 с.
3. Ville Dictionnaire universel Écrit par Antoine Furetière [Internet]. 2021 [cité 2021 mars 18]. Disponible à: <http://xn--furetire-60a.eu/index.php/non-classifie/11877926>.
4. Вернан ЖП. *Происхождение древнегреческой мысли*. Кессиди ОН, редактор. Москва: Прогресс; 1988. 224 с.
5. Рожанский ИД. *Античный человек*. В: Фролова ИТ, редактор. *О человеческом в человеке*. Москва: Политиздат; 1991. с. 282–298.
6. Кларк К. *Нагота в искусстве*. Обрадович А, редактор; Куренина М, Кытманова И, Толстова А, переводчики. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2004. 480 с.
7. Сеннет Р. *Плоть и город в западной цивилизации*. Бабицкая В, редактор; Фаворов П, переводчик. Москва: Strelka Press; 2016. 504 с.
8. Аристотель. *О возникновении животных*. Карпов ВП, переводчик. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1940. 252 с.
9. Иустин Философ. *Послание к Диогнету* [Интернет]. 2021 [процитировано 18 марта 2021 г.]. Доступно по: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/poslanie-k-diognetu/.
10. Блок М. *Апология истории*. Лысенко Е, переводчик. Москва: АСТ; 2020. 256 с.
11. Сартр Ж.-П. *Проблемы метода*. Гайдамака ВП, переводчик. Москва: Прогресс; 1994. 222 с.
12. Ле Гофф Ж. *Другое средневековье. Время, труд и культура Запада*. Бабинцев ВА, редактор; Чистякова СВ, Шевченко НВ, переводчики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2000. 328 с.
13. Бергер ПЛ, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
14. Зиммель Г. *Большие города и духовная жизнь* [Интернет]. 2021 [процитировано 18 марта 2021 г.]. Доступно по: <https://web.archive.org/web/20180920154621/http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>.
15. Де Токвиль А. *Демократия в Америке*. Ласки ГД, переводчик. Москва: Прогресс; 1992. 554 с.
16. Беньямин В. *Бодлер*. Лайма А, редактор; Ромашко С, переводчик. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2015. 224 с.
17. Беньямин В. *Берлинское детство на рубеже веков*. Белобратов АВ, редактор; Снежинская ГВ, переводчик. Москва: Прогресс; 2012. 144 с. Совместно с издательством «Кабинетный ученый».
18. Амин Э, Трифт Н. *Внятность повседневного города. Логос* [Интернет]. 2002 [процитировано 18 марта 2021 г.]; 3. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/vnyatnost-povsednevnogo-goroda.html>.
19. Дебор Г. *Общество спектакля*. Офертас С, Якубович М, переводчики. Москва: Логос; 2000. 184 с.
20. Арендт Х. *Vita activa или о деятельной жизни*. Бибихин ВВ, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 437 с.
21. Гройс Б. *Публичное пространство: от пустоты к парадоксу* [Интернет]. 2021 [процитировано 18 марта 2021 г.]. Доступно по: <http://special.theoryandpractice.ru/groys-public-space>.
22. Robinson J. *Global and world cities: a view from off the map*. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002;26(3):531–554. DOI: 10.1111/1468-2427.00397.

References

1. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Band 2. Welthistorische Perspektiven*. München: Beck; 1922. 648 S.
Russian edition: Shpengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy*. Shparaga O, editor; Borich S, translator. Minsk: Popurri; 1999. 720 p.
2. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle. Volume 1. Les structures du quotidien: le possible et l'impossible*. Paris: Le Livre de Poche; 1993. 736 p.
Russian edition: Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. Moscow: Ves' mir; 2007. 592 p.
3. Ville Dictionnaire universel Écrit par Antoine Furetière [Internet]. 2021 [cité 2021 mars 18]. Disponible à: <http://xn--furetire-60a.eu/index.php/non-classifie/11877926>.
4. Vernant JP. *Les origines de la pensée grecque*. Paris: PUF; 1962. 145 p.
Russian edition: Vernant JP. *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoi mysli*. Kessidi ON, editor. Moscow: Progress; 1988. 224 p.
5. Rozhanskij ID. [Antique man]. In: Frolova IT, editor. *O chelovecheskom v cheloveke* [About the human in the person]. Moscow: Politizdat; 1991. p. 282–298. Russian.
6. Clark K. *The nude: a study in ideal form*. New York: Pantheon Books; 1956. 458 p.
Russian edition: Clark K. *Nagota v iskusstve*. Obradovich A, editor; Kurenina M, Kytmanova I, Tolstova A, translators. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; 2004. 480 p.
7. Sennet R. *Flesh and stone. The body and the city in Western civilization*. London: Faber & Faber; 1994. 458 p.
Russian edition: Sennet R. *Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoi tsivilizatsii*. Babitskaya V, editor; Favorov P, translator. Moscow: Strelka Press; 2016. 504 p.
8. Aristotel'. *O vozniKnovenii zhivotnykh* [On the generation of animals]. Karpov VP, translator. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1940. 252 p. Russian.
9. Justin Martyr. Epistle to Diognetus [Internet]. 2021 [cited 2021 March 18]. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Justin_Filosof/poslanie-k-diognetu/. Russian.
10. Bloch M. *Apology pour l'histoire ou Métier d'historien*. Paris: Librairie Armand Colin; 1952. 112 p.
Russian edition: Blok M. *Apologiya istorii*. Lysenko E, translator. Moscow: AST; 2020. 256 p.
11. Sartre J.-P. *Search for a method*. New York: Vintage Books; 1968. 224 p.
Russian edition: Sartre J.-P. *Problemy metoda*. Gaidamaka VP, translator. Moscow: Progress; 1994. 236 p.
12. Le Goff J. *Pour un autre moyen age. Temps, travail et culture en Occident. La civilisation de l'Occident medieval*. Paris: Flammarion; 2008. 374 p.
Russian edition: Le Goff J. *Drugoe srednevekov'e. Vremya, trud i kul'tura Zapada*. Babintsev VA, editor; Chistyakova SV, Shevchenko NV, translators. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 1992. 328 p.
13. Berger PL, Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York: Anchor Books; 1966. 240 p.
Russian edition: Berger PL, Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
14. Simmel G. The metropolis and mental life [Internet]. 2021 [cited 2021 March 18]. Available from: <https://web.archive.org/web/20180920154621/http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>. Russian.
15. De Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Laski GD, translator. Moscow: Progress; 1992. 554 p. Russian.
16. Benjamin W. *Bodler* [Baudelaire]. Lyme A, editor; Romashko S, translator. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 224 p. Russian.
17. Benjamin W. *Berlin childhood around 1900*. Eiland H, editor. Cambridge: Belknap Press; 2006. 208 p.
Russian edition: Benjamin W. *Berlinskoe detstvo na rubezhe vekov*. Belobratov AV, editor; Snezhinskaya GV, translator. Moscow: Progress; 2012. 144 p. Co-published by the «Kabinetnyi uchenyi».
18. Amin A, Thrift N. Cities. Remaining the urban. *Logos* [Internet]. 2002 [cited 2021 March 18];3. Available from: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/vnyatnost-povsednevnogo-goroda.html>. Russian.
19. Debord G. *La Société du spectacle*. Paris: Gallimard; 1992. 184 p.
Russian edition: Debord G. *Obshchestvo spektaklya*. Ofertas S, Yakubovich M, translators. Moscow: Logos; 2000. 184 p.
20. Arendt H. *Vita activa ili o deyatel'noi zhizni* [The human condition]. Bibikhin VV, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 437 p. Russian.
21. Groys B. The public space: from emptiness to paradox [Internet]. 2021 [cited 2021 March 18]. Available from: <http://special.theoryandpractice.ru/groys-public-space>. Russian.
22. Robinson J. Global and world cities: a view from off the map. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002;26(3):531–554. DOI: 10.1111/1468-2427.00397.

Статья поступила в редколлегию 21.03.2021.
Received by editorial board 21.03.2021.

УДК 316.342.6

РАЗНООБРАЗИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ БЕДНОСТИ И КЛАСТЕРЫ БЕДНОСТИ

Т. Г. АРНАНИЯ-КЕПУЛАДЗЕ¹⁾, Г. А. КЕПУЛАДЗЕ²⁾

¹⁾Государственный университет им. Акакия Церетели, ул. Царицы Тамары, 59, 4600, г. Кутаиси, Грузия

²⁾Кавказский международный университет, ул. Чаргали, 73, 0141, г. Тбилиси, Грузия

Сегодня растет потребность в накоплении и обобщении знаний, связанных с вопросами изучения бедности. Это должно способствовать разработке новых подходов к борьбе с бедностью, без чего любая попытка изучить эту сложную и многогранную проблему обречена на неудачу. Дальнейшее развитие общей теории бедности посредством обобщения накопленных знаний, относящихся к пониманию сущности бедности и ее типов является целью настоящего исследования, теоретико-методологическими основаниями которого выступают анализ, сравнение, систематизация и классификация различных взглядов на бедность, разработанных в научной литературе по экономике, социологии, антропологии, психологии и политическим наукам. Изучены различные взгляды на сущность бедности. Выделены семь критериев определения бедности: денежное (монетарное) понимание сущности бедности, понимание бедности на основе дисбаланса соотношения количества ресурсов и численности населения, классовое понимание бедности, понимание бедности, основанное на стандартах жизни, определение бедности на основе самоидентификации, определение бедности на основе образа жизни, понимание бедности, основанное на человеческих возможностях. Выявлены, сопоставлены и объяснены 34 различных наименования 27 типов бедности, которые подразделены на 8 кластеров бедности: кластер основных типов бедности, кластер оценки бедности, кластер

Образец цитирования:

Арнания-Кепуладзе ТГ, Кепуладзе ГА. Разнообразие определений понятия бедности и кластеры бедности. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;2:21–28 (на англ.).

For citation:

Arnania-Kepuladze TG, Kepuladze GA. Poverty definitions diversity and clusters of poverty. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;2:21–28.

Авторы:

Тамила Георгиевна Арнания-Кепуладзе – кандидат экономических наук (экономика и менеджмент); профессор кафедры экономики факультета бизнеса, права и социальных наук.

Георгий Акакиевич Кепуладзе – кандидат экономических наук; профессор кафедры менеджмента факультета бизнеса.

Authors:

Tamila G. Arnania-Kepuladze, PhD (economics and management); professor at the department of economics, faculty of business, law and social sciences.

<https://orcid.org/0000-0001-8911-7173>

tamila.kepuladze@atsu.edu.ge

Giorgi A. Kepuladze, PhD (economics); professor at the department of management, faculty of business.

<https://orcid.org/0000-0003-4642-7811>

giorgi.kepuladze@ciu.edu.ge

происхождения бедности, кластер проявления бедности, кластер характера бедности, кластер устойчивости бедности, кластер распределения бедности, кластер исключения. Практическое значение исследования состоит в систематизации определений бедности и его кластерном анализе, которые направлены на лучшее понимание феномена бедности, что может способствовать разработке новых подходов к борьбе с проблемой и быть полезным для поиска эффективных способов ее преодоления. Оригинальность и ценность исследования заключаются в представлении результатов всестороннего и комплексного анализа существующих объяснений и определений сущности бедности и ее типов, а также в предложении авторского видения их систематизации и классификации.

Ключевые слова: определения бедности; типы бедности; кластеры бедности.

Благодарность. Авторы выражают благодарность коллегам кафедры экономики Государственного университета имени Акакия Церетели за их неоценимую помощь на каждом этапе проведения исследования проблем бедности, за высказанные ими критические замечания и деловые рекомендации.

POVERTY DEFINITIONS DIVERSITY AND CLUSTERS OF POVERTY

T. G. ARNANIA-KEPULADZE^a, G. A. KEPULADZE^b

^aAkaki Tsereteli State University, 59 Tamar Mepe Street, Kutaisi 4600, Georgia

^bCaucasus International University, 73 Chargali Street, Tbilisi 0141, Georgia

Corresponding author: T. G. Arnanian-Kepuladze (tamila.kepuladze@atsu.edu.ge)

Today is a growing need to accumulate and generalise knowledge related to poverty which should facilitate the development of new approaches toward fighting poverty. Otherwise, any attempt to study this complex and multi-faceted problem is doomed to be incomplete. The main purpose of the paper is a further development of the overall theory of poverty through the generalisation of accumulated knowledge, related to poverty essence and poverty types understanding. The theoretical and methodological foundations of the paper are based on the analysis, comparison, systematisation and classification of the different views on the poverty, developed in scientist literature on economics, sociology, political sciences, anthropology, and psychology. Proceeding from the analysis of the different views on the poverty essence the article has been systematised and grouped poverty definitions according to seven different criteria, particularly: monetary-based understanding of poverty, population-resources-ratio-disbalance-based understanding of poverty, class-based understanding of poverty, living-standards-based understanding of poverty, self-identification-based determinations of poverty, life-style-based determinations of poverty, human-capabilities-based understanding of poverty. The analysis of the scientific literature has allowed to find out, compare and explain 34 different titles of 27 types of poverty, that are classified in 8 clusters of poverty: cluster of basic types of poverty, poverty assessment cluster, poverty origins cluster, poverty manifestation cluster, cluster of the poverty nature, poverty sustainability cluster, poverty distribution cluster, cluster of exclusion. Systematisation of poverty definitions and poverty cluster analyse are directed on a better understanding of the poverty phenomenon that might facilitate the development of new approaches toward fighting poverty and be useful for the find out effective ways of its overcoming. The study presents the results of comprehensive and complex analysis of the existing explanation and definitions of poverty essence and poverty types and offers authors' views on their systematisation and classification.

Keywords: poverty definitions; poverty types; poverty clusters.

Acknowledgements. The authors gratitude the colleagues from department of economics of Akaki Tsereteli State University for their invaluable help at every stage of the study of poverty problems, for their critical comments and fruitful recommendations.

Introduction

The socio-economic inequality has always been and continues to be a problem that to a greater or a lesser extent is immanent for all countries and thus has a global character. Despite the adoption and enactment of many programs aimed to combat poverty and making certain positive results, the problem of poverty remains insurmountable and the gap between the richest and the poorest countries and peoples is further enhanced.

The investigation of poverty has a long living history. Income inequality, social stratification, and an arrangement of the community were considered by Plato, Aristotle, Confucius, N. Machiavelli, T. Hobbes, and others. Despite that, the concept of poverty still has no clear scientific explanation and the endless debates about the essence of poverty and its explanation in an academic community continue till now. One of the difficulties in a poverty investigation is the too wide diver-

sity of the definitions of this phenomenon. Poverty is often associated with political processes or considered as a purely economic or anthropological phenomenon.

To make a comprehensive understanding of the poverty issues is important not only in terms of satisfying scientific interest. The pervasive investigation of poverty issue is important, first of all, in its practical significance due to the necessity to developing a policy aimed the overcoming this phenomenon. The lack of a clear understanding of the poverty issue and the existence

of the diversity of poverty types largely determines the difficulty of achieving some significant results in the fight against it.

In other words, without an in-depth study of all forms and types of poverty, the achievement of poverty understanding and finding the ways of its overcoming seems to be greatly complicated.

The aim of this study is to identify, analyse, group, and characterise the types and definitions of poverty essence based on the study of scientific literature.

Literature review: current state of the problem study

The social-economic stratification of society and consideration of poverty as a real-world phenomenon began even in ancient times and was considered by Plato, Aristotle, Confucius, N. Machiavelli, T. Hobbes, and others. Certain aspects of poverty were studied by A. Smith, D. Ricardo, T. R. Malthus, P.-J. Proudhon, J. S. Mill, K. Marx, F. Engels, etc. But during a long time, poverty was usually examined in the wealth being context, and only in the late 19th century a direct investigation of the poverty problem started in England and was associated with Charles Booth (1840–1916), and Benjamin Seeböhm Rowntree (1871–1954).

Today the problem of poverty is studied by different field of social sciences.

Political science distinguishes various ideologies of political powers like conservatives and liberals that give different answers to the question: who is responsible for the social-economic inequality and poverty. The liberals rest the charge for the poverty on the society, while the conservatives – on the poor people themselves [1; 2, p. 5–19]. The theory of justice [3; 4; 5], developed within the political theory of poverty, considers different poverty-related concepts such as politics of distribution, the politics of recognition, the politics of affirmation, and politics of transformation [3; 4, p. 424; 5, p. 75].

Psychological science is based on S. Freud's [6] belief that the ego is a part of the human psyche that perceives reality or the external world as a pressure of inner and outer conflicts. The psychological theory of poverty considers behaviour of the poor based on the attribution theory [7] that recognises two styles of attributions: internal or dispositional attribution that explains humans' behaviour through their personal characteristics and abilities, and external attribution or situational attribution that is based on the situational explanation of human behaviour.

The anthropologists develop various approaches to poverty investigation that are based on the inter-comparison of different cultures and on the analysis of the peculiarities of poverty. The *emic approach* or the view from inside directly integrates poor into a socio-cultural environment while the *etic approach*, i. e. the view from outside suggests objectivity of opinions when poverty is evaluated by people outside of a socio-cultural envi-

ronment and therefore assumes the objectivity, neutrality, and universality of their opinions [8].

Sociology introduces poverty as a person's lifestyle position and a system of adopted values, as a social good and a basis for the instinct of self-preservation [9; 10], while the representatives of the egalitarian approach consider poverty as a social evil. The (sub)cultural theory of poverty, developed in sociology, closely connects the culture of poverty with the idea of the «vicious circle of poverty» [11].

In the economic sciences, the theory of poverty is based on a material approach, i. e. on the possibility to satisfy the material needs of human beings. Different economic schools use different approaches toward poverty investigation and develop various views on this problem. The representatives of classical and neoclassical economic schools [12–16] mostly investigated the problem of welfare achievement and discussed poverty as a hindering factor to furtherance this goal. In this case, the views, developed by J. Proudhon [17] could be considered as an exception because he estimated poverty as a result of conflict between limitless human consumption and limited opportunities for production. Another exception is K. Marx's understanding of poverty who considers poverty as a result of class exploitation [18]. For R. T. Malthus poverty was associated with a disproportion between redundant population and lack of resources [14] and institutionalist J. Commons [19] partly agreed with Malthus although he claimed that it is not obligatory that the poor strata of society are living in a parasitic manner. The representative of neoliberal school F. Hayek [20] believes poverty can be overcome only through achievement of common prosperity while for M. Friedman overcoming poverty is possible through charitable activities [21].

Among the modern prominent researchers of poverty should be noted A. Sen [22], D. J. Sachs [23], P. Townsend [24], E. S. Reinert [25], J. Stiglitz [26], T. Shildrick and J. Rucell [27], etc. Different authors consider various aspects of poverty and social-economic inequality [28–30].

Despite the considerable significance of the research and results obtained by the above-mentioned authors, the alleviation of poverty-related problems still requires attention and development of theoretical-methodological approaches toward the study of this complicated and ambiguous socio-economic issue.

Methodology

The study is based on the analysis, comparison, systematisation and classification of the poverty essence definitions and poverty types-related scientific views,

developed by scholars from different field of social sciences such as economics, sociology, political sciences, anthropology, and psychology.

The variety of the definitions of poverty essence

There is an abundance of poverty essence understanding in the scientific literature. Based on the analysis and systematisation of these determinations, it is possible to group the definition of poverty according to the following criteria:

1) *monetary-based understanding of poverty* that is based on the poverty explanation by low income that cannot meet elementary physiological needs (P.-J. Proudhon, K. Marx, J. Sachs, E. S. Reinert, J. Stiglitz, World Bank, etc.) [17; 18; 23; 25; 26; 31];

2) *population-resources-ratio-disbalance-based understanding of poverty* that determinates poverty as the result of the disproportion between the number of resources and number population (P. J. Proudhon, R. T. Malthus, etc.) [14; 17; 31];

3) *class-based understanding of poverty* that describes poverty as a product of socio-economic relations (K. Marx, P. Townsend, E. S. Reinert, etc.) [18; 24; 25];

4) *living-standards-based understanding of poverty* that determines poverty as non-compliance with accep-

ted in a certain society, sub-societies, or groups standards of life (H. Spencer, P. Townsend, etc.) [9; 24; 32];

5) *self-identification-based determinations of poverty* that explains poverty in terms of self-assessment of own well-being by a separate individual or by groups of individuals (S. Rowntree, C. Butt, etc.) [33–35];

6) *life-style-based determinations of poverty* that explains poverty as a specific-philosophical perception of the world and life. Such viewpoint was developed by Aristotle, Plato, Confucius, J. Bentham, as well by M. Weber, O. Lewis, and others [35–37];

7) *human-capabilities-based understanding of poverty* that considers poverty as a result of a person's or group's ability to improve own material state (A. Sen, etc.) [24; 38–40].

Each kind of poverty definition expresses certain aspects and different sides of such a unified and multifaceted phenomenon as poverty is. However, determining the concept of poverty and, therefore, understanding it depends on the diversity of the types of poverty.

The variety of poverty types and their clusters

The study of poverty-related scientific literature and normative documents revealed a significant diversity of types of poverty, allowing them to be grouped into clusters.

Cluster of basic types of poverty. There are three types of poverty that could be considered as classical (basic) types of poverty – absolute poverty, moderate poverty and relative poverty.

Studying a poverty issue, economists, sociologists, and political scientists, as well as politicians, and public servants, most often are focused on absolute poverty, which, compared to other types of poverty, has historically earliest emerged and earliest attracted the attention of scholars and politicians.

Absolute poverty (extreme poverty, subsistence poverty) is defined as a situation when individuals, group of individuals, or household due to their low income can't satisfy their basic (or most essential and common) needs in food, clothes, dwelling and therefore can't satisfy the minimum requirement for biological survival.

An analysis of the views held in the scientific literature has shown that there is a narrow and broad understanding of absolute poverty.

The narrow understanding of absolute poverty stems from the assumption of whether a person is hungry or how hungry he or she is.

A broad way of poverty understanding means that along with lack food people are deprived of clean water, sanitation, health care, shelter, and information [41, p. 20].

Moderate poverty is considered as a situation where the individual's and household's income and consumption are higher than the cost of the food basket, but cannot reach the lowest level of the welfare.

Relative (deprivational) poverty is defined by comparison of individual's real-life condition with the living standards of the (sub)society where the individual lives.

Poverty assessment cluster. Poverty studies are based on subjective and objective assessment. By this a way objective poverty and subjective poverty can be distinguished.

Objective poverty is based on the objective approach to poverty investigation, that proceeds from a monetary understanding of poverty and considers poverty from a position of insufficient income and lack of other material resources, while *subjective poverty* that comes from a subjective approach of poverty investigation stems from a personal assessment of own well-being by a person.

Poverty origins cluster. By its origins, poverty could be divided on primary poverty and secondary poverty.

Primary poverty is defined as insufficient income to meet basic needs like food, clothing, etc., and maintain

physiological efficiency under conditions of rational spending of the existing income, while *secondary poverty* is a situation when in the conditions of enough financial resources a person experiences insufficiency in satisfaction of basic needs due to the irrational using of the existing financial resources [33–35].

By dividing poverty into primary and secondary poverty, it is possible to distinguish two groups of poor: those who are really poor (primary poverty) and those who irrationally use existing material resources (secondary poverty).

Poverty manifestation cluster. By its manifestation, poverty could be registered and unregistered.

Registered poverty is poverty that is officially recognised. Therefore, it is *official poverty*.

Registered or official poverty is poverty, which is defined in terms of the poverty line officially established in the country.

Unregistered poverty is poverty that exists in reality but isn't defined by officials and therefore it could be invisible. By such viewpoint this type of poverty can be called *invisible poverty*.

Cluster of the poverty nature. According to its nature, poverty could be monetary, material, and economic.

If *monetary poverty* implies a lack or insufficiency of cash, *material poverty* is a shortage of material resources necessary to meet people's daily needs [42–44]. That is, if monetary poverty is related to income, material poverty is related to consumption.

Economic poverty – is a concept applied to the able-bodied population who, due to the conjuncture or other causes created in the labour market, are unable to provide themselves with adequate living conditions. Economic poverty is a broader concept than just a lack of finance and includes fewer opportunities for employment and, therefore, resource allocation and appropriation.

Poverty sustainability cluster. According to poverty sustainability, there are a wide set of poverty types.

Sustainable or traditional poverty is a situation when poverty produces poverty. It is hereditary poverty, or the permanent transmission of poverty from one generation to the next in a family or country, that creates the phenomenon of a vicious circle of poverty [9–11].

There is a widespread opinion in the economic, political, sociological scientific literature [9–11; 25; 45; 46], that, independent of the causes of poverty, it is characterised by permanent self-reproduction. It is believed that the poorer a country or a person is, the higher is the probability to fall into a vicious circle of poverty.

By its essence, sustainable poverty stands close to structural poverty.

Structural poverty is seen as an integral part of public life, which takes place in both developing and developed countries. Structural poverty is attributed to poor people or poor families whose ability to overcome poverty is minimised.

Structural poverty is caused by the particularities of structure or management of public life [47, p. 25]. This type of poverty is seen as a naturally determined phenomenon of public life that cannot be resolved by public progress alone. Structural poverty is often considered, as a useful example of public life, that demonstrated how people expelled from society live and how people should not live.

Chronic poverty is a situation where there is a systematic recurrence of poverty, localised in certain groups or regions over a long period of time when several generations of the population are unable to cope with the causes of poverty. All of this makes the look at poverty as an irreversible phenomenon and causes significant changes in the lifestyle of the population, in norms of behaviour, in human psychology, and in thinking.

Floating poverty is a situation where part of the poor finds an opportunity to move into a materially better state, while part of the middle class or wealthy population goes bankrupt and becomes poor. Floating poverty is also characterised by the situation when the material condition of an individual or household sometimes for some reason worsens and falls below the poverty line, sometimes it improves and the individual or household moves up to the so-called state of wealth. Floating poverty is a much rarer occurrence than sustainable poverty.

Cyclical poverty is related to the cyclical fluctuations of the economy and the declining phase of the economic cycle. That is, cyclical poverty arises under certain conditions of economic conjuncture, and it is expected that it will cease to exist with the change these conditions.

Cyclical poverty is closely chimed with episodic or temporal poverty.

Episodic or temporal poverty is poverty caused by certain factors, which lasts for a relatively short period of time and ends after overcoming of these factors.

Along with episodic (temporary) poverty there is also situational poverty.

Situational poverty is the transition of an individual or household in the position of poverty for a relatively short period of time due to various life accidental circumstances (illness, family problems, etc.) or the influence of individual or household incorrect behaviour. Situational poverty is mainly characteristic of developed countries.

It is believed that the most common cause of situational poverty is job loss and, therefore, loss of income. Thereby could be observed to a direct link between situational poverty and unemployment.

Another type of poverty is the so-called new poverty, which in its content is close to situational poverty.

New poverty is a relatively new term and is related to the origin of the new poor as a phenomenon and as a concept. The new poor appeared in the developed world after the socio-economic crisis of the 1970s. The new poor include two categories of people: on the one hand, they are people who in the past, before losing their

jobs, were well-paid highly qualified specialists, and on the other hand, this category of poor is often attributed to children of relatively wealthy families who cannot find a job after school or higher education graduation and live at the expense of their parents.

New poor significantly differs from ordinary unemployed people because they usually experience less severity of material income loss or its absence. But at the same time, the loss of jobs and income is a strong psychological press for them.

Understanding new poverty applies not only to individuals but also to families.

The new poverty is distinguished and defined by the transition from a stable material and status position into an unstable state.

New poverty and new poor as an event and concept can be spread on the post-socialist space when the breakdown of existing economic ties in the 1990s and the closure or reorganisation of most enterprises or various organisations aggravated employment problems and a large number of highly qualified staff (engineers and technologists working in factories and mills, teachers working in higher and secondary educational institutions, and others) were left without jobs and incomes.

New poverty and new poor as an event and concept can be spread also in the post-socialist space when the breakdown of existing economic ties in the 1990s and the closure or reorganisation of most enterprises aggravated employment problems and a large number of highly qualified staff (engineers and technologists working in factories and mills, teachers working in higher and secondary educational institutions, and others) were left without jobs and incomes.

In addition, political, economic, structural, and social changes in the 1990s significantly reduced overall employment levels, and the majority of the population who previously had stable employment and incomes found themselves unemployed and without income, which led to many negative outcomes.

At the present stage, the new poverty of post-socialist countries is identical to the poverty that arose in the West developed countries in the 1970s.

Poverty distribution cluster. Within this cluster of poverty, the endemic poverty, local poverty, individual poverty, and global poverty could be considered.

Endemic poverty that is also known as widespread poverty or collective poverty, occurs when the national income of a country is so low that it fails to provide adequate living conditions for the population. This kind of poverty characterised by such aggregated indicators as low per capita GDP, low level of final consumption, low life expectancy, high mortality rate, etc.

Local poverty is poverty, which includes certain geographical regions, separate social or demographic groups.

Individual poverty is poverty discussed at the individual level, it is person-equivalent poverty [48; 49]. The

definition of individual poverty is based on material (including monetary) and immaterial understanding.

Global poverty is seen as the most important problem of modernity around the world [48], as poverty, most of which is concentrated in developing countries [29, p. 1, 8]. Global poverty is directly linked to absolute poverty, and its limit is 1.9 US dollars per day.

Cluster of exclusion. In the cluster of exclusion, the social poverty, political poverty, cultural poverty, and spiritual poverty are included.

Social poverty or poverty of disadvantaged is the poverty of vulnerable groups such as unemployed pensioners, single people with disabilities, large families, single-parent families, etc.

Social poverty is one of the most difficult components of poverty typology. Scientists opinion regarding this type of poverty widely varies. Thus, some authors view social poverty as an exclusion from a society in which an individual lives, as a lack of family support [50, p. 8; 51]. Thus, such a point of view puts social poverty in direct connection with the scarcity or absence of social capital. In addition, social poverty can be defined as the poverty of the associative elements of society (the homeless, the drunks, the drug addicts, etc.). From this point of view, it would be more appropriate to call this type of poverty *associative poverty*.

Political poverty is defined as an exception from the public and civic decision-making process [50, p. 8], which is associated with the negative impact of human inequality.

Political poverty is the inability of certain groups of the population effectively participate in democratic processes, to «initiate discussion of the issues they need», which «makes them vulnerable to the consequences of their decisions» [52, p. 25].

Political poverty pushes people out of the public sphere. Therefore, people lose the opportunity to influence the current socio-political processes in the country and protect their interests. These people take the observers position and their civic and social passivity is perceived by the government as sharing their policies and consent with ongoing processes [52]. Such a passive position is taken not only by the extremely poor marginalised, homeless people or people with low qualifications and low incomes, but also the vast majority of the intellectual elite of the country – doctors, teachers of secondary schools and higher education institutions, researchers, etc., who may be either members of economic poverty or new poverty, who due low incomes or lack thereof are more preoccupied with solving the problem of survival and therefore do not fully participate in the socio-political life of society. They fail to make useful decisions for themselves and thus further strengthen their unfavourable situation, as the levers of decision-making are increasingly concentrated in the hands of the political elite. In turn, the political elite uses this opportunity to pursue their own interests.

Cultural poverty is created in a certain public environment and has all characteristics of this space. Cultural poverty is a combination of beliefs, attitudes, values, and practices that arise from sustainable poverty, that grow over time and do not change according to structural conditions [36; 37]. According to O. Lewis poverty changes the morals of poor people and children who emerge and grow up in poverty, master the habits and behaviours characteristic of their circle, local (often negative) culture like laziness, carelessness, discipline, etc. Therefore, it will be difficult for children born and raised in poverty to escape from this environment in the future.

Thus, cultural poverty will become the basis for the poverty of future generations [29, p. 725; 34; 35; 53, p. 26] and create conditions for the immortality of poverty.

Cultural poverty is the result of economic poverty and it is seen as part of a culture of poverty, which, in turn, is an integral part of a larger-scale problem – poverty in general.

Spiritual poverty is a specific form of poverty, which in the given case refers not to a person's moral character or low level of spiritual and moral development, but to people's inability to provide for themselves without the help of charities or rich people.

The diversity of types of poverty largely depends on the variety of causes of this complex socio-economic phenomenon. In determining the various types of poverty, we must remember that all these aspects relate to various aspects of one phenomenon – poverty. Therefore, it is sometimes difficult to draw a line between different types of poverty, which is why some forms of poverty can be mutually exclusive.

Conclusion

Fighting against poverty usually derived from the economic understanding of this phenomenon and is based on the economic methods of struggle against it. As scientific researches and socio-historical practice have demonstrated, such an approach could not solve the poverty-related problems, could not reduce poverty. It does not provide a more or less complete and comprehensive answer about sources of poverty and the perspectives of their overcoming and, therefore, it cannot achieve some sort of positive results.

Poverty is a complex and multi-dimensional socio-economic phenomenon and its investigation is related to a set of difficulties that claims to identify and estimate, to define and improve the theoretical and methodological peculiarities of its investigation.

Based on the analysis and systematisation of definitions of poverty that were given by different governmental and non-governmental organisations, different scientific literature and other sources, six different cri-

teria of poverty definition are distinguished in the paper. Additionally, the paper defines 34 different titles of 27 types of poverty, that are classified into 8 clusters of poverty. It can be expected an increase in the number of poverty types along with feather development of the theory of poverty, that might to change some aspects of the given classification which will contribute to the subsequent improvement of the proposed approach to the investigation of types poverty.

The economic development of a country and social-economic politics of struggling against poverty as well as the social security of poor people should be considered as a united strategy that should be based on the analysis of poverty reasons that can provide efficient approaches toward poverty overcoming.

The specification of poverty essence and the systematisation of its types given in this article will be useful for a further deeper understanding of poverty reasons and to define effective ways for poverty overcoming.

References

1. Gans HJ. *Poverty and culture: some basic questions about methods of studying lifestyles of the poor*. In: Townsend P, editor. *The concept of poverty: working papers on methods of investigation and life-styles of the poor in different countries*. London: Heinemann; 1970. p. 146–164.
2. Miller W. Lower class culture as a generating milieu of gang delinquency. *Journal of Social Issues*. 1958;14(3):5–19.
3. Rawls J. *A theory of justice*. Revised edition. Cambridge: Belknap Press; 1999. 560 p.
4. Feldman LC. Redistribution, recognition, and the state: the irreducibly political dimension of injustice. *Political Theory*. 2002;30(3):410–440. DOI: 10.1177/0090591702030003007.
5. Fraser N, Honneth A. *Redistribution or recognition? A political-philosophical exchange*. London: Verso; 2003. 286 p.
6. Freud S. The ego and the id. In: Strachey J, editor. *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Volume 19*. London: Hogarth Press; 1961. p. 12–66.
7. Moreira V. Poverty and psychopathology. In: Carr SC, Sloan TS, editors. *Poverty and psychology: from global perspective to local practice*. New York: Springer; 2003. p. 69–86. DOI: 10.1007/978-1-4615-0029-2_4.
8. Pike KL. *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*. Glendale: Summer Institute of Linguistics; 1954. 170 p.
9. Spencer JH. *Social statics: the conditions essential to human happiness specified, and the first of them developed*. London: John Chapman; 1851. 476 p.
10. Colquhoun PA. *Treatise on the wealth, power, and resources of the British Empire*. London: J. Mawman; 1814. 549 p.
11. Cohen P. «Culture of Poverty» makes a comeback. *New York Times*. 2010 October 8.

12. Smith A. *Lectures on justice, police, revenue and arms (1763)*. Cannan E, editor. Oxford: Clarendon Press; 1869. 293 p.
13. Ricardo D. *On the principles of political economy and taxation*. Sraffa P, Dobb MH, editors. Cambridge: Cambridge University Press; 1951. 447 p.
14. Malthus R. *Essay on the principle of population. Volume 1*. 6th edition. London: John Murray; 1826. 614 p.
15. Jevons WS. *Letters & journal of W. Stanley Jevons*. Jevons HA, editor. London: Macmillan and Co.; 1886. 473 p.
16. Pigou AC. *The economics of welfare*. 4th edition. London: Macmillan and Co.; 1932. 837 p.
17. Proudhon P-J. *The philosophy of progress. Volume 20. Part 1. Left liberty the new proudhon library* [Internet]. 2008 [cited 2021 January 15]. Available from: http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/proudhon/philprog.pdf.
18. Marx K. *Capital: a critique of political economy. Volume I*. New York: Vintage; 1977. 1152 p.
19. Commons JR. *Races and immigrants*. New York: The Macmillan Company; 1907. 242 p.
20. Hayek FA. *The fatal conceit. The errors of socialism. Volume 1*. Bartley WW III, editor. Chicago: University of Chicago Press. (The Collected Works of F. A. Hayek).
21. Milton Friedman, a giant among economists. *The Economist*. 2006 November 23.
22. Sen A. *Reason before identity*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 31 p.
23. Sachs JD. *The end of poverty: economic possibilities for our time*. New York: Penguin Press; 2005. 396 p.
24. Townsend P. *Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living*. Harmondsworth: Penguin Books; 1979. 1216 p.
25. Reinert ES. *How rich countries got rich and why poor countries stay poor*. London: Constable; 2007. 365 p.
26. Stiglitz JE. The price of inequality: how today's divided society endangers our future. New York: W. W. Norton & Company; 2012. 560 p.
27. Shildrick T, Rucell J. Sociological perspectives on poverty. Joseph Rowntree Foundation [Internet]. 2015 [cited 2021 January 15]. Available from: <https://www.jrf.org.uk/report/sociological-perspectives-poverty>.
28. Tanner M, Hughes C. The war on poverty turns 50: are we winning yet? *Cato Institute Policy Analysis*. 2015;761:1–26.
29. Sumner A. *Global poverty, aid, and middle-income countries: Are the country classifications moribund or is global poverty in the process of 'nationalizing'?* Helsinki: UNU-WIDER; 2013. (WIDER Working Paper; No. 2013/062).
30. Scheve K, Stasavage D. Institutions, partisanship, and inequality in the long run. *World Politics*. 2008;61(2):215–253. DOI: 10.1017/S0043887109000094.
31. Proudhon P.-J. *System of economical contradictions; or, the philosophy of misery*. Tucker BR, translator. Cambridge: John Wilson and Son; 1888. 228 p.
32. Spencer JH. People, places, and policy: A politically relevant framework for efforts to reduce concentrated poverty. *The Policy Studies Journal*. 2004;32(4):545–567. DOI: 10.1111/j.1541-0072.2004.00080.x.
33. Rowntree S. *Poverty: a study of town life*. London: Macmillan & Co; 1901. 437 p.
34. Rowntree S. *Poverty and progress: a second social survey of York*. London: Longmans Green; 1936. 540 p.
35. Rowntree S, Lavers GR. *Poverty and the welfare state: a third social survey of York Dealing: only with economic questions*. London: Longmans Green; 1951. 104 p.
36. Lewis O. *Five families: Mexican case studies in the culture of poverty*. New York: Basic Books; 1969. 368 p.
37. Lewis O. Culture of poverty. In: Moynihan DP. *On understanding poverty: perspectives from the social sciences*. New York: Basic Books; 1969. p. 187–220.
38. Weber M. *The Protestant ethic and the spirit of capitalism*. New York: Scribner; 1958. 292 p.
39. Sen A. Poor, relatively speaking. *Oxford Economic Papers*. 1983;35(2):153–169.
40. Sen AK. The possibility of social choice. In: Persson T, editor. *Nobel Lectures: Economic Sciences*. Singapore: World Scientific; 2003. p. 178–215.
41. Shaefer LH, Edin K. Rising extreme poverty in the United States and the response of federal means-tested transfer programs. *Social Service Review*. 87(2):250–268. DOI: 10.1086/671012.
42. Alkire S, Roche JM, Santos ME, Seth S. Multidimensional poverty index 2011: brief methodological note. Oxford Poverty & Human Development Initiative (OPHI) [Internet]. 2011 [cited 2021 January 15]. Available from: http://www.ophi.org.uk/wp-content/uploads/MPI_2011_Methodology_Note_4-11-2011_1500.pdf.
43. Alkire S, Yalonzky G. Why multidimensional poverty measures? [Internet]. 2011 [cited 2021 January 15]. Available from: <http://www.ophi.org.uk/wp-content/uploads/OPHI-HDCA-SS11-Why-MD-Poverty-Measures-SA.pdf>.
44. Herrera J. *Measuring poverty: from monetary to multidimensional poverty incidence*. Paris: NOPOOR Working Paper; 2013. 21 p.
45. Leibenstein H. *Economic backwardness and economic growth. Studies in the theory of economic development*. New York: John Wiley & Sons; 1957. p. 48–51.
46. Nurkse R. *Problems of capital formation in underdeveloped countries*. Oxford: Basil Blackwell; 1953. 163 p.
47. Susilowati WK, Rahutami AI, Winarno ARD. The development of self-helping model for poverty alleviation on the productive poor group. *Journal of Economics, Business and Management*. 2015;3(7):725–730. DOI: 10.7763/JOEBM.2015.V3.274.
48. O'Connell S, Sillers D. Person-equivalent poverty: an introduction. USAID Economics Brief [Internet]. 2016 [cited 2021 January 15]. Available from: <https://works.swarthmore.edu/fac-economics/455>.
49. Sameti M, Esfahani RD, Haghghi HK. Theories of poverty: a comparative analysis. *Kuwait Chapter of Arabian Journal of Business and Management Review*. 2012;1(6):45–56.
50. Clark CMA. Promoting good wealth: CST and the link between wealth, well-being and poverty alleviation (background paper). 2015 [cited 2021 January 15]. Available from: <https://www.shu.edu/micah-business-ethics/upload/Promoting-Good-Wealth.pdf>.
51. Can you address poverty divide? BBC News [Internet]. 2007 April 27 [cited 2021 January 15]. Available from: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/wales/south_west/6600817.stm.
52. Bohman J. *Public deliberation: pluralism, complexity, and democracy*. Cambridge: MIT Press; 1996. 320 p.
53. Döring F. *The optional society: an essay on economic choice and bargains of communication in an affluent world*. Dordrecht: Springer; 1972. 107 p.

Received by editorial board 21.03.2021.

УДК 330.8:101.1

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Р. С. САЩЕКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются генезис и эволюция либертарианского течения в форме анархо-синдикализма, а также либертарианская модель экономической системы. Выявляется значение теоретико-методологических работ М. Штирнера, П.-Ж. Прудона, М. Бакунина и П. Кропоткина, идеи которых повлияли на становление анархо-синдикализма (ему отводится особая роль в построении либертарного социализма). Осуществляется реконструкция взглядов Н. Хомского на формы социального устройства и сущность государственных институтов. Представлены основные положения либертарианской экономической системы *ParEcon*. Обосновывается либертарно-социалистическая модель экономического развития общества как альтернатива современному капиталистическому устройству.

Ключевые слова: экономика; либертарный социализм; капитализм; анархо-синдикализм; анархо-коллективизм; анархо-коммунизм; мютюэлизм; социальное и экономическое неравенство; *ParEcon*; экономика участия; партисипативная экономика; анархизм.

THE LIBERTARIAN MODEL OF THE ECONOMIC SYSTEM: GENESIS, EVOLUTION, PROSPECTS

R. S. SASHCHEKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the genesis and evolution of the libertarian trend in the form of anarcho-syndicalism, as well as the libertarian model of the economic system. The author reveals the significance of the theoretical and methodological works of M. Stirner, P.-J. Proudhon, M. Bakunin and P. Kropotkin, whose ideas influenced the formation of anarcho-syndicalism, which is assigned a special role in the construction of libertarian socialism. The author reconstructs N. Chomsky's views on the forms of social structure and the essence of state institutions. The main provisions of the libertarian economic system – *ParEcon* – are presented. The author substantiates the libertarian-socialist model of economic development of society as an alternative to the modern capitalist system.

Keywords: economy; libertarian socialism; capitalism; anarcho-syndicalism; anarcho-collectivism; anarcho-communism; mutualism; social and economic inequality; *ParEcon*; participatory economy; anarchism.

В контексте современного развития планетарного социума капиталистическая мир-система, формирующаяся под эгидой неолиберальной экономической политики, не предлагает решения проблемы бедности, а, наоборот, способствует увеличению не-

равенства доходов и благосостояния населения; не обеспечивает прожиточный минимум миллиардам трудящихся, а также в эпоху растущей автоматизации производства не предоставляет им необходимое количество рабочих мест; не гарантирует

Образец цитирования:

Сащeko P.C. Либертарианская модель экономической системы: генезис, эволюция, перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021;2:29–36.

For citation:

Sashcheko R.S. The libertarian model of the economic system: genesis, evolution, prospects. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;2: 29–36. Russian.

Автор:

Роман Сергеевич Сащeko – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И. А. Барсук.

Author:

Roman S. Sashcheko, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
romansashcheko@gmail.com

в полной мере социальную защиту; эксплуатирует окружающую среду и природные ресурсы; фокусируется только на росте ВВП; позволяет привилегированному классу игнорировать экономические интересы большинства жителей планеты [1, с. 35]. Так, по данным OECD¹, треть всех семей в развитых странах находятся на высоком уровне экономического неравенства и являются экономически уязвимыми, не имеющими достаточных финансовых активов, чтобы поддерживать жизненные стандарты выше уровня бедности. Статистические данные международной организации *Oxfarm*, занимающейся решением вопросов бедности и связанной с ней несправедливостью во всем мире, свидетельствуют о том, что проблема экономического неравенства вышла из-под контроля: состояние 1 % самых богатых людей в мире превышает доходы остального населения планеты².

Очевидно, что сегодня многие экономические проекты не соответствуют современному цивилизационному развитию глобализирующегося мира, поскольку не отвечают принципам справедливого распределения и использования ресурсов, на которых базируется экономическая наука [2, с. 96], поэтому они нуждаются в реструктуризации и внесении новаторских элементов. В течение XIX–XX вв. предметом перманентных дискуссий экономистов являлась возможность построения экономической системы, которая была бы свободна от этатизма плановой модели и неограниченной коммерциализации рынка. Существенный вклад в развитие и популяризацию альтернативных (неортодоксальных) концепций в построении такой новой экономической системы внесли теоретики либертарианского социализма в форме анархо-синдикализма.

Согласно американскому историку Дж. Вудкоку, слово «либертарный» как синоним к слову «анархистский» впервые использовал Дж. Дежак в 1858 г. Однако позднее авторство было приписано известному французскому анархо-теоретику С. Фору, основавшему в 1895 г. газету *Le Libertaire*. В целом понятие «либертаризм» в XIX в. употреблялось в политическом контексте, который вполне можно трактовать как антибуржуазный и просоциалистический [3, с. 220].

Возникновение леволибертарианского течения в форме анархо-синдикализма связано с философскими воззрениями М. Штирнера, П.-Ж. Прудона, М. Бакунина и П. Кропоткина, представления которых составили теоретическое ядро программы анархо-синдикализма (в частности, идеи федерализма, подчинение политической борьбы экономическим интересам рабочего класса, объединение в рабочие

ассоциации, переустройство капиталистической системы хозяйствования).

Родоначальниками анархизма по праву считаются У. Годвин и М. Штирнер (настоящее имя – И. К. Шмидт). В работе «Исследование о политической справедливости и ее влиянии на всеобщую добродетель и счастье» (1793) У. Годвин предложил анархо-коммунистическую программу социальных преобразований, основанную на модели децентрализованного общества, главными ячейками которого должны являться автономные коммуны. Немецкий мыслитель М. Штирнер в труде «Единственный и его собственность» (1844) попытался обосновать противоположность интересов общества и государства, а также необходимость децентрализации общественной жизни и производства, что в конечном счете должно привести к построению свободного и справедливого социума. В центре философской концепции ученого находится уникальная личность «единственный», которая должна начать борьбу за свое освобождение от надличностных и деспотичных учреждений (государственных институтов) [4].

Наиболее сильное влияние на развитие анархистской теории оказали работы П.-Ж. Прудона «Что такое собственность?» (1840), «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1946), «Исповедь революционера» (1849) и «О политической способности рабочих классов» (1865). В них автор изложил некоторые идеи об экономическом переустройстве общества и переходе к социализму, задачами которого мыслитель считал достижение реального социального равенства, прекращение вмешательства централизованного государства и экономических монополий в естественные процессы социального развития и обеспечение настоящей свободы, т. е. преодоление власти капиталистов и государства над человеком. В предложенной программе П.-Ж. Прудон, осуждая собственность как привилегию эксплуататоров, провозгласил, что «собственность – это кража». Однако он также утверждал, что «собственность – это свобода», но такое право собственности должно быть реализовано на средства производства для всех [5, с. 110]. Среднее рабочее время, необходимое для создания какого-либо продукта, должно стать мерой ценности и базисом взаимобмена. Таким образом, совсем незначительная роль отводится капиталу, его количество полностью зависит от проделанной работы, он перестает быть инструментом эксплуатации, поскольку является доступным для всех. Данная форма экономического устройства общества делает репрессивный политический аппарат насилия (государство) излишним. Социум, основанный на принципе

¹Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD [Electronic resource]. URL: <https://stats.oecd.org/> (date of access: 01.02.2021).

²OXFARM International. The power of people against poverty [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfam.org/en> (date of access: 01.02.2021).

федерализма, станет добровольным союзом свободных личностей, общин и местностей, которые, ориентируясь на собственные потребности, выстроят свои отношения. Либертарно-социалистическая модель, представленная П.-Ж. Прудонем, получила название мютюэлизм, что с экономической точки зрения понимается как товарищество без бюрократии, капиталистической логики хозяйствования и прибыли. Важная часть экономической системы П.-Ж. Прудона – создание народного банка взаимного кредитования, который должен выдавать беспроцентные кредиты производителям для покрытия издержек [6, с. 22].

Расширив и радикализовав идеи П.-Ж. Прудона, М. А. Бакунин заложил основы анархизма как цельного мировоззрения, а не только как социальной теории или программы действий. В своих работах русский ученый критикует капиталистическую систему, классовые противоречия, безжалостную эксплуатацию народа буржуазией, процветание которой основано «на нищете и на экономической эксплуатации силою капитала труда рабочих». Источником богатства автор считал труд, который отдан на разграбление биржевым спекулянтам, аферистам, живущим в достатке собственникам и капиталистам. Для М. Бакунина «государство есть отрицание человечности» [7, с. 92], поскольку государственные институты, создавая законы, направленные на формирование или сохранение определенной классовой структуры, позволяющей истеблишменту эксплуатировать трудящееся большинство, безжалостно подавляют, поработают, эксплуатируют и уничтожают человека. Государство – это официальная и правильно установленная опека меньшинства компетентных людей, «чтобы надзирать и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка – народа» [7, с. 345]. Мыслитель выступал за идеи полного устранения авторитарности, капитализма, государства и настаивал на создании общества, основанного на коллективистских началах. Либертарно-социалистическая модель общества, изображенная М. А. Бакуниным, называется анархо-коллективизмом [8].

П. А. Кропоткин предложил социально-экономическую программу перехода от буржуазно-бюрократического индустриального общества к созданию существующего на основе единого самоуправления федеративного союза общин. В данной программе анархо-коммунизма ученый видел основные приоритеты в развитии экономической сферы: ликвидацию частной собственности; абсолютный примат потребления над производством (цель производства должна заключаться не в извлечении прибыли, а в удовлетворении потребностей человека); плановость производства; интеграцию физического и умственного труда; распределение средств по потреб-

ностям; коллективную обработку земли городскими и сельскими жителями, прямой обмен между ними; децентрализацию (замену государства и управления свободной федерацией самоуправляющихся территориальных общин и производственных союзов); разукрупнение промышленности. Так, обосновывая необходимость переустройства экономической системы, П. А. Кропоткин пишет: «До сих пор политическая экономия знала только разделение труда; мы же настаиваем на его объединении; на том, что идеалом общества (то есть тем, к чему оно уже стремится) является такое общество, где каждый трудится физически и умственно; где способный к труду человек работает в поле и в мастерской; где каждая нация и каждая область, располагая разнообразием природных сил, сама производит и потребляет большую часть своих продуктов земледелия и промышленности» [9, с. 212]. Ученый считал, что преобразование экономической системы должно начинаться с ее основы, т. е. с формы организации производства. Используя современную экономическую терминологию, следует отметить, что теоретические положения программы анархо-коммунизма аргументируют потребность в децентрализации производства и системы управления, преодолении жесткого разделения труда, развитии сетевой структуры экономических, политических и социальных связей, сферы услуг, сопряженной с повышением роли технологического фактора, науки и образования. Полная реализация альтернативной модели экономического устройства общества, по мнению П. А. Кропоткина, возможна лишь во всемирном масштабе [8].

Виднейший американско-немецкий историк-анархист Р. Роккер представил систематическую концепцию развития либертарианского социализма в направлении анархо-синдикализма. В работе «Анархо-синдикализм: теория и практика» (1973) он отмечает, что проблема, которая ставится перед нашим временем, состоит в том, чтобы освободить человека от проклятия экономической эксплуатации, политического и социального порабощения, т. е. в реконструкции экономической жизни народов с нуля и построении ее в духе социализма [10]. Таким образом, программа анархо-синдикализма предлагает построение экономической системы либертарного социализма («без государства и капиталистических хозяев»), реальным политическим содержанием которой станет «радикально демократическое общество», сохраняющее максимально возможный объем индивидуальных свобод³ [10, р. 15]. По мнению анархистов, свобода – это не абстрактное философское понятие, а жизненно важная конкретная возможность для каждого человека довести до полного развития все силы, способности и таланты, которыми его наделила природа, и обратить их на общественное развитие [11, с. 45]. Чтобы это осуществить,

³Здесь и далее перевод наш. – Р. С.

необходимо использовать ключевые элементы, являющиеся, по мнению мыслителя, производителями (рабочими синдикатами), представляющими собой единственные элементы общества (социальные субъекты), создающие ценность, из которой может возникнуть новое будущее. Их цель заключается как в освобождении труда от экономической эксплуатации, а общества от всех институтов и процедур политической власти, так и в открытии пути к союзу свободных ассоциаций, созданных в интересах всего общества на основе кооперативного труда и планового управления экономикой. Подготовить трудящихся к этой великой цели и сплотить их вместе как воинствующую силу – главная задача анархо-синдикализма.

Находясь под влиянием мютюэлизма, анархо-коллективизма и анархо-коммунизма, идейный представитель либертарного социализма в форме анархо-синдикализма Н. Хомский в труде «Государство будущего» (1970) анализирует и оценивает роль государства в контексте современной экономической модели общества и обозначает векторы его будущего развития. Для ученого формы государственного социализма и государственного капитализма (его автор называет современным государством всеобщего благоденствия) являются одинаково регрессивными и неадекватными социальными моделями, которые не удовлетворяют требованиям развитого индустриального общества и несовместимы с ним, а государство будущего автор связывает с развитием либертарианского социализма как логического продолжения идеологии классического либерализма [12, с. 35].

Современная капиталистическая экономическая система видится Н. Хомскому как система взаимодействия между представителями правительства, бизнеса, финансового и военного секторов, которая существует благодаря труду рабочих и самых бедных слоев населения, она разрушает средний класс и способствует еще большему обогащению богатых и обнищанию бедных, экономической эксплуатации одного человека другим, социальному и политическому порабощению, разобщению общества и дает привилегии крупным международным компаниям [13]. Анализируя идеологию классического либерализма, Н. Хомский отмечает, что либеральные идеи по своей сути являются антикапиталистическими, поскольку мировоззренческие основания классического либерализма исходят из гуманистической концепции человеческой природы, признающей человека свободным, созидающим, ищущим, познающим и самосовершенствующимся. Также ученый говорит о том, что современный капиталистический способ хозяйствования во многих промышленных отраслях стал хищническим и привел к серьезным разрушениям естественной среды человека. Причина кроется в несбалансированном и негармонич-

ном применении научно-технических достижений в процессе производственной деятельности, а также в активном финансировании бизнес-структурами научно-исследовательских институтов. Коммерческие организации, инвестируя огромные средства в науку и прикрываясь благими намерениями, фактически приватизируют и эксплуатируют научные открытия в своих корыстных целях. Исходя из этого, ключевую роль в разрешении перечисленных отрицательных социальных тенденций Н. Хомский отводит профессиональным союзам, которым в государстве будущего следует играть координирующую роль [14, с. 140]. Подводя итог анализа идеологии классического либерализма, философ делает вывод о том, что его концепция связана с важностью свободного созидания и поощрения всестороннего развития человека, что абсолютно не согласуется с капиталистической системой и ее авторитарными принципами экономической и социальной организаций. По мнению Н. Хомского, «классическая либеральная мысль ищет избавления от социальных оков, чтобы заменить их социальными обязательствами, обусловленными не состязательной алчностью хищнического индивидуализма и, разумеется, не корпоративными империями – государственными или частными. Вследствие этого классическая либертарианская мысль, как мне кажется, ведет прямо к либертарианскому социализму» [12, с. 15].

Исследуя государственный капитализм, Н. Хомский делает акцент на центральных системах власти: экономической (представлена системой частных интересов, при которых общество не способно влиять на такие ключевые элементы развитого индустриализма, как коммерческая, финансовая и промышленная системы) и политической (состоит из народных представителей, определяющих общественную политику). На те сферы, на которые распространяется демократическое принятие решений, центры частной власти, контролируя средства массовой информации и политические организации, оказывают очевидное воздействие. Н. Хомский приходит к выводу о том, что демократическая система при капитализме ограничена узкой сферой полномочий, и даже в таких условиях на демократию оказывают влияние концентрированная частная власть и пассивная модель мышления, навязанная авторитарными институтами. В связи с этим демократическая система не может гармонично функционировать при капитализме и учитывать нужды простого народа. Соединяясь, капитализм и демократия вполне могут привести к появлению империй, основанных на власти транснациональных корпораций, демонстрирующих тенденцию к систематическому росту и использованию мировых ресурсов с максимальной эффективностью (извлекая доходы от интегрированной мировой экономики). В подтверждение своих идей Н. Хомский приводит многочисленные

примеры действий крупных международных корпораций, которые, производя манипуляции с налоговыми платежами и игнорируя экологическое законодательство, постоянно переносят рабочие места в страны с низкооплачиваемым трудом, тем самым способствуют экономическому росту и, как следствие, увеличению своей прибыли. Достигается это за счет грубой эксплуатации рабочего. В современном экономическом дискурсе данное явление называется свободной торговлей. Для усиления своей координирующей роли в принятии и реализации управленческих решений на глобальном экономическом уровне крупные корпорации образуют альянсы, в результате чего наблюдается усложнение и переплетение национальных, международных организаций и социальных институтов с высоким уровнем централизованного регулирования. Таким образом, Н. Хомский утверждает, что свободная торговля, по своей сути, есть концентрация власти и капитала [15, с. 88].

Еще одной негативной тенденцией при государственном капитализме представляется создание системы, при которой корпоративные элиты и руководители, имея рычаги управления в экономике, заручаются поддержкой у государственных институтов, тем самым обретают политическую власть. Несмотря на то что их власть не является абсолютной, однако, по мнению Н. Хомского, возможности становятся крайне широки. Обычный народ в этой системе используется для выполнения грязной работы, которая при этом оценивается несоизмеримо мало по сравнению с ее результатом. Анализируя современную социально-экономическую систему, ученый справедливо отмечает, что человек вынужден осуществлять практически любую деятельность в условиях рынка и подчиняться его законам (права человека отныне определяются рынком труда). Представитель франкфуртской школы Э. Фромм назвал данное явление рыночной ориентацией. Он также указывал на то, что в условиях современной капиталистической экономики человек относится к себе и окружающим его людям как к товару, ценность которого может быть определена меновой стоимостью [16, с. 124]. Исходя из этого, процессы отчуждения, подробно описанные К. Марксом, сохраняют свою актуальность и сегодня.

Резюмируя концепцию либертарианского социализма, Н. Хомский отмечает, что идеологически она согласовывается с концепциями классического либерализма, в частности оппозиционной настроенностью по отношению к любым формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, вопросам обеспечения прав человека и экономической свободы. Изучая экономическое и политическое развитие современной социальной системы, автор приходит к выводу о том, что современный монополистический капитализм и тоталитарное государство являются последней стадией общественного развития. Вместо капиталистического экономического порядка должен прийти новый – либертарно-социалистический – как логический исход существующего социального и экономического неравенства.

литарное государство являются последней стадией общественного развития. Вместо капиталистического экономического порядка должен прийти новый – либертарно-социалистический – как логический исход существующего социального и экономического неравенства.

В практическом аспекте для либертарно-социалистической модели недостаточно простого ограничения функций института государства. Следует упразднить государственную власть и заменить ее демократическими формами организации общества с прямым народным контролем над всеми социальными институтами. При либертарно-социалистической модели руководить должны не только те субъекты, которые принимают непосредственное участие в функционировании институтов, но и те, на кого эти институты оказывают прямое или косвенное влияние. Особую роль в построении либертарно-социалистического общества мыслитель отводит программе анархо-синдикализма (для Н. Хомского такой проект не является утопичным), цель которой – упразднить репрессивные и карательные институты, как государственные, так и частные, а также осуществить переход экономики под прямой демократический контроль. Сделать это можно только в том случае, если система государственного капитализма столкнется с сопротивлением самоорганизованных социалистов либертарианского толка (анархо-синдикалистов). В труде «Государство будущего» Н. Хомский ссылается на следующие слова Р. Роккера: «Создать такое движение – вот задача, которая стоит перед нами и которую надо решить, если мы хотим спастись от современного варварства» [14, с. 46]. Под варварством Р. Роккер понимает нынешний экономический строй как источник экономической эксплуатации человека и организованную власть государства как инструмент политического и социального подчинения.

Кроме того, Н. Хомский отмечает, что именно анархо-синдикалистское движение выработало наиболее эффективные методы борьбы с существующим капиталистическим строем и государством. Самыми действенными инструментами экономической борьбы трудящихся для анархо-синдикалистов являются забастовка, бойкот, саботаж, антимилитаристская пропаганда; в критических ситуациях – вооруженное сопротивление людей, защищающих свою жизнь и свободу.

Наиболее распространенный способ каждодневной борьбы – это организованный отказ от работы (забастовка), благодаря которому у рабочих есть возможность добиться улучшения их экономического положения. Такой вид борьбы против социального и экономического рабства оказывает большое влияние на общий рост культуры трудящихся, самоорганизовывает, углубляет понимание происходящего и расширяет интеллектуальный кругозор. В данной

ситуации важное значение имеют такие формирования, как стачки солидарности, под которыми понимается сотрудничество рабочих профсоюзов одной отрасли производства с рабочими профсоюзами из другой в целях распространения всеобщей забастовки, которая способна одним ударом парализовать всю экономическую систему и сотрясти ее до основания. Конечно, анархо-синдикалисты признают, что не все граждане отличаются практической готовностью вступить во всеобщую стачку, поскольку это требует выработки определенной моральной стойкости и социальной ответственности, однако если прекратится работа наиболее важных отраслей производства, этого уже будет достаточно для того, чтобы остановить весь экономический цикл производства.

Действенным инструментом, имеющимся в арсенале анархо-синдикалистов, является бойкот. Рабочие профсоюзы, выступая и в качестве производителей, и в качестве потребителей, могут использовать эту форму борьбы. Как потребители они способны прибегнуть к систематическому отказу покупать товары у определенных фирм, а как производители – установить эмбарго на контракты с теми предприятиями, владельцы которых особенно враждебны по отношению к рабочим профсоюзам.

Достаточно радикальным средством борьбы против капитализма является саботаж. Рабочие профсоюзы могут применить его в том случае, когда другие инструменты экономической борьбы оказались малорезультативными. Сущность этого метода заключается в том, что работники ищут любые возможности, чтобы помешать нормальному ходу работы, нанести ущерб оборудованию, испортить товар и нарушить процесс производства [10, р. 38].

Все перечисленные методы каждодневной борьбы рабочих профсоюзов против господствующего строя должны придать им общественный характер и в конечном итоге привести к торжеству социализма над капитализмом. Рабочие способны добиться полного и окончательного освобождения только при одном условии: если они вместе путем социальной революции, которая демонтирует государственный аппарат, а также экспроприирует капитал у капиталистов, присвоят его, т. е. сырье, все орудия труда (включая землю). Н. Хомский, как и Р. Роккер, убежден в том, что социалистический экономический порядок может быть создан только солидарным сотрудничеством рабочих в каждой отдельной отрасли производства, а не декретами и постановлениями правительства. Осуществить данные действия можно лишь через принятие управления всеми предприятиями самими производителями в такой форме, в которой отдельные группы, заводы и отрасли промышленности станут независимыми членами общего экономического организма и в результате при демократическом контроле смогут производить

и распределять продукт труда в интересах всего общества на основе свободных взаимных договоренностей.

Существует еще одна модель экономического устройства, созданная в духе либертарианского социализма, которая называется *ParEcon* (от англ. *participatory economics* – экономика участия, или партисипативная экономика). Данная модель была предложена представителем антиглобализма М. Альбертом и профессором экономики Р. Ханелем в качестве альтернативы современной капиталистической рыночной экономике и государственному социализму. Взяв за основу принцип совместного принятия решений (на русском языке – «экономика участия») как экономического механизма производства, потребления и распределения ресурсов в обществе, Р. Ханель и М. Альберт предложили термин «анархическое экономическое видение» и определили *ParEcon* формой либертарианского социализма, в которой средства производства находятся в коллективной собственности трудящихся. Равенство, эффективность, разнообразие, солидарность – это те базовые ценности, которые стремятся реализовать *ParEcon*. Для достижения этой цели требуется соблюдение следующих принципов:

- создания советов рабочих и потребителей, основанных на самоорганизации в процессе принятия решений;
- вознаграждения в зависимости от прилагаемых усилий и жертв;
- сбалансированного комплекса работ;
- совместного участия при планировании.

Создавая прообраз нового общества, авторы партисипативной экономики отмечают, что переход к ней должен сопровождаться всеобщей интеграцией в социальные отношения альтернативных взглядов культурного, экономического, политического и межличностного характера, а также массовой мобилизацией и участием. Р. Ханель определил стратегию перехода к новому экономическому порядку как стратегию обороны (и она понадобится), которая должна быть сосредоточена на организации массового сопротивления и неподчинения [17].

Современное общество, по определению Р. Ханеля и М. Альберта, делится на три категории субъектов: собственники, рабочие и координирующие управленцы. В этой иерархии доминирующим звеном являются менеджеры-координаторы, захватившие право принятия решений у трудящихся и усилившие их отчуждение от орудий производства. Для изменения данной ситуации создатели *ParEcon* предлагают не только отменить частную собственность, но и уничтожить любые формы и структуры, отвечающие за их координацию. Стоит отметить, что предложенная авторами модель нового экономического порядка лежит в одной теоретической плоскости с программой анархо-синдикализма.

Таким образом, противоречивые обстоятельства современной капиталистической системы с ее нескончаемыми кризисами побуждают многих современных исследователей к разработке и поиску новых путей и векторов развития экономики. Либертарно-социалистическая модель экономического развития общества может стать вполне приемлемой альтернативой современному капиталистическому устройству с его рыночным деспотизмом, поскольку она ориентирована на гуманные и социальные аспек-

ты экономического хозяйствования, в частности на удовлетворение потребностей всего планетарного сообщества, устранение социального и экономического неравенства и эксплуатации человека. Наиболее существенные особенности либертарианского социализма – ликвидация политического угнетения в обществе, устранение самой возможности эксплуатации человека, эволюционное развитие общества, – несомненно, можно использовать в реальной практике экономической политики государства.

Библиографические ссылки

1. Котлер Ф. *Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики*. Шашкова К, переводчик. Москва: Эксмо; 2016. 288 с. (Top Economics Awards).
2. Барсук ИА. Генезис и эволюция экономического знания как философско-методологическая проблема. *Философия и социальные науки*. 2015;3:96–100.
3. Сапон ВП. О соотношении между понятиями «левый либертаризм/либертарный социализм» и «анархизм». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2008;3:220–224.
4. Штирнер М. *Единственный и его собственность*. Крылова Е, редактор; Гехшиллер МЛ, Гиммельфарб БВ, переводчики. Москва: Рипол классик; 2017. 464 с. (PHILO-SOPHIA).
5. Прудон П-Ж. *Что такое собственность?* Москва: Республика; 1998. 367 с.
6. Герен Д. *Анархизм: от теории к практике*. Москва: Радикальная теория и практика; 2013. 224 с.
7. Бакунин МА. *Философия. Социология. Политика*. Москва: Правда; 1989. 623 с.
8. Рябов ПВ. *Краткий очерк истории анархизма в XIX–XX веках. Анархические письма*. Москва: Красанд; 2010. 184 с. (Размышляя об анархизме).
9. Кропоткин ПА. *Избранные труды*. Москва: РОССПЭН; 2010. 896 с.
10. Rocker R. *Anarchism and anarcho-syndicalism*. London: Freedom press; 1973. 48 с.
11. Дамье ВВ. *История анархо-синдикализма*. Москва: Libroком; 2010. 152 с.
12. Хомский Н. *Государство будущего*. Пискотина Р, редактор; Керви А, переводчик. Москва: Альпина нон-фикшн; 2012. 104 с.
13. Хомский Н. *Будет так, как скажем мы!* Глушакова А, переводчик. Москва: Азбука-Аттикус; 2013. 256 с.
14. Хомский Н. *Гегемония, или Борьба за выживание: стремление США к мировому господству*. Харламов И, переводчик. Москва: Столица-Принт; 2007. 464 с.
15. Хомский Н. *Как устроен мир*. Зайцева НА, редактор; Кабалкин АЮ, переводчик. Москва: АСТ; 2014. 447 с.
16. Фромм Э. *Здоровое общество. Догмат о Христе*. Москва: АСТ; 2005. 571 с. Совместно с издательством «Транзит-книга».
17. Hahnel R. *Of the people, by the people: the case for a participatory economy*. Oakland: Soapbox Press; 2012. 160 p.

References

1. Kotler F. *Konets kapitalizma? 14 antidotov ot boleznei rynochnoi ekonomiki* [The end of capitalism? 14 antidotes to the diseases of the market economy]. Moscow: Eksmo; 2016. 288 p. Russian.
2. Barsuk IA. Genesis and evolution of economic knowledge as philosophical and methodological problem. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2015;3:96–100. Russian.
3. Sapon VP. On the correlation between the concepts of «libertarian socialism/left libertarianism» and «anarchism». *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2008;3:220–224. Russian.
4. Stirner M. *Edinstvennyi i ego sobstvennost'* [The only one and his property]. Krylova E, editor; Gekhshiller ML, Gimmel'farb BV, translators. Moscow: Ripoll classic; 2017. 464 p. (PHILO-SOPHIA). Russian.
5. Proudhon P-J. *Chto takoe sobstvennost'?* [What is property?] Moscow: Respublika; 1998. 367 p. Russian.
6. Guerin D. *Anarkhizm: ot teorii k praktike* [Anarchism: from theory to practice]. Moscow: Radikal'naya teoriya i praktika; 2013. 224 p. Russian.
7. Bakunin MA. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika* [Philosophy. Sociology. Politics]. Moscow: Pravda; 1989. 623 p. Russian.
8. Ryabov PV. *Kratkii ocherk istorii anarkhizma v XIX–XX vekakh. Anarkhicheskie pis'ma* [A brief outline of the history of anarchism in the 19th–20th centuries. Anarchist letters]. Moscow: Krasand; 2010. 184 p. (Razmyshlyaya ob anarkhizme). Russian.
9. Kropotkin PA. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: ROSSPEN; 2010. 896 p. Russian.
10. Rocker R. *Anarchism and anarcho-syndicalism*. London: Freedom press; 1973. 48 p.
11. Damier VV. *Istoriya anarkho-sindikalizma* [History of anarcho-syndicalism]. Moscow: Librocom; 2010. 152 p. Russian.
12. Chomsky N. *Government in the future*. New York: Seven Stories Press; 2011. 82 p. (Open media series). Russian edition: Chomsky N. *Gosudarstvo budushchego*. Piskotina R, editor; Kervi A, translator. Moscow: Alpina non-fiction; 2012. 104 p.
13. Chomsky N. *What we say goes*. London: Penguin Books; 2008. 223 p. Russian edition: Chomsky N. *Budet tak, kak skazhem my!* Glushakova A, translator. Moscow: Azbuka-Atticus; 2013. 256 p.

14. Chomsky N. *Hegemony or survival: America's quest for global dominance*. London: Penguin Books; 2004. 320 p.
Russian edition: Chomsky N. *Gegemoniya, ili Bor'ba za vyzhivanie: stremlenie SShA k mirovomu gospodstvu*. Kharlamov I, translator. Moscow: Stolitsa-Print; 2007. 464 p.
15. Chomsky N. *How the world works*. London: Hamish Hamilton; 2012. 336 p.
Russian edition: Chomsky N. *Kak ustroen mir*. Zaitseva NA, editor; Kabalkin AYU, translator. Moscow: AST; 2014. 447 p.
16. Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo. Dogmat o Khriste* [Healthy society. The Dogma of Christ]. Moscow: AST; 2005. 571 p.
Co-published by the «Tranzit-kniga». Russian.
17. Hahnel R. *Of the people, by the people: the case for a participatory economy*. Oakland: Soapbox Press; 2012. 160 p.

Статья поступила в редколлегию 26.02.2021.
Received by editorial board 26.02.2021.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091):(101.9)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ФИЛОСОФА-ГУМАНИСТА XX в. ВЛАДИСЛАВА ТАТАРКЕВИЧА

Ю. А. ИЛЬИНА¹⁾

¹⁾Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, ул. Комсомольская, 95, 302026, г. Орёл, Россия

Рассматривается история становления личности В. Татаркевича, польского мыслителя XX в. (с учетом обстоятельств бытийного и научного характера). Для создания максимально полной картины жизни философа и его многогранного образа были использованы работы Т. Рзепы, Я. Ядацки и Я. Воленьского – польских исследователей жизни и творчества В. Татаркевича. На основе воспроизведения автобиографии В. Татаркевича отмечается его вклад в мир философии и культурные процессы.

Ключевые слова: В. Татаркевич; польская философия; аналитический метод мышления; история философии.

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE 20th CENTURY HUMANIST PHILOSOPHER WLADYSLAW TATARKIEWICZ

Yu. A. ILYINA^a

^aOrel State University named after I. S. Turgenew, 95 Komsomolskaya Street, Orel 302026, Russia

The article deals with the history of formation of philosophical personality of Polish thinker of 20th century W. Tatarkiewicz with regard to all concomitant circumstances of being and scientific nature. In order to create the most complete picture and multifaceted image of W. Tatarkiewicz, the attention is focused on the works of some Polish researchers of his life and

Образец цитирования:

Ильина ЮА. Психологический портрет философа-гуманиста XX в. Владислава Татаркевича. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:37–41.

For citation:

Ilyina YuA. Psychological portrait of the 20th century humanist philosopher Wladyslaw Tatarkiewicz. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:37–41. Russian.

Автор:

Юлия Андреевна Ильина – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и культурологии философского факультета.

Author:

Yulia A. Ilyina, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and cultural studies, faculty of philosophy.
ilinajulia_orel@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8724-8185>

work T. Rzepa, J. Jadacki and J. Woleński. On the basis of reproduction of autobiography of W. Tatarkiewicz his contribution to the world of philosophy and cultural processes is noted.

Keywords: W. Tatarkiewicz; Polish philosophy; analytic method of thought; history of philosophy.

Введение

Владислав Татаркевич – польский мыслитель, обладатель множества наград и премий, редактор журнала «Философский обзор», член Польской академии наук и Польской академии обучения; был представителем 17 научных сообществ, участником Международных конгрессов по эстетике в Париже (1937), Венеции (1956), Афинах (1960), Амстердаме (1964), Упсале (1968), Бухаресте (1972), Дармштадте (1976) и др.

Научные интересы В. Татаркевича охватывали обширные области гуманитарного знания, среди них следует отметить эстетику, этику, историю философии. Он является автором более 300 научных трудов, из числа которых общемировое признание получили «История философии» (1931), «История эстетики» (1960–1967) и книга «О счастье» (1947), которую мыслитель написал во время войны, чтобы (как он позже объяснил), по крайней мере, оторваться от ужасов тех времен.

К менее известным трудам В. Татаркевича можно отнести следующие: «Развитие в искусстве» (1913), «О безотносительности добра» (1919), «О польском искусстве XVII и XVIII веков. Архитектура, скульптура» (1966), «Диспут между объективностью и субъективностью в эстетике» (1964), «Какая философия нужна полякам» (1970), «История шести понятий» (1975), «О совершенстве» (1976), «Воспоминания» (1979), посмертно опубликованные произведения «О философии и искусстве» (1986), «Доброта и очевидность. Этические труды» (1989) и др.

Несомненно, работы ученого не теряют своей актуальности и сегодня, стимулируя развитие многих направлений современного философского знания. В связи с этим предложенная в настоящей статье информация может быть полезна всем людям, интересующимся творчеством и многогранной личностью яркого представителя польской философской мысли XX в. – В. Татаркевича.

Материалы и методы исследования

Как известно, успех в научной деятельности обусловлен и внешними условиями, и личностными чертами человека, его характером, талантом и увлеченностью своей профессией. Чтобы понять, в какой интеллектуальной атмосфере были сформированы взгляды В. Татаркевича, следует обратить внимание на историю становления философской личности мыслителя. Для того чтобы создать максимально полное представление о жизни и твор-

честве В. Татаркевича, были привлечены работы (ранее не переводились на русский язык) польских исследователей Т. Рзепы, Я. Ядацки и Я. Воленского.

В настоящей статье применен принцип так называемой линейной хронологии, являющийся также структурообразующим, в соответствии с которым основными в исследовании выступили методы исторического и сравнительного анализов.

Результаты и их обсуждение

Родился В. Татаркевич 3 апреля 1886 г. в Варшаве. Там же 4 апреля 1980 г. он закончил свой жизненный путь в возрасте 94 лет.

Детство польского мыслителя прошло в атмосфере гармонии и взаимопонимания, что наложило свой отпечаток на становление его мировоззрения. Из семьи В. Татаркевич воспринял религиозность, однако он считал, что веру унаследовать нельзя, она должна быть приобретена самостоятельно.

В. Татаркевичу присущи застенчивость, скромность, доброта, ответственность за себя и свои действия – те ценностные ориентиры семьи, которые были ему привиты. Обозначенные, несомненно, достойные, качества личности ученого вносили в его жизнь немалые трудности. Как подчеркивает Т. Рзепя, из-за отмеченных черт характера В. Татаркевич не был способен пользоваться помощью дру-

гих людей, впрочем, как и заботиться о ком-нибудь. По этой причине при возникновении каких-либо трудностей он ни у кого не просил помощи, а пытался решить проблемы сам.

В. Татаркевич позиционировал себя как человека, свободного от обязательств, стремящегося к общению, но ценящего прежде всего собственный покой и время, посвященное самостоятельной работе. Его устраивала деятельность, которая не требовала участия других людей.

В иерархии межличностных отношений ученый отводил себе место далеко не на ее вершине. И хотя, как будет показано далее, он занимал руководящие должности, функции управленца воспринимались им как неприятные и «смущающие».

В течение жизни В. Татаркевич проявлял себя как человек неконфликтный и необидчивый. Однако,

по мнению Т. Рзепы, подобное дружелюбие философа приводило к тому, что он отдавал предпочтение вежливости, а не искренности, предпочитал слышать ложь о своем внешнем виде или только что опубликованном тексте, нежели негативные отзывы [1, s. 87–89].

Больше всего в человеческом общении В. Татаркевич ценил взаимную доброту. Он относился к людям по-доброму, и чаще всего они отвечали ему тем же. Этическим идеалом для В. Татаркевича стал польский общественный деятель В. Верихо, которому ученый посвятил работу «О безотносительности добра» [2].

Отмечая уникальные личностные качества В. Татаркевича, Я. Ядацки пишет: «Он был преемником польской интеллектуально-социальной элиты, но без склонности к эксклюзивизму. Он был родоначальником варшавской профессорской династии, но без каких-либо тенденций к кумовству. Патриот, но не националист: он знал, ценил и любил свою родину. Путешественник, но не космополит: в мире его знали, уважали и любили»¹ [3, s. 98].

В. Татаркевич получил хорошее образование. Начиная с 1903 г. он изучал право в Варшавском университете. Однако, проучившись в нем всего два года, он был исключен из-за участия в школьной забастовке, после чего продолжил свое обучение за границей.

С 1905 по 1910 г. он постигал основы философии в Марбурге под руководством ярких представителей неокантианства – Г. Когена и П. Наторпа. Несмотря на общую заинтересованность историко-философской проблематикой, В. Татаркевич иначе оценивал творчество некоторых мыслителей, в частности Аристотеля. Тезис о плюрализме взглядов Стагирифта, предложенный В. Татаркевичем в его докторской диссертации, был совершенно чужд марбургским неокантианцам [4, s. 125].

Во время обучения в Берлине В. Татаркевич посещал секретные лекции под руководством А. Марбурга, наложившие свой отпечаток на формирование его философских взглядов. В заметках автобиографии В. Татаркевич писал, что его не интересовали университетские лекции, но очень нравились секретные лекции по философии и психологии А. Марбурга. Они были, вероятно, лучшими из того, что он когда-либо слышал [4, s. 122–123].

После защиты докторской диссертации «Диспозиция аристотелевских принципов» («Die Disposition der aristotelischen Prinzipien») в 1910 г. В. Татаркевич отправился во Львов для обмена опытом с польскими коллегами. Нужно отметить, что ученый фактически не принадлежал ни к одной из философских школ, хотя ощущал связь с традицией, начатой К. Твардовским и продолженной львовско-варшавской школой. Программа К. Твардовского

была направлена на создание критической философии, ясно выражаемой и научно ответственной. Решающими факторами в философском диспуте, по мнению К. Твардовского, выступают ясность, точность, критицизм и определенность мысли как главные принципы аналитического стиля мышления [5].

В. Татаркевича можно считать аналитическим философом, поскольку он разделял идеи К. Твардовского со свойственной ему рационально-логической окраской. В начале научной деятельности свои аналитические способности В. Татаркевич оценивал как хаотичные, бессистемные и неуправляемые. Только знакомство с К. Твардовским и возможность наблюдать за его методом научной работы, как подчеркивал В. Татаркевич, привнесли значительную ценность в его мышление.

Согласно учению К. Твардовского рационально можно спорить лишь тогда, когда предмет дискуссии (им должен выступать тезис достаточно ясно и выразительно сформулированный) четко представляется мыслителю. В связи с этим главное внимание следует направлять на обоснование каждого термина какого-либо утверждения. Нужно отметить, что направленность на ясность мышления К. Твардовского имеет своим источником творчество Ф. Brentano, который, по словам Х. Слонивской, «...на основе критического мышления, перенятого у Аристотеля и схоластов, использовал в мышлении ясные и выразительные термины» [6, s. 12].

При подготовке научных текстов В. Татаркевич (как и К. Твардовский) старался придерживаться принципа «сохранения вкуса и порядка» [1, s. 90]. Он указывал на то, что не следует ждать блестящих идей от ученого, но можно и нужно ждать и требовать того, чтобы его работа не была ни банальной, ни «грязной». Необходимо настаивать на порядке в мышлении и изложении мыслей, четкости и самобытности в выражении устных и письменных высказываний. Для В. Татаркевича тяжелым обвинением было, когда кто-то говорил, что не понял его. «В молодости я часто уставал от чужих непонятных книг; теперь, когда я не понимаю, я скорее отказываюсь от чтения. Может быть, иногда я проигрываю, но чаще выигрываю», – отмечал польский мыслитель [1, s. 87].

С 1911 по 1912 г. В. Татаркевич обучался под руководством А. Бергсона и П. Жане в Коллеж де Франс в Париже. Ученый вкратце вспоминал о лекциях, которые посещал, и говорил, что в них он нашел больше удовольствия, чем «питательной пищи» [4, s. 125].

В 1915 г. В. Татаркевич возглавил кафедру философии Варшавского университета. С 1919 по 1921 г. заведовал кафедрой философии в Университете Стефана Батория в Вильно, а с 1921 по 1923 г. – кафедрой эстетики и новейшей истории искусств в Познанском

¹Здесь и далее перевод наш. – Ю. И.

университете. В 1923 г. он вернулся в Варшавский университет и оставался там профессором до 1960 г.

В. Татаркевич всегда был очень занятым ученым. В среднем он работал в университете 3–4 дня в неделю, а остальное время посвящал подготовке лекций и издательской деятельности. В. Татаркевич любил трудиться. Он никогда не сидел без дела. Величайшими ценностями для мыслителя были жизнь и работа (но не чрезмерные усилия), которая всегда доставляла ему удовольствие. По словам В. Татаркевича, работа останавливает время ученого: жизнь продолжается во вневременной реальности. В процессе выполнения трудовой деятельности он придерживался принципа «двух полей», т. е. чередовал исследования в философии и истории искусства (когда занятия в одной из этих областей слишком утомляли его).

В свободное от работы время В. Татаркевич избегал развлечений и светской жизни. Он отмечал: «Моя жена говорит, что я глобальный, но не социальный, и это правда. Мне нравятся мировые встречи, где интерьеры, люди, одежда – все красивее, чем каждый день. Мне нравятся быстрые и короткие встречи, обмен словами: тогда легче показать, что этот – мудрый, этот – остроумный, этот – красивый, а этот – очаровательный, что у этого – прекрасное платье, а у другого – восхитительные манеры. <...> А светская жизнь в небольшом кругу семьи или друзей, да, дает ощущение человеческой близости, но долгие разговоры за столом чаще всего являются повторением того, что уже было сказано сто раз...» [1, s. 89–90].

По словам В. Татаркевича, все виды развлечений (праздники, спорт, игры) существуют во времени и «спешат в будущее». Для развлечений, в отличие от работы, типична торопливость. В свою очередь трудовая деятельность требует спокойствия и отсутствия спешки.

В. Татаркевич, будучи человеком, увлеченным своей профессией, продолжал трудиться даже во время Второй мировой войны. Как подчеркивал М. Джаворски, подпольная система образования в оккупированной Польше стала явлением совершенно феноменальным. Сразу после капитуляции началась тайная просветительская деятельность. Уже в октябре 1939 г. возобновил свою работу Союз польских учителей, а в декабре этого же года возникает Комиссия связи учительских организаций, целью которой являлось создание секретного обучения (в основном на территории столицы) [7, s. 91].

В 1949 г. коммунистические власти, обвинив В. Татаркевича главным образом в том, что он не

служил пролетариату в его борьбе с буржуазией, запретили ученому заниматься преподавательской деятельностью. Основанием для отстранения послужило письмо, созданное группой участников философского семинара, проведенного В. Татаркевичем в Варшавском университете. В данном письме отмечалось, что на семинаре во главе с профессором В. Татаркевичем долгое время шла ожесточенная идеологическая борьба марксистской пролетарской этики с буржуазной, т. е. между материалистической этикой марксизма-ленинизма и идеалистической этикой так называемого аксиологического объективизма. Авторы письма указывали на то, что профессор В. Татаркевич, будучи руководителем семинара, не только не остановил поток антимарксистских высказываний, но и, по сути, провоцировал подобные дискуссии, что абсолютно неприемлемо. Также участники философского семинара подчеркивали, что они являются ярыми сторонниками свободы мысли и независимого противостояния. Однако они вынуждены категорически протестовать против речей, не имеющих ничего общего с серьезной научной дискуссией, а также идей, выразители которых явно враждебно настроены по отношению к строящемуся социализму в Польше [8].

В. Татаркевич 30 марта 1950 г. в ответ на выдвинутые в его адрес обвинения представил декану свое объяснение. В нем он подчеркивал, что на семинаре под его руководством не могло быть никаких ожесточенных идеологических дискуссий между сторонниками материалистической этики марксизма и ее противниками, потому что, во-первых, в большинстве выступающие на семинаре были представителями марксизма, а другие участники высказывались крайне редко; во-вторых, его роль как руководителя состояла лишь в том, чтобы внести ясность в базовые понятия, сформулировать тезисы и сопоставить аргументы каждой позиции, а не отстаивать какую-либо определенную. Он подчеркнул, что марксизм (в силу своего объективного фактора) имеет общую точку зрения с той идеей, которую он высказал в книге, опубликованной 31 год назад [8].

Учитывая особенности характера В. Татаркевича, нетрудно догадаться, насколько тяжелым испытанием для него явился отмеченный конфликт с молодыми марксистами. Тем не менее ученый не оставил преподавательскую деятельность, а продолжил ее за пределами Польши. С 1967 по 1968 г. профессор В. Татаркевич читал лекции в США, а в 1974 г. – в Швейцарии.

Заключение

В творчестве В. Татаркевича трудно обнаружить целостную систему взглядов. Общую картину его мировоззрения можно создать только на основе отдельных статей, комментариев, отзывов и интервью.

Как отмечает известный исследователь творчества представителей львовско-варшавской школы Я. Воленьский, В. Татаркевич довольно критично относился к своим научным талантам, не считал их

исключительно философскими и полагал, что если бы он даже согласился с тем, что его таланты склоняются к философии, то они не были бы такими, какие обычно ждут от философов. Размышления о тайнах мироздания наполняли его страхом и недоверием [10].

Тем не менее В. Татаркевича, без сомнения, заслужено можно назвать ярким историком философии. Важнейшую роль в формировании польской и мировой культуры XX в. сыграла его работа «История философии». В ней ученый основное внимание акцентировал не на жизнеописании и идеях конкретных философов, не на освещении истории борьбы материализма с идеализмом, а на обширном перечне концепций различных мыслителей (хотя у автора все же были свои герои, такие как Платон или И. Кант). «История философии» В. Татаркевича – самый популярный польский академический учебник, относительно большую часть которого ученый посвятил польской философии, которую он высоко ценил.

Первое издание «Истории философии» было опубликовано в 1931 г. (в двух томах), а второе – в 1950 г. (в трех томах), однако оно не было допущено к продаже, но его можно было приобрести в антикварных магазинах и на базарах. Эта книга переиздавалась много раз.

Незадолго до своей смерти В. Татаркевич в одном телеинтервью признался, что хотел написать историю философии для детей. На вопрос телеведущего «Могли ли дети это понять?» В. Татаркевич ответил: «Если бы они не смогли, это была бы моя вина» [10].

В целом, как говорил В. Татаркевич, жизнь его не была спланированной. Он признавался, что хотел только одного – сделать ее сносной и достойной. Он не собирался посвящать свою жизнь науке. Однако продукты, полученные в результате работы ученого (книги, лекции, статьи), открыли то, что на самом деле явилось смыслом его жизни.

Библиографические ссылки

1. Rzepa T. Portrety psychologiczne filozofów ze Szkoły Lwowsko-Warszawskiej (na podstawie wypowiedzi autobiograficznych). *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria*. 1994;3:81–98.
2. Tatarkiewicz W. O bezwzględności dobra. W: Tatarkiewicz W, redactor. *Droga do filozofii i inne rozprawy filozoficzne. Tom 1*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1971. s. 211–289.
3. Jadacki J. *Filozofia polska XIX i XX wieku. Tom II. Wiek XX*. Warszawa: Naukowe Semper; 2015. 409 s.
4. Tatarkiewicz W, Tatarkiewiczowa T. *Wspomnienia*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy; 1979. 218 s.
5. Ильина ЮА. Концепция «научной философии» Казимира Твардовского. Орел: Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс; 2014. 116 с.
6. Słoniewska H. Kazimierz Twardowski, nauczyciel i wychowawca. W: Stróżewski W, redactor. *Studia z teorii poznania i filozofii wartości*. Wrocław: Ossolineum; 1978. s. 9–22.
7. Jaworski M. *Tadeusz Kotarbinski*. Warszawa: Interpress; 1971. 155 s.
8. Pozbawienie profesora Władysława Tatarkiewicza prawa nauczania (od redakcji). *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria*. 1995;2:85–87.
9. Wyjaśnienia profesora Władysława Tatarkiewicza. *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria*. 1995;2:90–91.
10. Woleński J. Władysław Tatarkiewicz. *Pauza Akademicka. Tygodnik Polskiej Akademii Umiejętności* [Internet]. 2016 [cytowano 7 marca 2021];327. Dostępne od: http://pauza.krakow.pl/327_2016.pdf.

References

1. Rzepa T. Portrety psychologiczne filozofów ze Szkoły Lwowsko-Warszawskiej (na podstawie wypowiedzi autobiograficznych). *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria*. 1994;3:81–98.
2. Tatarkiewicz W. O bezwzględności dobra. W: Tatarkiewicz W, redactor. *Droga do filozofii i inne rozprawy filozoficzne. Tom 1*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1971. s. 211–289.
3. Jadacki J. *Filozofia polska XIX i XX wieku. Tom II. Wiek XX*. Warszawa: Naukowe Semper; 2015. 409 s.
4. Tatarkiewicz W, Tatarkiewiczowa T. *Wspomnienia*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy; 1979. 218 s.
5. Ilyina YuA. *Kontseptsiya «nauchnoi filosofii» Kazimira Twardovskogo* [The concept of «scientific philosophy» by Kazimir Twardowski]. Орел: State University – educational, research and production complex; 2014. 116 p. Russian.
6. Słoniewska H. Kazimierz Twardowski, nauczyciel i wychowawca. W: Stróżewski W, redactor. *Studia z teorii poznania i filozofii wartości*. Wrocław: Ossolineum; 1978. s. 9–22.
7. Jaworski M. *Tadeusz Kotarbinski*. Warszawa: Interpress; 1971. 155 s.
8. Pozbawienie profesora Władysława Tatarkiewicza prawa nauczania (od redakcji). *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria*. 1995;2:85–87.
9. Wyjaśnienia profesora Władysława Tatarkiewicza. *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria*. 1995;2:90–91.
10. Woleński J. Władysław Tatarkiewicz. *Pauza Akademicka. Tygodnik Polskiej Akademii Umiejętności* [Internet]. 2016 [cytowano 7 marca 2021];327. Dostępne od: http://pauza.krakow.pl/327_2016.pdf.

Статья поступила в редколлегию 07.03.2021.
Received by editorial board 07.03.2021.

УДК 165

ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Логика научного исследования обыденного познания требует анализа теоретико-философских предпосылок нынешнего понимания данного феномена. В процессе данного анализа были использованы исторический и логический методы научного познания. Предпринята попытка систематизации историко-философских подходов к пониманию обыденного познания. Сделан вывод о том, что исследование теоретических источников современного понимания обыденного познания позволяет выявить его специфические особенности и перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: обыденное познание; мнение; здравый смысл; жизненный мир; программы общения, поведения и деятельности; социализация.

EVERYDAY COGNITION: HISTORICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

The logic of scientific research of everyday cognition demands the analysis of the theoretical premises of modern understanding of this phenomenon. The historical and logical methods of scientific cognition were used in the process of this analysis. The author has attempted to systematise philosophical approaches to the understanding of everyday cognition. The author comes to the conclusion that the analysis of the theoretical sources of modern understanding of everyday cognition allows to identify its specific features and prospects for further research.

Keywords: everyday cognition; opinion; common sense; *Lebenswelt*; program of communication, behaviour and activity; socialisation.

Введение

В связи с активным вторжением в жизненный мир человека виртуальной и новой технической реальности проблема обыденного познания приобретает особую остроту, что приводит к качественным сдвигам в образе жизни, процессе взаимодей-

ствия между людьми, языке как средстве общения и иных структурах повседневности.

Изучение стремительно меняющегося, мобильно оснащенного обыденного познания позволит понять механизм формирования новых форм

Образец цитирования:

Дождикова РН. Обыденное познание: историко-методологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2: 42–52.

For citation:

Dozhdikova RN. Everyday cognition: historical and methodological approach. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:42–52. Russian.

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa N. Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanisation. dozhdikova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6389-7220>

коммуникации и деятельности, предвидеть социокультурные последствия происходящих трансформаций техногенной цивилизации.

В настоящей работе проведен аналитический обзор историко-теоретических источников названных проблем.

Методологические предпосылки исследования

Важность анализа повседневного мышления и познания, учета реальных жизненных факторов, установок, мотивов и предпосылок научного исследования подчеркивал А. Эйнштейн. Он утверждал, что «вся наука является не чем иным, как усовершенствованием повседневного мышления. Поэтому критический ум физика не может ограничиться рассмотрением только своей собственной области. Он не может двигаться вперед без критического рассмотрения более сложной проблемы: анализа повседневного мышления» [1, с. 200]. Исследование обыденного познания позволяет эксплицировать скрытые «пружины» научного исследования.

Говоря о методологических подходах к анализу социального познания, В. С. Степин указывал на значение обыденного познания, которое «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [2, с. 3]. В этом смысле исследование обыденного познания помогает понять чрезвычайно важный для социума механизм формирования девиантных моделей поведения, которые развиваются у субъекта обыденного познания под влиянием виртуальной реальности, компьютерных игр и интернета (электронной коммуникации) иногда даже на подсознательном уровне.

Современная ситуация в мире и культуре характеризуется глобализацией, нестабильностью и обострением проблем, связанных с состоянием духовности, кризисом морали, инфантильностью сознания

и усилением потребительских тенденций, общим снижением грамотности, растущей инвазией псевдонауки, иррациональных языческих мотивов. В итоге сегодня даже реклама и мода могут программировать поведение человека через механизм обыденного познания.

В то же время на современном этапе развития техногенной цивилизации обыденное познание играет существенную роль в социализации личности, формировании ее ценностных ориентаций и приоритетов, в том числе и отношения к науке, образованию и технологиям. Поэтому встает проблема коррекции процесса обыденного познания через систему домашнего воспитания, школьного образования и СМИ, роль и значение которых постоянно возрастает.

Проблема обыденного (массового) познания актуализируется на современном этапе развития постиндустриального общества в связи с возрастанием активности масс в социокультурной и политической сферах (об этом писал Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс»), а также с появлением возможности манипулировать поведением этих масс в политической борьбе (цветные революции) через интернет и мобильную связь.

Логика научного исследования феномена обыденного познания требует анализа теоретико-философских предпосылок нынешнего понимания данного феномена с использованием исторического и логического методов научного познания.

Теоретические предпосылки проблемы – от Античности до Нового времени

Когнитивная проблема взаимодействия чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, обыденного и научного познания волновала философов с древних времен. Так, Парменид (VI в. до н. э.), разделив философию на философию истины и философию мнения, различал два вида знания: знание как мнение (*doxa*), основанное на чувственном познании, и знание как истина (*episteme*), базирующееся на рациональном познании.

В поэме «О природе» Парменид указывал на превосходство рационального познания над чувственным: «Будь лишь разум судьей многоспорному слову» [3, с. 179], а также на то, что мнениям «смертного люда... нет истинной веры», ибо мнение «каждое каждому рознь» [3, с. 178–181], в то время как спутником истины является убеждение.

Аристотель отличал научное познание и от искусства (*techne*), и от опыта, и от мнения. Сфера искусства – практика и производство, опыт же – исходная точка и начало искусства и научного познания

[4, с. 65–66]. Основания опыта заключаются в ощущении, памяти и привычке. Опыт дает знание единичных фактов, которые наука порой не учитывает.

Кроме того, Аристотель говорил о роли рассудительности (*phronesis*), которая не является ни наукой, ни искусством, а представляется «истинным частным суждением складом [души], предполагающим поступки, касающиеся блага и зла для человека» [5, с. 177]. По мнению мыслителя, «назначение [человека] выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели; ведь добродетель делает правильной цель, а рассудительность [делает правильными] средства для ее достижения» [5, с. 187]. Рассудительность выступает как здравый смысл, без которого невозможна не только хозяйственная и государственная деятельность, но и исполнение назначения человека, его правильная жизнь.

В трактате «Поэтика» Аристотель писал о том, что сочинения эпоса и трагедии «различаются... между собой тройко: или разными средствами подражания,

или разными его предметами, или разными, нетождественными способами» [6, с. 646]. «Таковы-то эти три различия в способе подражания, как было сказано вначале: чем (подражать), чему и как» [6, с. 648], – уточнял он. Данные критерии деления (по предмету, средствам и способам) можно применить и к классификации видов познания (научного и обыденного).

Развивая идеи Аристотеля об удивлении и понимании, Н. Кузанский подчеркивал, что жажде познания предшествует удивление, т. е. форма обыденного познания, в то время как бытие интеллекта (и науки) есть понимание. В «Книгах простотца» он указывал на преимущество естественной житейской мудрости, ведущей к смирению и любви, над книжной ученостью и верой в авторитеты, ибо «...истинное знание делает смиренным. <...> ...Разум, связанный авторитетом пишущих, питается пищей других, но не естественной пищей» [7, с. 361]. Также он считал, что «в божественной простоте сосредоточены все вещи» [7, с. 396], а, следовательно, эта простота характеризует и обыденное познание.

Задолго до Д. Локка и Г. Лейбница Н. Кузанский сформулировал тезис о связи разума и ощущений:

«И кто считает, что разуму (intellectum) не может быть присуще ничего, чего нет в рассудке, тот тем самым считает, что в разуме не может быть ничего, чего раньше не было в ощущении» [7, с. 392–393]. В то время как наука основана на разуме, обыденное знание – на рассудке и носит ярко выраженный прагматический характер.

Ф. Бэкон различал два вида познания: познание как предвосхищение природы и познание как истолкование природы. Согласно Ф. Бэкону «познание, которое мы обычно применяем в изучении природы, мы будем для целей обучения называть *предвосхищением природы*, потому что оно поспешно и незрело. Познание же, которое должным образом извлекаем из вещей, мы будем называть *истолкованием природы*» [8, с. 16]. Таким образом, Ф. Бэкон подчеркивал активный деятельностный характер познания как «извлечения из вещей» их сущности.

Поспешность и незрелость характеризуют в первую очередь обыденное познание, особенно если оно не опирается на жизненный опыт и здравый смысл.

Особенности обыденного познания – от Т. Рида до Л. Фейербаха

Философия здравого смысла Т. Рида рассматривала здравый смысл, присущий обыденному познанию, как интуитивную способность ума и совокупность первоначальных врожденных принципов и суждений, близких врожденным идеям Р. Декарта. В сочинении «Опыты об интеллектуальных способностях человека» Т. Рид назвал 12 главных суждений здравого смысла, служащих основой познания и поведения человека (вера в Бога и существование внешнего мира, суждения о естественной способности отличать истину от лжи, принцип причинности и др.).

Т. Рид утверждал, что здравый смысл обеспечивает доступ к непосредственным, очевидным и всеобщим принципам, говорил о значении инстинктов, привычек, аналогий, ассоциаций, веры, а также принципов воспитания, «которые действуют, прежде чем мы приходим к использованию рассудка» [9, с. 96]. Эти простые очевидности «служат тому, чтобы направлять нас в обычных житейских делах, в которых наша способность к рассуждению оставила бы нас в потемках. Они – часть нашей конституции; и все открытия нашего рассудка основаны на них. Они составляют то, что называют здравым смыслом человечества, а то, что, очевидно, противоречит любому из этих принципов, есть то, что мы называем абсурдным» [9, с. 344–345]. Подобные принципы позволяют нам сохранять здравомыслие и избегать абсурда. Здравый смысл есть «другое имя для рассудка (reason) в его интуитивной функции» [9, с. 60]. Тем самым Т. Рид подчеркнул дорефлексивный, интуитивный характер обыденного познания, сопровож-

дающего наши обычные житейские дела, а также бессознательный механизм его действия.

И. Кант рассматривал познание, в том числе обыденное, как вид конструирования. По его мнению, здравый смысл – это «*обыденный рассудок*, поскольку он судит правильно. А что такое обыденный рассудок? Это способность познания и применения правил in concreto в отличие от *спекулятивного рассудка*, который есть способность познания правил in abstracto» [10, с. 194–195]. Таким образом, И. Кант говорит о конкретности обыденного познания и его непосредственной индуктивной связи с опытом.

Г. Гегель подчеркивал непосредственную, чувственную достоверность обыденного познания, его простоту [11, с. 51–61], простоту чувственного восприятия вещи. В книге «Введение в философию. Философская пропедевтика» Г. Гегель пишет: «Наше обычное знание представляет себе лишь тот предмет, который оно знает, но не представляет одновременно самого себя, то есть само знание» [12, с. 85]. Фактически Г. Гегель говорил о неосознанности, дорефлексивном характере обыденного знания, ибо очень часто обычный человек знает, но не осознает, что он знает. Субъект обыденного познания не осознает способы и приемы своего познания, его контекст. Такого рода знание (и познание) носит имплицитный характер.

Обыденное знание связано с простым чувственным сознанием, которое есть «непосредственная достоверность» существования некоторого внешнего предмета. «Выражением непосредственности этого предмета является то, что он есть, и именно

этот, теперь во времени и здесь в пространстве, совершенно отличный от всех остальных предметов и целиком определенный в самом себе» [12, с. 85]. Обыденное познание отражает как наличие определенных (этих) предметов, их пространственно-временные координаты (здесь и теперь), так и их индивидуальность и неповторимость.

Особенностью повседневного бытия и обыденного знания является то, что внешне знакомый предмет кажется простым и легко понимаемым. Однако известно от того, что оно известно, еще не становится познанным автоматически. Как раз об этом писал Г. Гегель: «Известное вообще – от того, что оно известно, еще не познано» [11, с. 16]. Итак, внешняя простота и кажущаяся известность повседневности не означает того, что она уже познана и не требует дополнительного изучения.

Развивая мысли Г. Гегеля о повседневности, Л. Фейербах в работе «Основные положения философии будущего» писал: «Все, что существует, – и чувственная, и самая обычная будничная вещь, пока она является объектом жизненных интересов или общераспространенных точек зрения, не есть предмет науки» [13, с. 97]. В этом смысле повседневный опыт для человека подобен воздуху: «Воздух для нас – наиболее существенная внешняя среда, весьма нам близкая, неизбежная, убедительная

и навязчивая... <...> Как раз ближайшее для человека оказывается для него наиболее отдаленным. Именно потому, что ближайшее ему не кажется таинственным, оно для него остается загадкой; именно потому, что он *всегда* составляет некий предмет, оно для него никогда предметом не оказывается» [13, с. 98]. Фактически Л. Фейербах говорит о необходимости сделать беспредметное для субъекта обыденного познания предметным для науки. Загадка обыденного познания должна быть решена, ведь в самых обычных будничных вещах и ситуациях (например, в падении яблока с дерева) сокрыто некое предпосылочное знание, подсказка, скрыт шанс что-то понять и открыть (например, закон).

Можно сказать, что движущей силой обыденного познания являются жизненные интересы, а также то, что оно основано на чувствах. В процессе обыденного познания формируются общераспространенные точки зрения – то, что мы в конечном итоге называем общественным мнением. Само обыденное познание носит общераспространенный характер. В этом смысле ему присуще свойство всеобщности.

С учения Г. Гегеля начинает формироваться онтолого-феноменологическое понимание обыденного познания, которое в дальнейшем развивали Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, А. Шюц, А. Бергсон, Б. Рассел, М. Мерло-Понти и др.

Феноменологические аспекты обыденного познания

Согласно Э. Гуссерлю научное познание недооценивает жизненный мир человека, наука «ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [14, с. 138]. По этой причине человек, смысл его жизни, человеческий и окружающий его внечеловеческий мир не были тематизированы наукой, но «жить в неосмысленном мире человек просто не может» [15, с. 125]. Без соотнесения смысла научного открытия со смыслом жизни человека и будущим человечества мир обречен на хаос.

Обыденное познание отражает не только реальный процесс человеческой жизнедеятельности в сфере труда, быта, досуга, но и жизненные нужды человека, потребности его существования и развития. Повседневная человеческая жизнь – это процесс развертывания смысла его жизни, включающий в себя формирование ближайших и далеких целей, программ поведения, общения и деятельности.

Жизненный мир (*Lebenswelt*) – это мир, «в котором практически разыгрывается наша жизнь» [16, с. 77]; «это пространственно-временной мир вещей, как мы его познаем в опыте нашей до- и вненаучной жизни и поверх познанных вещей знаем как

доступный опытному познанию. У нас есть горизонт как горизонт возможного опытного познания вещей. Вещи – это камни, животные, растения, а также люди...» [16, с. 188]. Обыденное познание – это опыт нашей до- и вненаучной жизни, оно включает в себя освоение и своеобразное познание жизненного мира человека. В связи с этим одной из задач научного познания становится не только исследование жизненного мира человека, но и связанного с его освоением обыденного познания.

Обыденное познание как освоение жизненного мира предполагает не только адаптацию человека к существующим условиям жизни и деятельности (механизм традиции), но и преобразование своего жизненного мира и самого себя (механизм инновации).

Говоря о жизненном мире как всеобщей почве человеческой жизни и забытом смысловом фундаменте естествознания, Э. Гуссерль подчеркивал, что последняя цель научного осмысления, вырастающего из донаучной жизни и окружающего его мира, «должна лежать в самой этой жизни и соотноситься с ее жизненным миром» [16, с. 76]. Наука должна учитывать жизненные нужды и интересы конкретных людей, потребности их существования и развития, а также способствовать коэволюции человеческого жизненного мира и внечеловеческого мира природы.

Именно в донаучном культурном мире находятся «первопредпосылки» наук и «перво-материалы первого смыслообразования» [17, с. 232], поэтому обыденное познание представляет собой первоначало (архэ), фундамент всякого познания, в том числе познания смысла жизни.

Итак, продолжает Гуссерль, «мы находимся в некоем подобии круга. Понимание начал достигается лишь исходя из современного состояния данной науки при ретроспективном взгляде на ее развитие. Но без понимания начал нельзя понять это развитие как развитие смысла. Нам не остается ничего иного, как двигаться вперед и возвращаться назад, двигаться “зигзагом”, одно должно помогать другому и сменять друг друга» [14, с. 170]. Такая взаимосвязь характерна и для взаимодействия научного и обыденного познания.

В своей книге «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Э. Гуссерль говорит о значении повседневной индукции, бытийной достоверности, устойчивости обыденного знания, о том, что оно «само собой разумеется», что «докса... начинает претендовать на роль фундамента для науки, для эпистеме» [16, с. 210], а также о проблеме самоотчета познающего субъекта: «Итак, отсутствовал и до сих пор отсутствует подлинно очевидный самоотчет активного познающего субъекта не только о том, что он сделал нового, о том, чем он занимается, но и всех импликациях смысла, скрытых процессами окаменения прежних традиций и возникновения новых традиций» [14, с. 167]. С нашей точки зрения, в процессе когнитивной социализации повседневная индукция дополняется социокультурной дедукцией [18, с. 33]. Таким образом, социокультурную дедукцию наряду с повседневной индукцией можно считать основными методами обыденного познания, а бытийную достоверность – особым качеством истины в обыденном познании.

Именно в силу того, что обыденное знание рассматривается как нечто само собой разумеющееся (*taken for granted*), оно оказывается неисследованным наукой. Однако «то, что здравому смыслу эпохи представляется само собой разумеющимся, философия проблематизирует и анализирует» [19, с. 6]. Поэтому исследование обыденного знания (познания) становится задачей философского анализа. По нашему мнению, изучение обыденного познания предполагает исследование механизма традиций и раскрытие заключенных в них импликаций смысла.

Рассматривая язык как форму жизни, Л. Витгенштейн отмечал его значение не только для обыденного познания, но и познания вообще, ибо язык переплетен с действием. Поэтому Л. Витгенштейн называет «языковой игрой» единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен [20, с. 83]. В этом смысле обыденное познание и обыденный язык отражают «грамматику бытия», а также «самые

важные для нас проблемы жизни, долга, мужества, счастья, судьбы» [20, с. XV]. Для Л. Витгенштейна истинность – это подлинность, которую «нельзя доказать, ее можно только чувствовать» [20, с. 316]. В этом смысле истина есть то, что очевидно через жест, тон, взгляд: «к едва уловимой очевидности принадлежит утонченность взгляда, жеста, тона» [20, с. 317]. Данное понимание истинности как подлинности, которую можно только чувствовать, и «едва уловимой очевидности» соответствует в первую очередь истине обыденного познания.

М. Хайдеггер утверждал, что мы живем в стихии языка, ибо «язык – это дом бытия» [21, с. 272], а также различал такие экзистенциальные характеристики повседневного опыта, как «наличное» и «подручное» [22, с. 117–119], что позволяет говорить об инструментальном характере обыденного познания, отражающем наличный опыт деятельности и общения, а также подручные средства и способы обыденного познания. Изучая изменение повседневного языка, а также языка современной коммуникации, можно понять «грамматику современного бытия», трансформации различных структур повседневности и самого субъекта обыденного познания.

В книге А. Бергсона «Творческая эволюция» продемонстрирована динамическая связь между цивилизационными изменениями и познанием, программами деятельности, поведения и общения: «Прошло столетие со времени изобретения паровой машины, а мы только теперь начинаем чувствовать то глубокое потрясение, которое оно вызвало в нас. Революция, осуществленная им в промышленности, ничуть не менее всколыхнула и взаимные отношения людей. Возникают новые идеи. Расцветают новые чувства» [23, с. 154]. Мысль Л. Бергсона помогает понять и современные трансформации в образе жизни и обыденном познании под влиянием цифровых технологий и электронных коммуникаций.

Назначение здравого смысла как особой формы повседневного знания – *предчувствовать* последствия наших действий, «отличать в области поведения существенное от случайного или неважного; *выбирать* из возможных то решение, которое принесет наибольшую пользу, не только воображаемую, но реальную» [24, с. 246]. Здравым смыслом мы руководствуемся в отношениях с другими людьми, он требует «постоянной готовности действовать, быть начеку, вновь и вновь применяться к новым ситуациям» [24, с. 247]. В современном обществе риска возрастает значение данных механизмов здравого смысла, прежде всего как готовности действовать, «быть начеку» в чрезвычайных, экстраординарных ситуациях техногенного и экологического характера.

В статье «Здравый смысл и научная интерпретация человеческой деятельности» А. Шюц говорит о типичности и интерсубъективности, а также наличном знании, характеризующих повседневное

мышление и познание, ибо интересубъективный мир повседневной жизни предстает в нашем собственном переживании и интерпретации [25, р. 7–26]. Однако «любая интерпретация основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме “наличного знания” (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания» [26, с. 129]. Для нас особенно важно понимание А. Шюцем повседневного знания как наличного (подручного) знания, выступающего в качестве шаблона, схемы и фрейма. В этом смысле обыденное познание – это отражение типичных форм жизнедеятельности человека в сфере труда, быта и досуга, т. е. отражение и одновременно освоение его образа жизни. Результатом обыденного познания являются типизированные формы знания, которые рассматриваются субъектом обыденного познания как нечто само собой разумеющееся.

Б. Рассел в книге «Человеческое познание, его сфера и границы» рассматривает отношение между индивидуальным (повседневным) опытом каждого человека, общественным познанием и «общим составом научного знания» [27, с. 14], а также отношение между дословесным и вербальным опытом. Коллектив знает и больше, и меньше, чем индивидум, «но он не знает тех лежащих близко к сердцу и интимных вещей, которые составляют колорит и самую ткань индивидуальной жизни» [27, с. 14], а также индивидуального каждодневного познания.

Пространство и время человека имеют свои здесь и теперь. «То, что находится здесь и теперь, – живо» [27, с. 17]. Обыденное познание является «живым», оно отражает «здесь» и «теперь» конкретного человека, его пространственно-временные и ценностные координаты. А «наука претендует на устранение «здесь» и «теперь» [27, с. 17], и тем самым она утрачивает свое человеческое измерение.

Социально-историческими аспектами проблем обыденного познания с позиций структурно-

го анализа конкретных сфер повседневности занимались французские историки школы «Анналов» М. Блок, Ф. Бродель, Л. Февр и другие исследователи «структур повседневности» (П. Бурдьё с идеями габитуса, «практического смысла» и «следов жизни» [28, с. 106–107], «социального пространства» и «социального агента» [29, с. 35], Ж. Бодрийяр с анализом потребительского общества, его типичных представителей, которые живут «в ритме вещей» и испытывают «феерическое слюноотделение» при виде множества товаров [30, с. 5–6], У. Эко с идеей «суицида массмедиа» [31], М. Фуко с идеей «письменности вещей» [32, с. 71] и др.).

Говоря о базовых физиологических потребностях современного человека, А. Маслоу подчеркивал, что «саму жизнь он мыслит в терминах еды» [33, с. 80]. Поскольку для современного потребительского общества характерен культ еды, то субъект обыденного познания не только мыслит, но и говорит в терминах еды.

Анализ повседневного языка как средства обыденного познания позволит понять характер социокультурных трансформаций современного техногенного общества, а также трансформаций самого субъекта обыденного познания и его сознания. Так, Ф. Бродель в книге «Структуры повседневности: возможное и невозможное» говорит о важности изучения каждодневной жизни людей, так как история обретает свой смысл только в том случае, когда она рассматривается «в вертикальном срезе: от повседневной жизни на уровне земли и до успехов, до достижений (и несправедливостей) общественной надстройки» [34, с. 41]. Индикаторами культурного своеобразия могут быть и особенности кухни, привычки есть, одеваться, т. е. все то, что составляет предмет обыденного познания.

Экзистенциально-социальные проблемы и границы повседневности представлены в работах С. Кьеркегора, Н. Бердяева, Л. Шестова, К. Ясперса, Х. Ортега-и-Гассета и др.

Прагматические и интересубъективные аспекты обыденного познания

Психолого-прагматический аспект обыденного познания и здравого смысла представлен в трудах У. Джеймса, Х. Патнэма и др. Так, например, У. Джеймс в пятой лекции книги «Прагматизм. Новое название для некоторых старых способов мышления. Значение истины» говорит о текучести повседневного познания, диалектике старого и нового в нем, о том, что вообще «наше знание растет по капле. Капля может быть большой или маленькой, но знание никогда не изменяется полностью: некоторые старые знания остаются такими, какие они есть.

Наиболее примитивные способы мышления не могут до сих пор полностью быть вычеркнуты, как

наши пять пальцев, как рудиментарный аппендикс или другие исчезающие особенности. Они должны оставаться как неизгладимые знаки событий нашей быстро текущей истории. <...> Говоря практически, то, что дословно переводится как присущий человеку “обычный (обыкновенный, простой) смысл” (common sense), на деле означает его здравый смысл (здравое суждение – good judgment), другими словами, то, что позволяет нам держать себя в руках в чрезвычайных (нетипичных) ситуациях и в то же время проявлять известную смекалку»¹ [35, р. 82–84]. Таким образом, У. Джеймс позитивно трактует *common sense* не как заурядный смысл, а как привычный

¹Здесь и далее перевод наш. – Р. Д.

(*habit*), здоровый, нормальный смысл, позволяющий нам держать себя в руках и проявлять смекалку в чрезвычайных ситуациях.

С точки зрения У. Джеймса, люди, мыслям и поступкам которых присущ здравый смысл, обладают ценными в коммуникации (*in one-to-one relations*) качествами: стабильностью, надежностью, сдержанностью, уравновешенностью и в то же время известной находчивостью и сообразительностью. Здравый смысл появился как определенная стадия понимания вещей, которая содействовала необычайно успешному способу достижения целей. Вот почему люди думают о том, что вещи существуют, даже когда они не видят их [35, р. 85–87]. Это понимание мира распространилось от факта к факту (*from fact to fact*) и от человека к человеку (*from man to man*) таким образом, что в настоящее время все следуют данному стереотипу понимания как определенному правилу.

Создатель концепции коммуникативного действия профессор Франкфуртского университета Ю. Хабермас, читая лекцию в Московском государ-

ственном университете имени М. В. Ломоносова, подчеркнул, что жизненный мир проявляется многообразно. Он включает в себя непреходимый, интуитивно сопровождающий нас горизонт социально-культурного опыта, границу и фон наших переживаний, нашего персонального, вытекающего из исторической ситуации, телесно воплощенного и коммуникативно-общественного повседневного существования².

Ю. Хабермас говорил о таких свойствах обыденного знания, как имплицитность, интерсубъективность, неявный, интуитивный характер, а также о наличии в обыденном знании некоторого хаби-туализированного (*habitualisiertes*) умения, некоторого привычного социального отношения или жесткого убеждения. Ю. Хабермас удивлялся, что только в самое последнее время жизненный мир и связанные с ним исторические, социальные и культурные факты становятся предметом систематического научного интереса, подчеркивал актуальность этой проблемы.

Современное состояние проблемы обыденного познания

Немецкие философы П. Бергер и Т. Лукман в трактате «Социальное конструирование реальности» утверждают, что человеческое знание зависит от социального контекста, в котором оно возникает, ибо мышление и знание экзистенциально детерминированы [36, с. 14]. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают необходимость теоретического анализа реальности повседневной жизни, точнее, повседневного знания, «определяющего поведение в повседневной жизни» [36, с. 37]. Это нужно не только для того, чтобы прояснить основания знания обыденной жизни, но и сделать ясными мотивы поведения простого человека.

Именно повседневная жизнь вызывает наиболее высокую напряженность сознания, оказывающую глубокое воздействие на состояние, самочувствие, здоровье и поведение человека. Детальный феноменологический анализ повседневности поможет «вскрыть различные пласты жизненного опыта и различные смысловые структуры» [36, с. 40], т. е. ту систему релевантностей, ценностей, жизненных позиций и программ, которые определяют поведение человека в его обыденной жизни.

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману «среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это – реальность повседневной жизни» [36, с. 40]. Именно повседневная жизнь вызывает наиболее высокую напряженность сознания, оказывающую глубокое воздействие на состояние, самочувствие, здоровье и поведение субъекта обыденного познания.

С точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана, «“здесь-и-сейчас” – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни. <...> Это означает, что я воспринимаю повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности», составляющих зону повседневной жизни [36, с. 42], в которой можно выделить и зону манипуляции, которая определяется прагматическим жизненным интересом. В этом смысле обыденное познание позволяет обозначить как границы освоенной зоны повседневной жизни, так и социально детерминированные границы прагматического интереса субъекта обыденного познания, допустимые зоны манипуляции в его интерсубъективном мире.

Повседневное познание имеет темпоральное измерение, которое связано со стандартным временем нашей жизни. Обыденное познание, отражающее бытие человека в мире, границы реализации его жизненных проектов и планов, обладает ситуативностью и проективным характером самой жизни. Подобное знание влияет на восприятие человеком данных проектов, порождает не только тревожное ожидание, но и ответственное отношение к ним, их незамедлительную реализацию, ведь завтра может быть поздно.

Обыденное познание сопровождает каждое наше действие, жизненный ритуал, дружескую или иную церемонию общения. Наше повседневное познание не только отражает повестку любого дня, знаковые события биографии, но и формирует проекты и пла-

²Хабермас Ю. Лекция о жизненном мире [Электронный ресурс]. URL: <http://jarki.ru/wpress/2010/09/15/1259/> (дата обращения: 11.10.2019).

ны на ближайшее и далекое будущее. Обыденное познание оказывает формообразующее, программирующее воздействие на всю последующую жизнь. Отражая схемы типизации, обыденное познание делает возможным понимание и общение с другими людьми, партнерами не только в семейной жизни, но и в бизнесе, политике, различных видах творчества.

Согласно тонкому замечанию П. Бергера и Т. Лукмана, все «мое знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантностей. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Важный элемент моего знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей» [36, с. 77]. В обыденном языке фиксируются подобные релевантные структуры в понятиях «хорошо – плохо», «красиво – безобразно», «приятно – неприятно». Эти оппозиции, «модусы значимости» [16, с. 145] повседневности постоянно сопровождают субъект обыденного познания в его интересубъективной жизни, фиксируются и транслируются через механизм познания, общения и деятельности.

П. Бергер и Т. Лукман подчеркивали прагматический мотив, преобладающий в повседневной жизни, ибо «важное место в социальном запасе знания занимает знание рецептов, то есть знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных делах» [36, с. 72]. Таким образом, обыденное познание носит рецептурный, прагматический характер, ведет к практической компетенции в обыденных делах, способствует интеграции разрозненных элементов собственного опыта субъекта обыденного познания.

Польский социолог П. Штомпка в книге «Доверие – основа общества» говорит о повороте в социологии, свершившемся на рубеже XX–XXI вв. в связи с тем, что «социология повседневной жизни», которая никогда ранее не имела такого большого значения, теперь становится основным теоретическим течением. В этой «третьей социологии» – социологии повседневной жизни – происходит поворот к тому, что на самом деле происходит в обществе, к реальной жизни реальных людей [37, с. 39]. Повседневная жизнь – это зеркало всего того, что существует в обществе, а также его первоисточник. Именно в повседневной жизни протекает производство, воспроизводство и взаимодействие общественных структур.

П. Штомпка выделяет семь особенностей повседневной жизни, отличающих ее от других уровней общественного существования:

- 1) жизнь с другими людьми, коллективная, общинная, проявляющаяся в межперсональных связях;
- 2) цикличность, определенная повторяемость, ритмичность, рутинность – в масштабе дня, недели, месяца, года и одновременно направленность – в масштабе карьеры или биографии;
- 3) ритуальность, действия по определенному установленному и выполняемому без размышлений сценарию;
- 4) погружение в конкретные, уникальные и неповторимые контексты;
- 5) презентизм, сосредоточенность на текущем моменте;
- 6) чувственность, участие телесности, эмоциональности, биологических параметров человечества;
- 7) точная локализация в пространстве, зависимость от типа места – дом или улица, церковь или больница, бар или автобус [37, с. 40–41]. Данные особенности повседневной жизни характерны и для обыденного познания, сопровождающего нашу повседневную жизнедеятельность.

Современные исследователи понимают обыденное знание как вне- и донаучное, профанное, самоочевидное (Н. Н. Козлова), жизненно-практическое (Е. И. Кукушкина), стихийно-эмпирическое (В. С. Стёпин), неспециализированное (В. П. Филатов), предпосылочное, неявное (Б. Я. Пукшанский, Л. А. Микешина, А. И. Зеленков), неявное, имплицитное, периферийное (М. Полани).

Фундаментально исследовали проблемы повседневности И. Т. Касавин и С. П. Щавелев в своей книге «Анализ повседневности». Так, с точки зрения И. Т. Касавина, «повседневность как познание выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы» [38, с. 414]. Для настоящего исследования методологически важным является рассмотрение обыденного познания как процесса когнитивной социализации, имеющего глубинные архетипические корни и основания, а также как «способа усвоения и фиксации творческих достижений» [38, с. 44]. С нашей точки зрения, особенно значимым является анализ обыденного познания как способа усвоения и потребления научных достижений, ассимиляции научных открытий.

Заключение

Анализ теоретических источников современного понимания обыденного познания позволяет выявить его специфические особенности и перспективы дальнейшего исследования. Во-первых, обыденное познание отражает не только реальный процесс человеческой жизнедеятельности в сфере труда, быта, досуга, но и жизненные нужды человека, потребно-

сти его существования, коммуникации и развития. Результатом интересубъективного обыденного познания являются типизированные формы знания, шаблоны, стереотипы понимания мира, модели и схемы поведения и общения. Отражая схемы типизации, обыденное познание делает возможным понимание и общение с другими людьми, партнерами не только

в семейной жизни, но и в бизнесе, политике, различных видах творчества. Во-вторых, обыденное познание как освоение жизненного мира предполагает не только адаптацию человека к существующим условиям жизни и деятельности (механизм традиции), но и преобразование своего жизненного мира и самого себя (механизм инновации). Изучение обыденного познания намечает исследование механизма традиций и раскрытие заключенных в них импликаций

смысла. Детальный анализ повседневности поможет вскрыть ту систему релевантностей, ценностей, жизненных позиций и программ, которые определяют поведение человека в его повседневной жизни. В-третьих, обыденное познание носит рецептурный, прагматический характер, ведет к практической компетенции в обыденных делах, способствует интеграции разрозненных элементов собственного опыта субъекта обыденного познания.

Библиографические ссылки

1. Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Том 4.* Тамм ИЕ, Смородинский ЯА, Кузнецов БГ, редакторы. Москва: Наука; 1967. 600 с. (Классики науки).
2. Стёпин ВС. О методологических подходах к анализу социального познания. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.* 2014;3:3–10.
3. Гаспаров МЛ, редактор. *Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика.* Москва: Ладомир; 1999. 515 с. (Античная классика).
4. Аристотель. *Метафизика. В: Сочинения в четырех томах. Том 1.* Асмус ВФ, редактор. Москва: Мысль; 1976. 550 с. (Философское наследие).
5. Аристотель. *Никомахова этика. В: Сочинения в четырех томах. Том 4.* Доватур АИ, редактор. Москва: Мысль; 1983. 830 с. (Философское наследие; том 90).
6. Аристотель. *Поэтика. В: Сочинения в четырех томах. Том 4.* Доватур АИ, редактор. Москва: Мысль; 1983. 830 с. (Философское наследие; том 90).
7. Кузанский Н. *Сочинения в двух томах. Том 1.* Тажуригина ЗА, редактор. Москва: Мысль; 1979. 488 с. (Философское наследие; том 80).
8. Бэкон Ф. *Сочинения в 2 томах. Том 2.* Субботина АЛ, составитель, редактор. 2-е издание. Москва: Мысль; 1972. 575 с. (Философское наследие).
9. Рид Т. *Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла.* Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 352 с.
10. Кант И. *Сочинения в шести томах. Том 4, часть 1.* Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1965. 544 с. (Философское наследие; том 14).
11. Гегель ГВФ. *Система наук. Часть первая. Феноменология духа.* Санкт-Петербург: Наука; 2015. 444 с.
12. Гегель ГВФ. *Введение в философию. Философская пропедевтика.* 4-е издание. Москва: Либроком; 2016. 264 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии).
13. Фейербах Л. *Избранные философские произведения в двух томах. Том 1.* Григорьян ММ, редактор. Москва: Госполитиздат; 1955. 676 с.
14. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. *Вопросы философии.* 1992;7:136–176.
15. Лекторский ВА. *Человек и культура. Избранные статьи.* Запесоцкий АС, редактор. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2018. 640 с. (Классика гуманитарной мысли).
16. Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология.* Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2004. 400 с.
17. Гуссерль Э. *Начало геометрии.* Москва: Ad Marginem; 1996. 269 с.
18. Дождикова РН. Обыденное познание и его особенности. *Вестник БДУ. Серия 3, История. Философия. Психология. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* 2010;2:30–34.
19. Стёпин ВС. Конструктивные и прогностические функции философии. *Вопросы философии.* 2009;1:5–10.
20. Витгенштейн Л. *Философские работы. Часть 1.* Козлова МС, составитель; Козлова МС, Асеев ЮА, переводчики. Москва: Гнозис; 1994. 612 с.
21. Хайдеггер М. *Время и бытие.* Биbihин ВВ, переводчик. Москва: Республика; 1993. 447 с. (Мыслители XX века).
22. Хайдеггер М. *Бытие и время. 3-е издание.* Биbihин ВВ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2006. 452 с.
23. Бергсон А. *Творческая эволюция.* Флерова ВА, переводчик. Москва: Канон-пресс; 1998. 320 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
24. Бергсон А. *Избранное. Сознание и жизнь.* Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; 2016. 400 с.
25. Schutz A. Common-sense and scientific interpretation of human action. *Collected Papers.* 1962;11:3–47. DOI: 10.1007/978-94-010-2851-6_1.
26. Шюц А. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования.* 1988;2:129–137.
27. Рассел Б. *Человеческое познание, его сфера и границы.* Киев: Ника-Центр; 2001. 560 с.
28. Бурдьё П. *Практический смысл.* Бикбов АТ, Вознесенская КД, Zenкин СН, Шматко НА, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 562 с. Совместно с Институтом экспериментальной социологии.
29. Бурдьё П. *Социология политики.* Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1993. 336 с.
30. Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры.* Самарская ЕА, переводчик. Москва: Культурная революция; 2006. 296 с. (Мыслители XX века).
31. Эко У. *Университет и массмедиа.* Петрина Д, переводчик. ТОPOS. 2017;1–2:28–42.
32. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.* Визгин ВП, Автономова НС, переводчики. Санкт-Петербург: А-cad; 1994. 408 с.
33. Маслоу АГ. *Мотивация и личность.* Татлыбаева АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Евразия; 1999. 478 с.

34. Бродель Ф. *Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Куббель ЛЕ, переводчик. Москва: Прогресс; 1986. 870 с.
35. James W. *Pragmatism: a new name for some old ways of thinking*. London: Longmans, Green and CO.; 1907. 309 p.
36. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Рутевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
37. Штомпка П. *Доверие – основа общества*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2016. 440 с.
38. Касавин ИТ, Щавелев СП. *Анализ повседневности*. Москва: Канон⁺; 2004. 432 с.

References

1. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov. Tom 4* [Collection of scientific works. Volume 4]. Tamm IE, Smorodinskii YaA, Kuznetsov BG, editors. Moscow: Nauka; 1967. 600 p. (Klassiki nauki). Russian.
2. Stepin VS. On the methodological approaches to the social cognition analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 2014;3:3–10. Russian.
3. Gasparov ML, editor. *Ellinskie poety VIII–III vv. do n. e. Epos, elegiya, yamby, melika* [Hellenic poets of the 8–3 centuries BC. Epic, elegy, iamba, melika]. Moscow: Lodomir; 1999. 515 p. (Antichnaya klassika). Russian.
4. Aristotel'. [Metaphysics]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1* [Works in four volumes. Volume 1]. Asmus VF, editor. Moscow: Mysl'; 1976. 550 p. (Philosophical heritage). Russian.
5. Aristotel'. [Nicomachean ethics]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Works in four volumes. Volume 4]. Dovatur AI, editor. Moscow: Mysl'; 1983. 830 p. (Philosophical heritage; volume 90). Russian.
6. Aristotel'. [Poetics]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Works in four volumes. Volume 4]. Dovatur AI, editor. Moscow: Mysl'; 1983. 830 p. (Philosophical heritage; volume 90). Russian.
7. Kuzanskii N. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Works in two volumes. Volume 2]. Tazhurizina ZA, editor. Moscow: Mysl'; 1979. 488 p. (Philosophical heritage; volume 80). Russian.
8. Bacon F. *Sochineniya v 2 tomakh. Tom 2* [Works in two volumes. Volume 2]. Subbotina AL, editor. 2nd edition. Moscow: Mysl'; 1972. 575 p. (Philosophical heritage). Russian.
9. Reid T. *An inquiry into the human mind: on the principles of common sense*. London: T. Cadell in the Strand; 1785. 488 p. Russian edition: Red T. *Issledovanie chelovecheskogo uma na printsipakh zdravogo smysla*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 352 p.
10. Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 4, chast' 1* [Works in six volumes. Volume 4, part 1]. Asmus VF, Guliga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1965. 544 p. (Philosophical heritage; volume 14). Russian.
11. Hegel GWF. *Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya dukha* [System of sciences. Part one. Phenomenology of spirit]. Saint Petersburg: Nauka; 2015. 444 p. Russian.
12. Hegel GWF. *Vvedenie v filosofiyu. Filosofskaya propedevtika* [Introduction to philosophy. Philosophical propaedeutics]. 4th edition. Moscow: Librocom; 2016. 264 p. (From the heritage of world philosophical thought: the history of philosophy). Russian.
13. Feuerbach L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Selected philosophical works in two volumes. Volume 1]. Grigoryan MM, editor. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 676 p. Russian.
14. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. *Voprosy filosofii*. 1992;7:136–176. Russian.
15. Lektorskii VA. *Chelovek i kul'tura. Izbrannye stat'i* [Man and culture. Featured articles]. Zapesotsky AS, editor. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 640 p. (Classics of humanitarian thought). Russian.
16. Husserl E. *The crisis of European sciences and transcendental phenomenology*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2004. 400 p. Russian.
17. Husserl E. *Nachalo geometrii* [The beginning of geometry]. Moscow: Ad Marginem; 1996. 269 p. Russian.
18. Dozhdikova RN. Special features of everyday cognition. *Vesnik BDU. Serya 3, Gistorya. Filosofija. Psihologija. Palitologija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2010;2:30–34. Russian.
19. Stepin VS. Constructive and prognostic functions of philosophy. *Voprosy filosofii*. 2009;1:5–10. Russian.
20. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Chast' 1*. [Philosophical research. Part 1]. Kozlova MS, compiler; Kozlova MS, Ase-
ev YuA, editors. Moscow: Gnosis; 1994. 612 p. Russian.
21. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and being]. Bibikhin VV, translator. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. (Thinkers of the 20th century). Russian.
22. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. 3rd edition. Bibikhin VV, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2006. 452 p. Russian.
23. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Flerova VA, translator. Moscow: Kanon-press; 1998. 320 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
24. Bergson A. *Izbrannoe. Soznanie i zhizn'* [Selected. Consciousness and life]. Saint Petersburg: Tsentri gumanitarnykh initsiativ; 2016. 400 p. Russian.
25. Schutz A. Common-sense and scientific interpretation of human action. *Collected Papers*. 1962;11:3–47. DOI: 10.1007/978-94-010-2851-6_1.
26. Schutz A. Structure of everyday thinking. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;2:129–137. Russian.
27. Russell B. *Chelovecheskoe poznanie, ego sfera i granitsy* [Human cognition, its sphere and boundaries]. Kiev: Nika-Center; 2001. 560 p. Russian.
28. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical sense]. Bikbov AT, Voznesenskaya KD, Zenkin SN, Shmatko NA, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 562 p. Co-published by the Institut eksperimental'noi sotsiologii. Russian.

29. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. Russian.
30. Baudrillard J. *La société de consommation: ses mythes et ses structures*. Paris: S.G.P.P; 1970. 298 p.
Russian edition: Bodriyar J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Samarskaya EA, translator. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2006. 296 p. (Thinkers of the 20th century).
31. Eco U. The university and the mass media. *Yale Journal of Law and the Humanities*. 1994;6(1):81–94.
Russian edition: Eco U. Universitet i massmedia. Petrina D, translator. *TOPOS*. 2017;1–2:28–42.
32. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard; 1966. 404 p.
Russian edition: Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. Vizgin VP, Avtonomova NS, translators. Saint Petersburg: A-cad; 1994. 408 p.
33. Maslow AH. *Motivation and personality*. 2nd edition. New York: Harper & Row; 1970. 369 p.
Russian edition: Maslow AG. *Motivatsiya i lichnost'*. Saint-Petersburg: Evraziya; 1999. 478 p.
34. Braudel F. *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Structures of everyday life: possible and impossible]. Kubbel' LE, translator. Moscow: Progress; 1986. 870 p. Russian.
35. James W. *Pragmatism: a new name for some old ways of thinking*. London: Longmans, Green and Co.; 1907. 309 p.
36. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
37. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust – the basis of society]. Morozova NV, translator. Moscow: Logos; 2016. 440 p. Russian.
38. Kasavin IT, Shchhavelev SP. *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+; 2004. 432 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.12.2021.
Received by editorial board 28.12.2021.

**ПРИРОДА И КОСМИЗМ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)****П. С. КАРАКО¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрываются особенности воззрений Ф. М. Достоевского на природную среду жизни человека, ее обусловленность земными и космическими факторами. Обнаруживается религиозное содержание его космизма, которое в наибольшей мере проявляется при обосновании сущности всемирности жизни человека и человечества, роли русского православия в ее осуществлении. Подчеркивается влияние космических идей писателя на становление научной концепции космизма В. И. Вернадского, вскрывается общее и особенное в их космических воззрениях. Отмечается важность воздействия положений Ф. М. Достоевского на формирование у человека этического и эстетического отношения к природе. Делается вывод о причастности Ф. М. Достоевского к литературно-художественной и религиозно-философской ветвям русского космизма.

Ключевые слова: природа; биосфера; Вселенная; Бог; православная Русь; народ-богоносец; всемирность жизни; космическая выраженность жизни; космизм; русский космизм; этика.

**NATURE AND COSMISM IN THE CREATIVE HERITAGE
OF F. M. DOSTOEVSKY (TO THE 200th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)****P. S. KARAKO^a**^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The features of F. M. Dostoevsky views on the natural environment of human life, its conditioning by earthly and cosmic factors are revealed. The religious content of his cosmism is revealed, which, to the greatest extent, is manifested in the substantiation of the essence of the universality of human and human life, the role of Russian Orthodoxy in its implementation. The influence of the writer's cosmic ideas on the formation of the scientific concept of cosmism by V. I. Vernadsky is emphasised, the general and special in their cosmic views are revealed. The importance of F. M. Dostoevsky's provisions on the formation of an ethical and aesthetic attitude to nature and its preservation is noted. The conclusion is drawn about his involvement in the literary-artistic and religious-philosophical branches of Russian cosmism.

Keywords: nature; biosphere; Universe; God; Russian Orthodoxy; God-bearing people; universality of life; cosmic manifestation of life; cosmism; Russian cosmism; ethics.

В настоящее время происходит включение новых творцов в число исследований содержания и сущности русского космизма. Данная тенденция характерна для работ Б. М. Владимирского, В. Н. Демина,

С. И. Шлёкина. Так, В. Н. Демин к русским космистам относит Ф. М. Достоевского (1821–1881). Какие же идеи этого именитого русского писателя В. Н. Демин считает соответствующими духу русского космизма?

Образец цитирования:

Каракко П.С. Природа и космизм в творческом наследии Ф. М. Достоевского (к 200-летию со дня рождения). Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;2:53–61.

For citation:

Karako P.S. Nature and cosmism in the creative heritage of F. M. Dostoevsky (to the 200th anniversary of his birth). Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2021;2:53–61. Russian.

Автор:

Пётр Семенович Каракко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr S. Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kafedra628@gmail.com

Первой из них называется утверждение писателя о «всемирно-вселенском предназначении русского народа». Следующая идея – это присущая Ф. М. Достоевскому «космизация нравственных начал, превращение мира в вечную арену борьбы добра и зла как вселенской битвы Бога и Дьявола, Христа и Антихриста, преломленной через сердца и души живых людей» [1, с. 83]. Отмеченные положения подтверждаются соответствующими ссылками на тексты некоторых трудов Ф. М. Достоевского, не имеющих отношения к русскому космизму.

В. Н. Демин не указывает на те положения Ф. М. Достоевского, которые касаются его понимания состояния природной среды, окружающей человека, зависимости его бытия (особенно психологического состояния) от этой среды, ряда космических факторов и т. д. Все это является предметом постижения и соответствующего выражения в трудах представителей русского космизма, в том числе и Ф. М. Достоевского. Отмеченные стороны русского космизма не получили своего освещения в работе В. Н. Демина. Пониманию своеобразия их выражения в трудах Ф. М. Достоевского могут способствовать некоторые положения ведущего представителя русского космизма – В. И. Вернадского (1863–1945).

Так, в дневниковой записи от 24 марта 1918 г. он пишет о своем увлечении художественными произведениями русского писателя и тем новым миром, который предстает перед ним при их постижении: «Чтение Достоевского открывает передо мною много нового – нового мне великого писателя-гуманиста» [2, с. 62]. Здесь же В. И. Вернадский подчеркивает и тот факт, что еще будучи гимназистом, он прочитал «Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот» и другие произведения Ф. М. Достоевского, а в настоящее время читает романы «Бедные люди», «Белые ночи» и др. В дневниковой записи от 28 марта 1918 г. В. И. Вернадский снова пи-

шет: «Читаю с глубоким интересом Достоевского. Открывается передо мною как бы новый мир» [2, с. 63].

Интерес академика В. И. Вернадского к творчеству Ф. М. Достоевского произошел в период работы ученого над проблемой живого вещества (совокупность всех форм живого в биосфере Земли). В выше-названных дневниковых записях В. И. Вернадский подчеркивал, что все его внимание сосредоточено на живом веществе: «Всего как-то захватила работа над живым веществом, которую я обдумываю, пере-думываю и перерабатываю, и мысль об окружающем. Но писать могу только о живом веществе...» [2, с. 63]. Действительно, с 1916 по 1922 г. он писал о живом веществе и проводил исследования, результаты которых были обобщены в сочинении «Живое вещество», опубликованном только в 1978 г. В нем ученый указывал на то, что идеи о природе, изложенные в «религиозных, поэтических, монотеистических» трудах охватывают и научные представления о Вселенной [3, с. 313]. В силу этого представители естествознания не должны пренебрегать и такого рода произведениями, особенно трудами, которые написаны классиками художественной литературы. Одним из них и является Ф. М. Достоевский. Имело ли место в его трудах то, что проникало и охватывало воззрения В. И. Вернадского на природу? Какой же новый мир открывался ему при постижении произведений русского писателя и мыслителя? Каким видел этот мир и сам писатель? И, наконец, правомерно ли считать Ф. М. Достоевского представителем русского космизма?

Перечисленные вопросы определили внимание автора настоящей статьи к творческому наследию Ф. М. Достоевского. При этом первостепенное значение будет иметь выявление места и роли космических факторов в природе Земли, особенностей восприятия их самим писателем и героями его литературных произведений.

Земные и космические факторы в окружающей человека природе

Интерес В. И. Вернадского к трудам религиозного писателя Ф. М. Достоевского объясняется характером постижения и образно-художественным выражением им природы Земли, места в ней космических факторов в разные сезоны года, ее влиянием на физическое и духовное состояние человека, его отношение к окружающей природе и т. д. Уже в одном из первых произведений Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846), представляющим собой переписку Макара Девушкина и Варвары Доброселовой, фиксируется наблюдательность героев (авторов писем) за явлениями природы, чувство своей зависимости от ее состояния, умение выражать все это особым, образным языком. Так, в первом письме Макар сообщает Варваре о том, что «встал он сегодня таким ясным соколом – любо-весело! Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У нас растворили окошко;

солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживляется – ну, и остальное там все было тоже соответственное; все в порядке, по-весеннему». Далее Макар сравнивает Вареньку «с птичкой небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной». По его убеждению, и все люди должны «завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц» [4, с. 14].

Небезразлично к природе относилась и Варвара. В ее памяти остались впечатления, полученные в детстве от восприятия ранней осени. Она писала Макару: «Я помню, в двух шагах от нашего дома, под горой, было озеро. Это озеро, – я как будто вижу его теперь, – это озеро было такое широкое, светлое, чистое, как хрусталь! Бывало, если вечер тих, – озеро покойно; на деревьях, что на берегу росли, не шелхнет, вода неподвижна, словно зеркало. Свежо!

холодно! Падает роса на траву...». Далее картина озера дополняется образами космоса. Для Варвары в эти осенние вечера небо было «такое холодное, синее и по краям разведено все красными, огненными полосами, и эти полосы все бледнее и бледнее становятся; выходит месяц; воздух такой звонкий, порхнет ли испуганная пташка, камыш ли зазвенит от легонького ветерка, или рыба всплеснется в воде, – все, бывало, слышно. По синей воде встает белый пар, тонкий, прозрачный...» [4, с. 83]. От всего увиденного ей было «чудно хорошо».

В этом же письме Варвара сообщает своему приятелю и о своем отношении к природе в позднюю осень. Оказывается, что в это время года «все становится мрачнее, небо хмурится облаками, желтые листья стелятся тропами по краям обнаженного леса, а лес синее, чернеет, – особенно вечером, когда спустится сырой туман и деревья мелькают из тумана, как великаны, как безобразные, страшные привидения...» [4, с. 83–84].

Определенные картины природы представлены и во многих других письмах Макара и Варвары друг другу. В одном из писем Макара подчеркивается, что выздоровление Варвары от простуды было обусловлено приходом весны, и девушке за это следует «воздать благодарение небу» [4, с. 25].

Среди многих творений Ф. М. Достоевского особый интерес у В. И. Вернадского вызвал сентиментальный роман «Белые ночи» (1848). Чем же это произведение привлекло внимание мыслителя? Видимо, описанием Ф. М. Достоевским сочетания космического и земного в природе Петербурга в ночное время, восприятия и переживания ее красоты главным героем. Уже первые строки романа начинаются с констатации красоты ночи: «Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди?» [5, с. 102]. Ответ на поставленный вопрос герой романа советует поискать его «любезным читателям».

Под таким ночным небом проходили свидания героя романа «Белые ночи» с девушкой Настенькой. Во время одного из свиданий он рекомендует Настеньке обратить свой взор на небо: «Посмотрите на небо, Настенька, Посмотрите! Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вот это желтое облако теперь застилает ее, смотрите, смотрите!.. Нет, оно прошло мимо. Смотрите же. Смотрите!..» [5, с. 139]. Однако Настенька не была расположена к восприятию картины ночного неба.

Особенно волнующим и впечатлительным было воздействие на героя романа весны, которая пришла в его город: «Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с насту-

плением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы, опустится, разрядится, упестрится цветами...». Именно под воздействием сил неба происходит наступление весны и возрождение красоты земной природы. В романе подчеркивается, что благоухающая природа позитивно влияет на людей. Герой видел, что у «чахлой и хворой» девушки при соприкосновении с такой природой проявляется «жизнь и красота даже на ее лице» [5, с. 105]. Космические силы оказываются причастными и к смене сезонов года на земле, красоте ее природы и улучшению здоровья людей.

В романе «Идиот» (1868) писатель показывает людей, которые в силу своих болезненных состояний не могут воспринимать природу и ее великолепие. Все это вызывает у них мучительные переживания. Так, главный герой романа князь Мышкин во время прогулки по павловскому парку Петербурга вспомнил одно из событий своей жизни: «Это было в Швейцарии, в первый год его лечения, даже в первые месяцы. Тогда он еще был совсем как идиот, даже говорить не умел хорошо, понимать иногда не мог, чего от него требуют». Но вот однажды он «зашел в горы, в ясный, солнечный день, и долго ходил с одною мучительною, но никак не воплощавшеюся мыслию. Пред ним было блестящее небо, внизу озеро, кругом горизонт светлый и бесконечный, которому конца-края нет. Он долго смотрел и терзался. Ему вспомнилось теперь, как простирал он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву и плакал. Мучило его то, что всему этому он совсем чужой» [6, с. 351].

Еще более выразительно свое отчуждение от природы выражал другой герой вышеназванного романа – Ипполит. В период обострения своей болезни (чахотка. – П. К.) он говорил окружающим его людям: «Для чего мне ваша природа, ваш павловский парк, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего? Что мне во всей этой красоте, когда я каждую минуту, каждую секунду должен и принужден теперь знать, что вот даже эта крошечная мушка, которая жужжит теперь около меня в солнечном луче, и та даже во всем этом пире и хоре участница, место знает свое, любит его и счастлива, а я один выкидыш, и только по малодушию моему до сих пор не хотел понять это!» [6, с. 343].

Следует подчеркнуть, что, когда Ипполит был здоров, он замечал красоту природы и отмечал огромную роль Солнца в ее порождении. В одной из дискуссий со своими товарищами он говорил: «Как только солнце покажется и “завучит” на небе (кто это сказал в стихах: “на небе солнце зазвучало”? бессмысленно, но хорошо!)... Солнце ведь источник жизни?» [6, с. 309].

Белорусский поэт Якуб Колас (1882–1956) в стихотворении «Усход сонца» (1908) красочно описывает

восход солнца и вызванные им процессы, происходящие в природе: *На усходзе неба грае // Пераліўным блескам, // Сыпле золата над гаем // І над пералескам*. Как только появляются первые красные лучи солнца, то сразу же «гаснуць, нікнуць зоркі», меняется состояние и выражение всего неба. Оно начинает «усміхацца людзям і прыродзе». Исчезает сонливость и уходит мрак с лесов и лугов. В этот час «лес туманом заснаваўся», а луг «расой абмыўся». В природе устанавливается спокойствие и красота. Все это вызывает эмоциональные и эстетические чувства у поэта: *Эх, як слаўна, як прыгожа // Хораша, прыстойна!* [7, с. 82–83].

С 1868 г. русский ботаник-космист К. А. Тимирязев (1843–1920) начал изучать солнце как источник жизни на земле. Результаты своего исследования он выразил в работе «Космическая роль растений» (1903), которая стала теоретической основой космических воззрений Н. А. Умова, В. И. Вернадского, Н. Г. Холодного и последующих представителей естественно-научной ветви в русском космизме. В. И. Вернадский с полной уверенностью писал: «Из того, что мы наблюдаем на Земле, для нас ясно, что жизнь не могла бы развиваться только на Земле, без влияния Солнца, без влияния *света*» [3, с. 311]. Далее он обращал внимание на важность исследования влияния и других космических факторов на бытие всего живого на нашей планете. В образной форме сочетание земного и космического в природной среде обитания человека фиксировалось практически во всех литературных произведениях Ф. М. Достоевского.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод об ошибочности утверждения известного русского писателя К. Г. Паустовского (1892–1968) о том, что в произведениях Ф. М. Достоевского отсутствуют описания природы. В труде «Книга скитаний» (1963) он указывал на то, что Ф. М. Достоевский «нарочито ставил людей в мучительные положения, придуманные в тиши сумрачного и темного кабинета. О событиях этих он писал с газетной обнаженностью. Природы в его романах почти совсем нет» [8, с. 531]. Видимо, В. Н. Демин, также разделяя данное суждение К. Г. Паустовского, не обратил внимание на многочисленные картины природы и отношение к ней человека, представленные в произведениях Ф. М. Достоевского.

Его литературные герои в тиши не только кабинетов, но и монастырской кельи говорят о своем восприятии и восхищении природой, ее объектами. Последнее демонстрирует старец Зосимы (роман «Братья Карамазовы», 1879–1880). Незадолго до ухода из жизни он говорил священнослужителям и монахам о своей любви к природе. В его памяти сохранились картины природы, которые он видел в ранние годы жизни. Так, когда ему однажды пришлось заночевать на берегу судоходной реки, то он

не мог уснуть из-за представшего перед ним пейзажа: «Ночь светлая, тихая, теплая, июльская, река широкая, пар от нее поднимается, свежит нас, слегка всплеснет рыбка, птички замолкли, все тихо, благолепно, все богу молится» [9, с. 267].

Умилялся природой и находившийся рядом с ним другой юноша. Он поведал будущему старцу, что «лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучше того, как в лесу, ничего я, говорил, не знаю, да и все хорошо» [9, с. 267]. Хорошо говорил о природе, ее красоте и рано умерший брат старца Маркел.

Свое видение природы и отношение к ней выражали не только герои произведений Ф. М. Достоевского, но и сам писатель. В автобиографическом труде «Записки из мертвого дома» (1860–1862) можно найти примеры восприятия природы автором в период его пребывания на каторге в Сибири. Условия каторжной жизни определяли и его отношение к природе в разные поры года. Например, «зимой, особенно в сумрачный день, смотреть на реку и на противоположный далекий берег было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце было в этом диком и пустынном пейзаже. Но чуть ли еще не тяжелей было, когда на бесконечной белой пелене снега ярко сияло солнце; так бы и улетел куда-нибудь в эту степь, которая начиналась на другом берегу и расстилалась к югу одной непрерывной скатертью тысячи на полторы верст» [10, с. 80].

Каторжная жизнь влияла и на то, как арестованные воспринимали природу весной: «Наступающие красные дни волнуют и закованного человека, рождают и в нем какие-то желания, стремления, тоску. Кажется, еще сильнее грустишь о свободе под ярким солнечным лучом, чем в ненастный зимний или осенний день, и это заметно на всех арестантах» [10, с. 173]. Такого рода помыслы зарождались и у арестанта Ф. М. Достоевского при наступлении весны. Он писал, что «помнит, как с жадностью смотрел иногда сквозь щели паль и подолгу стоял, бывало, прислонившись головой к нашему забору, упорно и ненасытимо всматриваясь, как зеленеет трава на нашем крепостном вале, как все гуще и гуще синееет далекое небо. Беспокойство и тоска его росла с каждым днем, и острог становился ему все более и более ненавистным» [10, с. 174].

В отмеченных и многих других примерах описания Ф. М. Достоевским природы Земли и отношение к ней человека весьма четко проводится мысль о том, что состояние природы определяется влиянием космических факторов: Солнца, Луны, звезд и т. д. Литературные герои писателя, в частности старец Зосимы, в своих суждениях о природе указывали на то, что истинное знание о ней может достигаться только с учетом влияния важнейших объектов и явлений космоса на нашу планету.

«Тайна земная соприкасается со звездною»

Конкретно свою позицию старец Зосимы выразил в следующих суждениях: «На земле же воистину мы как бы блуждаем... Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горным и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным...» [9, с. 290]. Далее он говорил о том, что если это чувство связи с иным и таинственным миром ослабевает или прекращается, особенно у человека, то умирает и все «возвращенное в нем». Что же старец подразумевал под иным и таинственным миром?

Ответ на поставленный вопрос Ф. М. Достоевский дает через описание чувств Алеши Карамазова, который слушал и даже конспектировал речь старца Зосимы. Алеша, выйдя из монастыря после отпевания своего усопшего духовника, увидел следующую картину: «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною...» [9, с. 328].

Ощущение соприкосновения земного и небесного так подействовало на Алешу, что он не устоял на ногах и повергся на землю. У него возникли новые чувства и эмоции: «Он не знал, для чего обнимал ее (землю. – П. К.), он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и испуленно клялся любить ее, любить во веки веков. <...> ...Он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны... Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и навеки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга» [9, с. 328].

Алеша Карамазов от общения с землей и объектами космоса, особого переживания своей связи с ними стал последовательным «бойцом» только в борьбе за «дело Господне». Религиозное сознание

героя было подкреплено осознанием соприкосновения земного и космического.

Другие литературные персонажи Ф. М. Достоевского с таким соприкосновением связывали и становление новой жизни человека и человечества. Так, в доме генерала Епанчина князь Мышкин рассказывал его дочерям Аглае и Аделаиде о его видении и переживании следующих явлений: «Когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы, кругом сосны старые, большие, смолистые; вверху на скале старый замок средневековый, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вот тут-то, бывало, и зовет все куда-то, и мне все казалось, что если пойти все прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильнее и шумней, чем у нас; такой большой город мне все мечтался, как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь...» [6, с. 50 – 51].

За линией встречи неба и земли Ивану Карамазову виделась созидающая «вся вселенная или, еще обширнее – все бытие» [9, с. 214]. Здесь следует отметить, что термин «космос» автор настоящей статьи не обнаружил в произведениях Ф. М. Достоевского. Его литературные герои используют слово «вселенная», которое для них обозначает то помещение, вместилище, куда «вселяется» все земное, да и человечество, в небесное. С момента начала такого вселения на земле прекращается все хаотическое и беспорядочное, и происходит утверждение «небесной гармонии и порядка». Иван говорил о том, что именно «в момент вечной гармонии случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми...» [9, с. 215].

Все отмеченное Иван излагал своему брату Алеше и при этом говорил о том, что он верует «в порядок, в смысл жизни... в вечную гармонию, в которой мы будто бы все сольемся... в Слово, к которому стремится вселенная и которое само “бе к богу” и которое есть само бог, ну и прочее и прочее...» [9, с. 214].

Каким образом будет происходить процесс единения человечества (самого по себе и его с небом) и кто будет управлять его «бе к богу»? Данные вопросы были предметом обсуждения не только литературных героев Ф. М. Достоевского, но его самого. Чтобы ответить на поставленные вопросы, следует выяснить смысл понятия «всемирность жизни», которое было одним из значимых в трудах писателя.

Ф. М. Достоевский и В. И. Вернадский: общее и особенное в трактовке понятия «всемирность жизни»

В самой общей форме понятие «всемирность жизни» получило свое выражение в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор». В ней подчеркивается, что «всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно». Даже «великие завоеватели, Тимур и Чингис-ханы... стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению». По убеждению Ивана Карамазова, когда такое единение людей осуществится, вот тогда и наступит для них «царство покоя и счастья». Они перестанут «бунтовать и истреблять друг друга». Более того, «они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся» [9, с. 235]. Однако о том, кто такие «мы» (которые будут осуществлять единение людей и управлять ими) в поэме Ивана Карамазова не сказано.

Конкретный ответ на поставленный вопрос дает князь Мышкин. В гостиной дачи Епанчиных он говорил: «Откройте русскому человеку русский Свет... Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представят себе нас не могут, судя по себе, без варварства. И это до сих пор, и это чем дальше, тем больше!» [6, с. 453].

Все присутствующие были удивлены «выходкой» князя, не находили мотивов его поступка. Князь Мышкин от всего сказанного им испытывал «вместо ужаса – свет и радость, восторг» [6, с. 454]. Он долго не мог понять и той суматохи, которая стала «кипеть вокруг него». Его слушатели не могли принять такого рода заявлений (да и нынешние русские люди будут в «ужасе», когда кто-то из них скажет нечто подобное).

Иную точку зрения о всемирности жизни высказал Шатов – герой романа «Бесы» (1871–1872). В дискуссии со Ставригиным он говорил, что «истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве или даже с первостепенной, а непременно и исключительно с первой». Только такой «великий» народ может иметь и «бога истинного». По его убеждению, «единый народ-богоносец – это русский народ» [11, с. 200]. Именно он и призван «воскресить и спасти» другие народы и обеспечить их единение в целостное человечество.

Необходимость единения людей и роль русского народа в его осуществлении обстоятельно обосновывал также старец Зосимы. В речи перед насель-

никами монастыря им выражалось беспокойство в связи с тем, что в «мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей...». По его заключению, происходящий процесс «уединения» людей приводит к тому, что «вещей накапливается больше, а радости становится все меньше». При этом подчеркивалось и то, что «уединение» в наибольшей мере происходит «не у нас, а у них». Первой была для него «становящаяся единая православная Русь». Единство ее народа он связывал с тем, что «сей народ – богоносец» [9, с. 285].

Кроме того, старец Зосимы указывал на то, что решающую роль в осуществлении «единения» русского народа и его «спасения» от начавшегося «растления» (жестокость, пьянства, возрастания числа всякого рода «мироедов» и т. д.) будет играть Бог. Именно «спасет Бог Россию», говорил он. Однако старец не преуменьшал значимость деятельности людей в решении поставленных задач: «Но спасет бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и с лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идет» [9, с. 286]. Что можно сказать по поводу суждения старца? Только то, что и нынешний русский «богач» не «устыживается» от размеров своего «богатства» и не спешит поделиться какой-то его частью со своими бедными согражданами.

В речи старца Зосимы подведены итоги размышлений литературных героев Ф. М. Достоевского по вопросу всемирности жизни. А какое решение данного вопроса предлагалось самим писателем?

В труде «Дневник писателя. 1877 сентябрь – декабрь. 1880 август» Ф. М. Достоевский подчеркивал, что все рассуждения о единении народов мира, их гражданском устройстве должны опираться на нравственные основания, исходить из них. Ведь «при начале всякого народа, всякой национальности идея нравственности всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связано с другими мирами и с вечностью» [12, с. 165]. Эти убеждения формулировались в религии (особенно в русском православии) и стали достоянием русского народа. Именно он является носителем «Христа, на него одного и надеется» [12, с. 170].

Отмеченная особенность русских предопределяет их место и роль в мировом процессе. По Достоевскому, «наш удел и есть всемирность и не

мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей...» [12, с. 147]. Данное предназначение народов России, по убеждению писателя, в наибольшей мере выражал А. С. Пушкин. В своем художественном творчестве он «неоспоримо проявил эту всемирность стремления русского духа». Далее Ф. М. Достоевский писал, что если бы А. С. Пушкин «жил дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям...» [12, с. 148].

Все вышеотмеченные положения, высказанные Ф. М. Достоевским и его литературными героями, были известны В. И. Вернадскому. В дневниковой записи от 1 апреля 1918 г. он писал: «Читал Достоевского. Все его мировоззрение связано с верой в *православный русский народ*» [2, с. 67]. Однако как убежденный материалист, он не мог их разделять. Он воспринял только идею космизма, которая сохранилась в трудах именитого писателя-космиста. Эта идея, как и религиозно-философские воззрения Н. Н. Федорова и В. С. Соловьева, естественно-научный космизм биолога К. А. Тимирязева и физика Н. А. Умова, «космическая поэзия» В. Я. Брюсова и А. А. Блока были теоретическими предпосылками подлинно научной концепции космизма В. И. Вернадского. Он писал, что живое вещество земли «не может быть только земным явлением», да и биосфера «не есть принадлежность только одной нашей планете» [3, с. 37]. По его убеждению, она имеет космическую выраженность.

Свои рассуждения о космичности жизни В. И. Вернадский завершает принципиально важным выводом: «Научные представления о жизни как космическом явлении начинают все больше находить себе подтверждение в новых научных фактах, благоприятствующих признанию всемирности жизни» [3, с. 310]. Такого рода факты обстоятельно обобщены В. И. Вернадским в книге «Биосфера» (1926). В ней языком науки, поэзии и музыки раскрывается место

Земли в космическом пространстве, роль космических факторов в зарождении и существовании живого вещества в биосфере. Оно является «созданием внешних сил Космоса» [13, с. 10]. В последующих работах этого ученого-космиста, особенно в «книге жизни» – в труде «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965) – приводятся конкретные космические факторы (световая энергия Солнца, космическая пыль, энергия рассеянных элементов и т. д.), от которых зависит бытие всего живого на нашей планете, в том числе и человечества.

Для В. И. Вернадского биосфера есть космическая оболочка Земли, а потому и все ее компоненты, включая живое вещество и человека, имеют не только земную, но и космическую выраженность. Он резко критиковал представителей гуманитарных наук (да и биологии), которые сознательно не считаются с выводами о зависимости человека и всего человечества от биосферы. «Человечество, как живое вещество, – писал В. И. Вернадский, – неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту» [14, с. 339]. Оно, по убеждению космиста, совместно с биосферой будет эволюционировать в новое состояние – ноосферу.

В. И. Вернадский, восприняв идею Ф. М. Достоевского о всемирности жизни, обосновал научное положение о космической выраженности особой оболочки Земли – биосферы – и ее эволюции в ноосферу. Его учение о переходе биосферы в ноосферу – вершина естественно-научного и философского творчества космиста. Более подробно его космизм освещается в других работах автора настоящей статьи.

В наибольшей мере В. И. Вернадский разделял выводы Ф. М. Достоевского о характере практического отношения человека к природе, необходимости ее сохранения для будущих поколений людей. В чем конкретно выражались воззрения писателя по данной проблеме?

Человек обязан жить и действовать по законам природы

Следует отметить, что вопросы отношения человека к природе, поднимавшиеся и обсуждавшиеся всеми представителями русского космизма, являются одними из важнейших. Они были в центре внимания и Ф. М. Достоевского. Так, литературный герой «Записок из подполья» (1864) указывал на то, что «на свете есть законы природы» и человек должен жить и все делать согласно им. Вот тогда и «жить ему будет чрезвычайно легко» [15, с. 112]. Персонажи романа «Подросток» (1875) при обсуждении проблемы будущего России пришли к выводу о том, что жить надо «по закону природы и правды» [16, с. 46]. Жизнь же «вне этой мысли» им видится невозможной.

Однако реальность бытия свидетельствовала о том, что русский человек не стремился жить «по

законам природы», да он их и не знал. Он хищнически относился к природе и ее ресурсам. О последствиях такого отношения говорили многие литературные персонажи произведений Ф. М. Достоевского. Например, Крафт (герой этого романа) обращался к собеседникам со словами: «Нынче безлесят Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и приготавливают ее для калмыков. Явись человек с надеждой и посади дерево – все засмеются: “Разве ты до него доживешь?” С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» [15, с. 54].

О последствиях такого образа жизни русского человека Иван Карамазов говорил брату Алешке: «Русская земля крепка березой. Истребят леса – пропадет земля русская» [9, с. 122]. В наши дни многие территории земли русской превращены уже не в степь, а в пустыню. Не прекращается и истребление лесов. Обо всем этом почти через 100 лет с горечью писал классик русской литературы Л. М. Леонов (1899–1994) в романе «Русский лес» (1953) и многих публицистических статьях. С состоянием лесов он связывал судьбу России, ее природы и населения. Подробно его мысли по обсуждаемой здесь проблеме раскрывались в специальной работе автора настоящей статьи [17].

К происходившему в России техническому прогрессу не скрывали своего негативного отношения герои Ф. М. Достоевского. Они отмечали его пагубное воздействие на состояние природной среды и здоровье человека. Так, Петр Степанович (роман «Бесы», 1870–1872) говорил своему собеседнику Николаю Всеволодовичу об «интересной фабрике Шпигулиных». Оказывается, на ней трудится пятьсот рабочих, а сама фабрика является «рассадником холеры», так как здесь «не чистят пятнадцать лет и фабричных усчитывают; купцы-миллионеры» [11, с. 180].

Можно приводить и дальше примеры описания негативных воздействий человека на природу в трудах Ф. М. Достоевского, однако ограничимся отмеченными. В них значимое место занимали вопросы нравственного отношения человека к живым ресурсам природы, особенно животным. Шокирующим примером жестокого обращения с животными может быть описание убийства лошади ее хозяином (роман «Преступление и наказание», 1866), которое виделось Родиону Раскольникову, правда, во сне. Воспроизводить это убийство не представляется возможным. Более приятным являются суждения старца Зосимы, которые он изложил своим слушателям: «Любите все создания божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день» [9, с. 289]. Осуществляя все это, человек сможет «полюбить наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью». У старца Зосимы нравственное отношение к отдельным объ-

ектам природы поднимается и распространяется на весь космос. Его мораль имеет воистину космическую выраженность.

Поборником нравственного отношения человека к животному миру был и сам Ф. М. Достоевский. Он являлся членом Российского Общества покровительства животным. В книге автора настоящей статьи «Природа и нравственность» раскрывается содержание моральных норм Ф. М. Достоевского, касающихся отношения человека к животным, а также их влияние на мировоззрение последующих русских и советских писателей, освещавших данную проблему (А. П. Чехов, Д. Л. Андреев и т. д.) [18, с. 117–122]. Эти нормы и в настоящее время не потеряли своей актуальности. Они получают свое дальнейшее обоснование и развитие в особой области знания и учебной дисциплине – *экологическая этика*. Ее содержание описывается в вышеназванном труде автора данной статьи и других его работах.

Осуществленный в представленной работе анализ произведений именитого русского писателя Ф. М. Достоевского позволяет сделать вывод о его очевидной причастности к русскому космизму. В картинах природы, которые приводятся практически во всех литературных произведениях писателя, нераздельно слиты земное и космическое, которые предстают неповторимыми и красочными явлениями. С ними неразрывно связан человек и все человечество. Именно понимание и литературное выражение «соприкосновения» земного и космического в окружающей человека природе, его включенность в целостное бытие есть конкретное содержание космизма писателя. Стороной космизма Ф. М. Достоевского следует считать формирование у человека эстетического и этического отношения к природе – жить и действовать «по законам природы» и т. д. Все эти положения писатель выражал языком художественной литературы и религии, поскольку он был истинным православным русским человеком. Его по праву следует считать и одним из первых представителей литературно-художественной и религиозно-философской ветвей русского космизма. Хотя им и не была обоснована целостная концепция космизма, но его идеи были одной из предпосылок становления и развития научной концепции космизма, обоснованной естествоиспытателем В. И. Вернадским. Ф. М. Достоевский – достойный представитель того течения русской мысли, которая в наши дни получила название *русский космизм*.

Библиографические ссылки

1. Демин ВН. *Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Часть 1. Русский космос*. Москва: ЛЕНАНД; 2014. 200 с.
2. Вернадский ВИ. *Дневники: 1917–1921*. Сорокина МЮ, Киржаев СН, Мемелов АВ, Неаполитанская ВС, составители; Сытник КМ, Левшин БВ, редакторы. Киев: Наукова думка; 1994. 271 с.
3. Вернадский ВИ. *Живое вещество*. Неаполитанская ВС, Филиппова НВ, составители. Москва: Наука; 1978. 358 с.
4. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 1. Бедные люди. Повести и рассказы, 1846–1847*. Фридлендер ГМ, редактор. Ленинград: Наука; 1972. 519 с.

5. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 2. Повести и рассказы, 1848–1859*. Ленинград: Наука; 1972. 527 с.
6. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 8. Идиот*. Голованова ТП, Фридлиндер ГМ, редакторы. Ленинград: Наука; 1973. 511 с.
7. Колас Я. *Збор твораў. Том 1. Вершы 1898–1917*. Барысенка В, Крапіва К, Міцкевіч Д, рэдактары. Мінск: Мастацкая літаратура; 1972. 562 с.
8. Паустовский КГ. *Собрание сочинений. Том 5. Повесть о жизни: книги четвертая – шестая*. Москва: Художественная литература; 1986. 591 с.
9. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 14. Братья Карамазовы. Книги I–X*. Кийко ЕИ, Фридлиндер ГМ, редакторы. Ленинград: Наука; 1976. 511 с.
10. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 4. Записки мертвого дома*. Прийма ФЯ, редактор. Ленинград: Наука; 1972. 326 с.
11. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 10. Бесы*. Базанов ВГ, Голованова ТП, редакторы. Ленинград: Наука; 1974. 517 с.
12. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 26. Дневник писателя. 1877 сентябрь – декабрь. 1880 август*. Буданова НФ, редактор. Ленинград: Наука; 1984. 518 с.
13. Вернадский ВИ. *Биосфера и ноосфера*. Соколов БС, Ярошевский АА, редакторы. Москва: Наука; 1989. 261 с.
14. Вернадский ВИ. *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения*. Яншина ФТ, Жидовинов СН, редакторы. Москва: Наука; 2001. 376 с.
15. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 5. Повести и рассказы 1862–1866. Игрок*. Покусаев ЕИ, редактор. Ленинград: Наука; 1973. 407 с.
16. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 13. Подросток*. Кийко ЕИ, редактор. Ленинград: Наука; 1975. 456 с.
17. Карак ПС. «Философия леса» в творчестве Л. М. Леонова. *Нёман*. 2006;7:129–144.
18. Карак ПС. *Природа и нравственность*. Минск: Экоперспектива; 2013. 244 с.

References

1. Demin VN. *Russkii kosmizm vchera, segodnya, zavtra. Chast' 1. Russkii kosmos* [Russian cosmism yesterday, today, tomorrow. Part 1. Russian space]. Moscow: LENAND; 2014. 200 p. Russian.
2. Vernadskii VI. *Dnevniky: 1917–1921* [Diaries: 1917–1921]. Sorokina MYu, Kirzhaev SN, Memelov AV, Neapolitanskaya VS, compilers; Sytnik KM, Levshin BV, editors. Kyiv: Navukova dumka; 1994. 271 p. Russian.
3. Vernadskii VI. *Zhivoe veshchestvo* [Living matter]. Neapolitanskaya VS, Filippova NV, compilers. Moscow: Nauka; 1978. 358 p. Russian.
4. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 1. Bednye lyudi. Povesti i rasskazy, 1846–1847* [Complete collection of works. Volume 1. Poor people. Stories, 1846–1847]. Fridlender, editor. Leningrad: Nauka; 1972. 519 p. Russian.
5. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 2. Povesti i rasskazy, 1848–1859* [Complete collection of works. Volume 2. Stories, 1848–1859]. Leningrad: Nauka; 1972. 527 p. Russian.
6. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 8. Idiot* [Complete collection of works. Volume 8. The Idiot]. Golovanova TP, Fridlender, editors. Leningrad: Nauka; 1973. 511 p. Russian.
7. Kolas Ja. *Zbor tvoraw. Tom 1. Vershy 1898–1917* [Collection of works. Volume 1. Poems 1898–1917]. Barysenka V, Krapiwa K, Mitskevich D, editors. Minsk: Mastackaja litaratura; 1972. 562 p. Belarusian.
8. Paustovskii KG. *Sobranie sochinenii. Tom 5. Povest' o zhizni: knigi chetvertaya – shestaya* [Collection of works. Volume 5. The Story of life: books fourth – sixth]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1986. 591 p. Russian.
9. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 14. Brat'ya Karamazovy. Knigi I–X* [Complete collection of works. Volume 14. The Brothers Karamazov. Books 1–10]. Kiiko EI, Fridlender GM, editors. Leningrad: Nauka; 1976. 511 p. Russian.
10. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 4. Zapiski mertvogo doma* [Complete collection of works. Volume 4. The House of the Dead]. Priima FYa, editor. Leningrad: Nauka; 1972. 326 p. Russian.
11. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 10. Besy* [Complete collection of works. Volume 10. Demons]. Bazanov VG, Golovanova TP, editors. Leningrad: Nauka; 1974. 517 p. Russian.
12. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii Tom 26. Dnevnik pisatelya. 1877 sentyabr' – dekabr'. 1880 avgust* [Complete collection of works. Volume 26. A writer's diary. 1877 September – December. 1880 August]. Budanova NF, editor. Leningrad: Nauka; 1984. 518 p. Russian.
13. Vernadskii VI. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Sokolov BS, Yaroshevskii AA, editors. Moscow: Nauka; 1989. 261 p. Russian.
14. Vernadskii VI. *Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya* [The chemical structure of the biosphere of the Earth and its environment]. Yanshina FT, Zhidovinov SN, editors. Moscow: Nauka; 2001. 376 p. Russian.
15. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 5. Povesti i rasskazy 1862–1866. Igrok*. [Complete collection of works. Volume 5. Stories 1862–1866. The gambler]. Pokusaev EI, editor. Leningrad: Nauka; 1973. 407 p. Russian.
16. Dostoevskii FM. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 13. Podrostok* [Complete collection of works. Volume 13. The adolescent]. Kiiko EI, editor. Leningrad: Nauka; 1975. 456 p. Russian.
17. Karako PS. [«The philosophy of the forest» in the works of L. M. Leonov]. *Neman*. 2006;7:129–144. Russian.
18. Karako PS. *Priroda i нравstvennost'* [Nature and morality]. Minsk: Ekoperspektiva; 2013. 244 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2021.
Received by editorial board 12.03.2021.

УДК 1(091):37.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В. С. САЙГАНОВА¹⁾, ЧЖЭН ЖЭНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются теоретические основы становления философии образования. Выявляется проблемное поле философии образования. Данной области философского знания предшествовало развитие философской антропологии, педагогики, некоторых областей психологии и социологии. Теоретические основы формирования философии образования проявляются в направлениях постклассической философии, где определены целостные интерпретации человека, гуманитарного знания, реализации этого знания в образовании. Выделяются основные блоки философских исследований, в которых выявляются теоретические предпосылки философии образования. Делается вывод о том, что становление философии образования происходило в рамках аналитической философской традиции, которая определила содержательные направления и векторы дальнейшего развития философии образования.

Ключевые слова: образование; философия образования; история философии; прагматизм; аналитическая философия; прикладная философия; педагогическая антропология.

Образец цитирования:

Сайганова В.С., Чжэн Жэнь. Теоретические основы становления философии образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:62–66.

For citation:

Saiganova VS, Zheng Ren. Theoretical foundations of the formation of the philosophy of education. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:62–66. Russian.

Авторы:

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Чжэн Жэнь – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – В. С. Сайганова.

Authors:

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

veros23@yandex.ru

Zheng Ren, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

phs.zhen@bsu.by

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION

V. S. SAIGANOVA^a, ZHENG REN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. S. Saiganova (veros23@yandex.ru)

The article discusses the theoretical foundations of the formation of the philosophy of education. The problematic field of the philosophy of education is revealed. The formation of the philosophy of education was preceded by the development of philosophical anthropology, pedagogy, and some areas of psychology and sociology. The theoretical foundations of the formation of the philosophy of education are considered in the directions of postclassical philosophy, where holistic interpretations of a person, humanitarian knowledge, and the implementation of this knowledge in education were manifested. The main blocks of philosophical research are highlighted, in which the theoretical foundations of the philosophy of education are revealed. The conclusion is made that the formation of the philosophy of education took place within the framework of the analytical philosophical tradition, which determined the content directions and vectors of the further development of the philosophy of education.

Keywords: education; philosophy of education; history of philosophy; pragmatism; analytical philosophy; applied philosophy; pedagogical anthropology.

Возрастающая значимость и всеобщность образования привели к необходимости нового понимания его целей, теоретических постулатов, форм, содержания и направленности. Особенностью современного осмысления образования как социокультурного феномена становится потребность в философской рефлексии над проблемами образования, определением его места в системе ценностей гуманитарной культуры, спецификой трансформации образования. На этом пути происходит вызревание отдельной области современного философского знания – философии образования, которая охватывает комплекс теоретических исследований, посвященных целям, ценностям, принципам формирования и содержания образования. Становлению философии образования предшествовало развитие философской антропологии, педагогики, некоторых областей психологии и социологии. Однако теоретические основы формирования и развития философии образования следует рассматривать в истории философии, а именно в тех направлениях постклассической философии, где проявились целостные интерпретации человека, гуманитарного знания, реализации этого знания в образовании.

Антропологический, лингвистический и методологический повороты постклассической философии способствовали пересмотру концептуальных оснований классического образования, встречной трансформации философского дискурса и образовательных практик, что к концу XX в. привело к дисциплинарному оформлению философии образования. Цель настоящей статьи – выявить теоретические основы становления философии образования.

В рамках современного философского дискурса масштабный интерес к проблеме образования породил многочисленные дискуссии и споры относительно теоретических оснований философии образования, а имеющиеся разработки в области современной философии образования весьма разнятся

с семантической и методологической точек зрения. Это находит свое отражение в большом количестве философских исследований, посвященных проблемам образования, и указывает на то, что специфика предмета и границы области философии образования и сегодня остаются дискуссионными. Анализ проблематики философии образования позволяет условно выделить три содержательных блока философских исследований, в которых можно увидеть истоки становления философии образования:

1. Англо-американские философские исследования образования. Основное внимание направлено на критику постулатов классической парадигмы образования, акцентируется прагматический аспект образования и закрепляется аналитическая традиция в философии образования.

2. Западноевропейские исследования в области философии образования. Ключевым моментом является антропологическое измерение образования, происходит становление экзистенциальных и диалогических направлений философии образования (М. Бубер, О. Больнов, М. Лангевельд, Ф. Розенцвейг и др.), а также развиваются гуманитарные направления философии образования (Г. Ноль, Г. Рот, В. Флитнер, Е. Венигер и др.).

3. Комплекс российских и отечественных исследований образования (данный блок качественно отличается от двух предыдущих). Названный комплекс функционирует с середины XX в. Истоками данных исследований можно указать развитие педагогического направления антропологии, начало которому положил К. Д. Ушинский, понимание педагогики как прикладной философии у С. И. Гессена, системомыследеятельностную методологию в образовании Г. П. Щедровицкого, обоснование предмета философии образования Б. С. Гершунского, Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой и др. Становление и развитие философии образования в Беларуси стали возможны благодаря таким

современным исследователям, как В. Г. Бондарев, Т. Н. Буйко, А. И. Левко, Л. В. Ахмерова и пр., в трудах которых обосновывается преимущественно социокультурный анализ образования с точки зрения его аксиологических оснований [1].

Следует отметить, что институционально философия образования оформилась в США в 1941 г. в результате открытия в штате Нью-Джерси Американского общества философии образования. В то же время в американских университетах философия образования как самостоятельная учебная дисциплина преподавалась еще с начала XX в. В Европе первая кафедра философии образования появилась в 1947 г. в Институте образования в Лондоне, что привело к созданию факультета философии образования и определило тренды дальнейшего изучения ее предмета и содержания. В результате такого институционального оформления философии образования главное ее содержание развивалось в русле доминирующей в англо-американской философии того времени аналитической парадигмы. Так, аналитическая традиция в философии образования явилась не только главной теоретической основой ее становления, но и определила дальнейшее развитие философии образования в мире. В настоящей работе данная исследовательская традиция представлена более подробно.

Аналитическая традиция в философии образования опирается на комплекс идей, направленных на прагматический анализ высказываний естественного языка и норм функционирования этого языка в том числе и в образовании. В англо-американской философии образования задачи данной традиции заключались в исследовании и прояснении образовательных концептов, изучении и оценке методов и методик преподавания, при этом использовались инструменты логики, эпистемологии, лингвистики, философии морали.

Определив философию как общую теорию образования, где центральное место занимает образовательный опыт как результат взаимодействия живого бытия с физическим и социальным окружением, Дж. Дьюи положил начало прагматистским интерпретациям образования [2, с. 114–117]. Использование опыта прошлого в решении проблем будущего рассматривал главным условием образования и А. Н. Уайтхед. Он указал на то, что образовательный процесс должен состоять не в усвоении устоявшихся истин, а в вовлечении учащихся в решение проблем и интенсификации воображения [3, с. 342–356]. Аналитическое содержание в англоязычную философию образования привнесли Ч. Д. Харди, Г. Брауди, К. Прайс, И. Шеффлер, Р. С. Питерс и П. Хёрст, при этом они разделяли педагогику и философию образования (последняя, по их мнению, основывалась на идеях логического позитивизма и философии языка).

Ч. Д. Харди в работе «Истина и заблуждение в образовательной теории» пытался решить разногласия между образовательными теориями с помощью философского анализа реконструкции теорий и разъяснения понятий. В своих публикациях в 1940–50-х гг. Г. Брауди и К. Прайс отмечали плодотворность аналитического подхода к философии образования, необходимость применения аналитической и критической функций философии для изучения проблем образования, логического анализа ключевых понятий образования, таких как «воспитание», «обучение», «преподавание» и др. Исключая из поля зрения философии образования проблематику ценностей, американская аналитическая философия образования мыслила себя ветвью академической философии, свободной от политики и идеологии. В частности, П. Хёрст в философии образования акцентировал внимание не на сами ценности и моральные суждения, а на значение этих суждений [4, р. 1879–1880].

В 1960-х гг. аналитическая философия образования развивалась преимущественно в работах И. Шеффлера и Р. С. Питерса, которые в своей аналитике образования опирались на философии позднего Л. Витгенштейна и его концепции языковых игр. Понятия «знание», «мышление», «учение» И. Шеффлер считал центральными в философии образования и отмечал при этом, что образование является уже не только теоретической областью знания, но и практической сферой принятия решений [4, р. 1882–1884]. Область аналитической философии образования Р. Питерс расширил путем привнесения этической проблематики. В работе «Этика и образование» он обосновывает ценности образования, выраженные в его полезности, рассматривает вопросы нравственного воспитания, моральных методов образования, говоря таким образом о фундаментальных этических и социальных принципах образования. Для Р. Питерса задача философии образования состояла в «формулировании директив высокого уровня, создающих практику образования и организующие инструменты, при помощи которых можно было бы ее осуществлять» [5].

С развитием аналитической философии образования логический анализ языка выводится в более широкий контекст концептуального анализа и рассматривается не как самоцель, а как инструмент для разработки исследовательских, теоретических и практико-ориентированных программ [6, с. 56–58]. В поздних исследованиях Р. С. Питерса, П. Хёрста, Дж. Вудза, У. Дрея, Дж. Уайта и др. были предложены критерии образовательной деятельности, которые включали в себя оценку ценностей в образовании, роль индивида в целостной модели образования, эмоциональные и социально-ценностные основы поведения человека и его нравственного воспитания. Так, например, Р. С. Питерс выделил цели образования, которые должны быть реализованы: социальные

достижения, представления об истине, ценности демократического общества, эстетические и религиозные ценности¹.

Последующее развитие аналитической философии образования было описано и показано в исследованиях Р. Андерсона, Дж. Джэрига, Г. Лангфорда, У. Солтиса и др., где проводился детальный анализ значений образовательных терминов и понятий. Свое отражение получила тенденция переосмысления роли образования в аспекте интенсивного развития науки и техники. Представители аналитической философии образования указывали на необходимость подчинения содержания образования критериям научности, что отразилось в рекомендациях к углубленному изучению следующих дисциплин: математики, логики, физики, химии и т. д. В то же время ценностно-ориентированные предметы (такие как этика, эстетика, литература и др.) ввиду их идеологической нагруженности попадали под критику адептов аналитической философии образования и не включались в учебные планы.

Начиная с 1980-х гг. роль аналитической традиции в исследовании проблем образования постепенно стала снижаться. В большей степени это связано с внутренней разрозненностью содержания позднего этапа развития аналитической философии образования. Среди аналитических философов образования возникла критика языкового анализа за его консерватизм, фокусировку на деталях и неспособность изучать образование целостно. Стали появляться новые течения в философии образования, не основанные на аналитической традиции, а акцентирующие социокультурные аспекты образования (феминистская философия образования, постмодернистское направление философии образования), что обусловило переход от аналитической парадигмы к гуманитарным, диалоговым направлениям философии образования. Однако аналитическая философская традиция оставалась востребованной в таких исследовательских направлениях философии, как философия науки, эпистемология, социальная философия, философия права и т. д.

Подводя итог, следует отметить, что становление философии образования происходило в рамках аналитической философской традиции. Истоки

философии образования, теоретические основы ее становления следует усматривать в интеграции образовательного знания с методом логического анализа языка, употребляемого в практике образования, в комплексе идей, направленных на прагматический анализ норм функционирования этого языка в образовании. Аналитическая традиция в философии образования определила содержательные направления и векторы ее дальнейшего развития.

Философия образования является перспективной специализированной областью философского знания, которая охватывает большой массив исследований, посвященных теоретико-методологическим, аксиологическим основаниям образования, однако необходимо подчеркнуть, что содержание философии образования как на этапе ее становления, так и на современной стадии развития весьма плюралистично и неоднородно. По мнению современных отечественных исследователей, «имеющиеся разработки в области философии образования весьма разнятся в методологическом плане и недостаточно ссылаются друг на друга», что приводит к некоторым расхождениям в понимании сути образования и его культурного развития [7, с. 348]. В отечественной традиции существует ряд сложностей, связанных с формированием институций философии образования, поскольку в советский период ее развития мощно институционализировалась и встроилась в общественные отношения именно педагогика, а философия образования существовала на уровне философско-образовательных дискуссий. Очевидно, что, вступив в полосу глубоких трансформаций, современное образование нуждается в основательных философских дефинициях, поиске новых исследовательских программ, выявлении теоретико-методологического инварианта философии образования для последующего ее существования в самостоятельных институциональных формах. Специфическими особенностями философии образования как самостоятельной области знания могут выступать возможность полилога исследовательских стратегий, обмен смыслами, открытость новым проблематизациям, конструктивной академической коммуникации, основанной на признании образования социокультурной ценностью.

Библиографические ссылки

1. Буйко ТН. *Философия образования: старая традиция или новая дисциплина?* Минск: Национальный институт образования; 2000. 210 с.
2. Дьюи Дж. *Демократия и образование*. Турчанинова Ю, Гусинский Э, Михайлов Н, переводчики. Москва: Педагогика-пресс; 2000. 384 с. (Педагогика: классические труды).
3. Уайтхед АН. *Избранные работы по философии*. Касавин ИТ, составитель; Киссель МА, редактор; Грязнов АФ, Касавин ИТ, Красников АН, Никифоров АЛ, Порус ВН, переводчики. Москва: Прогресс; 1990. 720 с. (Философская мысль Запада).

¹Philosophy of education // Stanford encyclopedia of philosophy [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/education-philosophy/#ProDelFie> (date of access: 09.03.2021).

4. Frankena W. Philosophy of education. Historical overview. In: Guthrie JW, editor. *Encyclopedia of education*. 2nd edition. New York: Macmillan; 2003. p. 1877–1889.
5. Peters RS. *Ethics and education* [Internet]. London: George Allen and Unwin; 1966 [cited 2021 March 7]. Available from: <https://www.taylorfrancis.com/books/ethics-education-routledge-revivals-peters/10.4324/9781315712383>.
6. Береговая ОА. Аналитическая философия образования: краткий обзор. *Философская мысль*. 2018;3:51–58. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.3.22288.
7. Левко АИ, Буйко ТН. Философия образования в Беларуси: формирование исследовательских программ. *Философские исследования*. 2017;4:341–349.

References

1. Buyko TN. *Filosofiya obrazovaniya: staraya traditsiya ili novaya distsiplina?* [Philosophy of education: old tradition or new discipline?]. Minsk: National Institute of Education; 2000. 210 p. Russian.
2. Dewey J. *Demokratiya i obrazovanie* [Democracy and education]. Turchaninova Yu, Gusinskii E, Mikhailov N, translators. Moscow: Pedagogy-press; 2000. 382 p. (Pedagogika: klassicheskie trudy). Russian.
3. Whitehead AN. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Kasavin IT, compiler; Kissel' MA, editor; Gryaznov AF, Kasavin IT, Krasnikov AN, Nikiforov AL, Porus VN, translators. Moscow: Progress; 1990. 720 p. (Filosofskaya mysl' Zapada). Russian.
4. Frankena W. Philosophy of education. Historical overview. In: Guthrie JW, editor. *Encyclopedia of education*. 2nd edition. New York: Macmillan; 2003. p. 1877–1889.
5. Peters RS. *Ethics and education* [Internet]. London: George Allen and Unwin; 1966 [cited 2021 March 7]. Available from: <https://www.taylorfrancis.com/books/ethics-education-routledge-revivals-peters/10.4324/9781315712383>.
6. Beregovaya OA. [Analytical philosophy of education: a brief overview]. *Filosofskaya mysl'*. 2018;3:51–58. Russian. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.3.22288.
7. Levko AI, Buyko TN. [Philosophy of education in Belarus: formation of research programs]. *Filosofskie issledovaniya*. 2017;4:341–349. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2021.
Received by editorial board 12.03.2021.

УДК 1(091)

**РОЛЬ РЕЛИГИИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ
(КОНЦЕПЦИИ А. ТОЙНБИ И С. ХАНТИНГТОНА)****Я. А. КОРШУНОВА¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается роль религии в концепциях локальных цивилизаций А. Тойнби и С. Хантингтона. Излагаются основные идеи теории А. Тойнби, где значение религии усиливается в период распада цивилизаций. Будучи носителем духовного наследия, церковь становится «куколкой», передающей энергию от умирающей цивилизации к дочерней. В высших религиях, которые способны обратиться к душе человека, А. Тойнби видит потенциал к достижению единства, направленного на обретение общего блага. В то же время в истории обнаруживается регресс высших религий, отошедших от своего первоначального состояния в силу несовершенства человеческой природы. Достижение единства станет возможным тогда, когда последователи живых высших религий (христианства, ислама, буддизма и индуизма) осознают общность своей истории и откажутся от борьбы между собой. В противоположность взглядам А. Тойнби идея о конфликте носителей разных религиозных мировоззрений развита С. Хантингтоном. Он считает, что в религиях заключен фактор не объединения, а разделения, поскольку они не только черпают ресурс из духовного потенциала человека, но и наделяют всеобъемлющими неповторимыми символами его культурную идентичность и предназначение. Различия в миропонимании и культуре являются фундаментальными, поэтому мирно сосуществовать представителям разных цивилизаций будет сложно. Таким образом, если А. Тойнби признает идею о создании внутреннего единства человечества на основе религии, то С. Хантингтон в корне ее отрицает и предупреждает о грозящих конфликтах на «линиях разлома цивилизаций».

Ключевые слова: религия; цивилизация; концепции локальных цивилизаций; культура; А. Тойнби; С. Хантингтон.

**THE ROLE OF RELIGION IN THE CONCEPTS OF A. TOYNBEE
AND S. HUNTINGTON: COMMON AND DIFFERENT****Ya. A. KORSHUNOVA^a**^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the role of religion in the concepts of local civilisations by A. Toynbee and S. Huntington. The main ideas of the theory by A. Toynbee, where the significance of religion is enhanced during the period of the collapse of civilisations, are presented. As a bearer of the spiritual heritage, the church becomes a «chrysalis» that transfers energy from a dying civilisation to a daughter one. In the highest religions, which are able to appeal to the human soul, A. Toynbee sees the potential for achieving universal human unity aimed at achieving the common good. At the same time, history reveals a regression of the highest religions that have departed from their original state due to the imperfection of human nature. Achievement of unity will be possible when the followers of living higher religions (Christianity, Islam, Buddhism and Hinduism) realise the commonality of their history and abandon the struggle among themselves. In contrast, the idea of a conflict

Образец цитирования:

Коршунова ЯА. Роль религии в цивилизационной динамике (концепции А. Тойнби и С. Хантингтона). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:67–72.

For citation:

Korshunova YaA. The role of religion in the concepts of A. Toynbee and S. Huntington: common and different. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:67–72. Russian.

Автор:

Янина Александровна Коршунова – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук; преподаватель кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент С. Г. Карасева.

Author:

Yanina A. Korshunova, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences; lecturer at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. janina-korschunova@yandex.by

between carriers of different religious worldviews was developed by S. Huntington. He sees in religions a factor not of unification, but of division, since they not only draw resources from the spiritual potential of a person, but also endow his cultural identity and his mission with comprehensive unique symbols. Differences in world outlook and culture are fundamental, which makes the possibility of peaceful coexistence of representatives of different civilisations difficult to realise. In this way, if A. Toynbee recognises the idea of creating the inner unity of mankind on the basis of religion, then S. Huntington fundamentally denies it and asserts about impending conflicts on the «fault lines of civilisations».

Keywords: religion; civilisation; concepts of local civilisations; culture; A. Toynbee; S. Huntington.

Введение

Одним из существенных факторов, составляющих уникальность того или иного сообщества, выступает религия. Она задает основу идентичности, поскольку формирует всеобъемлющие программы миропонимания и действия, которые пронизывают все сферы индивидуальной и социальной жизни. По мнению представителей цивилизационного подхода А. Тойнби и С. Хантингтона, религия имеет особое значение в процессе исторического развития.

А. Тойнби – английский историк, автор фундаментального труда «Постижение истории». Различные аспекты его цивилизационной концепции широко изучались зарубежными и отечественными исследователями, в частности российскими учеными Е. А. Косминским [1], Г. Д. Чесноковым [2], О. В. Воробьевой [3] и др. В академических кругах идеи А. Тойнби о роли религии вызвали как одобрение, так и критику. Ученый видит потенциал религий в их духовном опыте, который формирует и утверждает общечеловеческие идеалы, однако сама религиозная позиция мыслителя оказалась непоследовательной и внутренне противоречивой. Так, О. В. Воробьева отмечает, что для исследователей наследия А. Тойнби сложность создавало то, что в первых томах «Постижения истории» автор сообщает о том, что церковь играет вторичную роль и представлена как «куколка», которая заключает в себе часть духовного наследия гнущейся цивилизации и передает его дочерней, но начиная с VII тома книги А. Тойнби указывает на то, что именно церкви становятся целью человеческой истории [3].

Религия в качестве основы цивилизации также рассматривается в работе «Столкновение цивилизаций» американского политолога С. Хантингтона. Его идеи привлекли внимание многих ученых, в том числе Дж. Пила [4], М. Эллиота [5], А. П. Назаретяна [6] и др. Теория столкновения цивилизаций была весьма неоднозначно воспринята научным сообществом и вызвала многочисленные дискуссии. Например, К. С. Григорьева отмечает, что данная концепция С. Хантингтона подвергалась сомнениям как с точки зрения содержания, так и критиковалась относительно несовершенств методологического характера: в качестве недостатков выделялись абсолютизация роли религиозного фундаментализма, уменьшение значения внутри-

цивилизационных конфликтов и социально-экономических факторов, отмечалась спекулятивность концепции и т. д. Также в результате эмпирических исследований тезисы С. Хантингтона часто не подтверждались [7, с. 190–191].

Объектом исследования настоящей статьи выступает религия, предметом – роль религии в цивилизационной динамике согласно концепциям А. Тойнби и С. Хантингтона. Цель статьи – определить различие трактовок значения религии в контексте цивилизационных концепций А. Тойнби и С. Хантингтона. Для реализации данной цели необходимо решить следующие задачи:

- выделить основные положения цивилизационных теорий А. Тойнби и С. Хантингтона;
- выявить значение религии в цивилизационной динамике, представленной в работах А. Тойнби и С. Хантингтона;
- осуществить компаративный анализ роли религии в концепциях А. Тойнби и С. Хантингтона.

В качестве локальных цивилизаций А. Тойнби в «Постижении истории» понимает замкнутые общности, которые классифицируются по признакам религии и территории, в результате чего можно выделить 21 цивилизацию [8, с. 82–86]. В процессе своего развития каждая цивилизация проходит стадии генезиса, роста, надлома и распада. Генезис цивилизации зависит от прогресса культуры и формирования нового типа религии, а динамика цивилизации происходит под влиянием ряда механизмов, основным из которых является «вызов-и-ответ», обозначающий такую ситуацию в развитии цивилизации, когда сложившиеся обстоятельства становятся для общества проблемой, и его дальнейшая судьба зависит от того, насколько решение данной проблемы – ответ – соответствовало этому вызову [8, с. 113–149].

По мере приближения цивилизации к стадиям надлома и распада ее связь с религией усиливается. Наиболее существенное значение религия приобретает в период распада, который является результатом неудачных ответов цивилизации на один и тот же вызов. Таким образом, общество разделяется на следующие части: «...доминирующее меньшинство, внутренний и внешний пролетариат» [8, с. 348]. Распад общества, по мнению А. Тойнби, приводит к расколу и в душах людей, затрагивая «поведение,

чувства, жизнь в целом» [8, с. 370]. Мыслитель говорит о возможных путях выхода цивилизации из состояния кризиса, которые могут быть представлены в четырех вариантах: архаизм, футуризм, отрешение и преображение.

Архаизм направлен на возвращение некоторых форм прошлого и прослеживается в институтах, идеях, искусстве, языке, литературе и религии [8, с. 428–440]. Природа архаизма противоречива, поскольку попытка вернуться к прошлому приводит либо к отказу от настоящего, либо к возрождению прошлого в настоящем, что искажает это прошлое «до неузнаваемости» [8, с. 440]. Футуризм также прорывает с настоящим в попытке поиска новых путей и обнаруживается в манерах, институтах, светской культуре и религии [8, с. 440–451]. Футуризм, как и архаизм, обречен на поражение, поскольку «в его примитивной обнаженности представляет собой социальную форму крайнего отчаяния. <...> ...Не только психологически менее естественен, чем архаизм, но и более труден для реализации» [8, с. 447]. Для архаизма и футуризма религия не является ключевым фактором и представляет собой лишь один из составляющих их элементов. Отрешение заключается в отрицании жизни, уходе от мира и аскетизме, однако недостаток этого пути исходит из его же преимуществ: «совершенное отрешение вычеркивает жалость, а значит, и любовь столь же решительно, как оно вычеркивает дурные страсти» [8, с. 454]. Тем самым отрешение по сути своей бессердечно, оно лишает не только пагубных желаний, но и любви и сострадания, что закрывает путь к достижению подлинной истины. По этой же причине оптимальным вариантом выхода цивилизации из состояния кризиса А. Тойнби считает преображение, где религия приобретает особое значение, поскольку способствует духовному перерождению каждого человека и затрагивает не только его ум, но и сердце и душу. Сущность преображения являет собой тайну, которая скрывается в общем для божественной и человеческой природы свойстве – Любви [8, с. 461]. В отличие от отрешения, преображение подразумевает возвращение в мир после ухода из него, а его конечной целью выступает достижение «Царствия Божия» [8, с. 462].

Основываясь на представлении об определяющей роли духовной сферы для цивилизации, А. Тойнби выделяет религию в качестве средства, позволяющего человеку реализовывать стремление к возвышенным идеалам. С. С. Бойчук отмечает, что А. Тойнби разграничивает три типа религии – ранние формы религии, высшие религии, вторичные высшие религии, – причем высшие религии утверждают приоритет индивидуального, поскольку они воплощают возможность непосредственного общения индивида с трансцендентной реальностью, в то время как ранние формы религии предполагают коллективизм как

опосредованный контакт человека с трансцендентной реальностью «через принадлежность к определенной общности в качестве ее полноправного члена» [9]. Вторичные высшие религии создаются «внутренним пролетариатом живых незападных цивилизаций», которые оказались частью процесса «всемирной экспансии западной цивилизации», однако они вряд ли способны заменить живые высшие религии, поскольку уступают им в силе своего потенциала [8, с. 540–541]. В качестве живых высших религий А. Тойнби выделяет христианство, ислам, буддизм и индуизм [8, с. 541]. Высшие религии универсальны, поскольку могут существовать в отрыве от цивилизации, в то время как ранние формы религии, напротив, интегрированы в культуры, в которых они возникли, отчего совпадают «с географическими границами регионов и государств» и являются замкнутыми и локальными [9].

Высшие религии в своем институциональном аспекте представляют собой отдельные специфические системы – вселенские/универсальные церкви, к которым восходит каждая цивилизация: «...западная и православно-христианская цивилизации с ветвью православного христианства в России через христианскую церковь восходят к эллинистической цивилизации; дальневосточная цивилизация и ее ветвь в Корее и Японии через махаяну связаны с древнекитайской цивилизацией; индуистская цивилизация связана через индуизм с индской, а иранская и арабская – через ислам с древнесирийской» [8, с. 530]. Вселенские/универсальные церкви рождаются в результате надлома и распада цивилизаций второго поколения с целью сохранить духовное наследие и передать его новому обществу. Рассматривая динамику развития истории цивилизаций и вселенских церквей, А. Тойнби говорит о том, что «ответ откроется в истине, согласно которой Религия – это духовная деятельность, а духовный прогресс подчинен “закону”, который выражен в словах: “Ибо Господь кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает” (Евр. 12, 6; Притч. 3, 12)» [8, с. 535]. Иными словами, именно в период кризиса наступает момент, когда человек, пытаясь обрести спасение и найти выход из наступившей катастрофы, обращается в поисках освобождения от страданий к Богу.

Сама история цивилизаций, как считает А. Тойнби, насчитывает три поколения – от примитивных цивилизаций первого поколения к более развитым и сложным цивилизациям второго поколения, когда зародились вселенские церкви, и до современных цивилизаций третьего поколения, сформированных на основе этих церквей. Возможность возникновения цивилизации третьего поколения из цивилизации второго реализуется благодаря специфической именно для этого перехода роли Вселенской церкви как «куколки» [8, с. 533–534]. Именно религия, по

мнению А. Тойнби, хранит в себе особую энергию и обладает достаточной силой для того, чтобы стать основой для зарождения нового общества. Однако мыслитель отмечает, что при переходе от цивилизации первого поколения ко второму этот механизм не работает: «Подобные феномены не встречаются ни в шумерской, ни в минойской, ни в египетской, ни в андской, ни в майянской цивилизациях. Здесь можно также заметить попутно, что Новый Свет не родил ни одной высшей религии, какой бы период истории мы ни взяли» [8, с. 534].

Особое внимание А. Тойнби уделяет рассмотрению высших религий, поскольку в них он видит большие возможности прийти к духовной интеграции и утверждает, что в сравнении с разнообразной и повторяющейся историей цивилизаций история религий выглядит «цельной и единой направленной», и поэтому высшие религии имеют больше общего, «чем современные им цивилизации» [8, с. 536]. Например, каждая высшая религия имеет «взгляд на Бога как на Господа человеческого... <...> Бога стали носить в сердце, что явилось неизбежным следствием нового взгляда на отношения между людьми» [8, с. 536]. С одной стороны, А. Тойнби подчеркивает «новое понимание природы божественного» в высших религиях, а с другой – отмечает, что образ Бога утверждается как идеал образа человека и общества. В связи с этим ученый высказывает мысль о том, что «если бы последователи живых высших религий признали общее происхождение... они могли бы обрести...» свободу и «отказаться от борьбы между собой, чтобы двигаться вместе к единой цели. <...> Тогда высшие религии перестали бы играть роль камня преткновения, но стали бы закономерным дополнением к тому многообразию, которое существует в природе человеческой психологии» [8, с. 539]. Однако идея о единстве представляется скорее идеалом, поскольку действительная история показывает регресс высших религий, причиной которого выступает «первородный грех» – несовершенство природы человека и общества [8, с. 547]. Каждый человек постигает природу божественного своеобразно, исходя из своего внутреннего опыта и тех способностей, какими «наделил его Творец» [8, с. 539]. Соответственно, изначальное понимание религии не может неизменно сохраняться в ходе истории. Оно неизбежно трансформировалось в силу переосмысления, а последователи религии отступили от первоначальных канонов и идеалов, что отмечается ученым на примерах христианства, махаяны, индуизма и ислама.

В то же время А. Тойнби полагает, что «вся духовная реальность, а значит, и все духовные ценности сосредоточены в людях»: «Каждый добрый человек чувствует, что, согласно Божией воле, он должен употребить свою жизнь во благо других людей, причем не только близких ему людей, но и тех, кто отделен

от него Временем и Пространством» [8, с. 551–552]. В связи с этим люди должны бороться с несовершенствами своей природы и осознать, что их долгом является установление лучшего закона «земной жизни в несовершенном мире», а также стремиться к духовному росту, поскольку материальный прогресс зависит от него [8, с. 552]. Значение религии здесь состоит в том, что именно она как основной источник духовных ценностей в силах обратиться к душе человека и побудить ее начать движение к всеобщему благу. Вследствие данного обращения будет определен прогресс земной жизни всего человечества, и такое «мирное завоевание религий» значит в истории «значительно больше, чем все, что знала история до их появления» [8, с. 552]. Таким образом, А. Тойнби, с одной стороны, настаивает на плюралистичности мира, уникальности каждой цивилизации и ее истории, а с другой – утверждает идею о возможности общечеловеческого единства на основе духовного опыта, содержащегося в религиях.

По мнению А. Тойнби, высшие религии обеспечивают культурную преемственность между цивилизациями, а в случае возврата высших религий к их первоначальному состоянию могут преодолеть преграды локальных цивилизаций и привести человечество к духовному единству. Тем самым религиозная принадлежность способна объединить людей, когда они потеряли опору в виде привычных культурных алгоритмов и социальных институтов. Теория А. Тойнби подтверждает тезис о том, что религия дает людям чувство глубинной общности. Однако религиозные различия могут становиться источником разногласий, которые сложно разрешить либо свести к компромиссу, поскольку религиозная общность – это группа только единоверцев, отделенных своим символом веры от последователей других религий. Эта идея развита в теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона, основополагающим концептом которой выступает цивилизация, представляющая собой «наивысшую культурную общность и самый широкий уровень культурной идентификации» [10, с. 51].

На основе анализа результатов предшествующих исследователей С. Хантингтон выделяет следующие цивилизации: синскую (китайскую), японскую, индуистскую, исламскую, православную и западную. Также он признает возможность существования латиноамериканской и африканской цивилизаций [10, с. 54–59]. Ученый полагает, что цивилизации, проходя в своем развитии стадии конфликтов, единства и распада, динамичны и эволюционируют. Цивилизации очень сильно отличаются друг от друга, что очевидно на уровне как объективных элементов (языка, истории, обычаев, социальных институтов), так и субъективных (самоидентификации) [10, с. 51]. Самые принципиальные различия касаются сферы религии: С. Хантингтон на первое место ставит специфическое в религиях, их уникальные идеи, прида-

ющие своеобразие представлениям и образу жизни их последователей. Ученый определяет религию как основу цивилизации (один из главных из составляющих ее элементов), поскольку «основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира» [10, с. 49]. В качестве религий, породивших великие цивилизации, С. Хантингтон выделяет христианство, ислам, индуизм и конфуцианство, а также обращает внимание на то, что буддизм, «являясь одной из главных религий, не стал базой ни для одной из основных цивилизаций», поскольку слишком рано разделился на два течения и не выжил на той территории, где зародился, а в новых обществах был адаптирован и ассимилирован в той или иной степени [10, с. 60].

Религия исчерпывающе предлагает принципы миропонимания и деятельности, но в формах той культуры, в которой она складывается. Каждая религия самодостаточна и уникальна, отчего различия, обусловленные ею, являются фундаментальными, гораздо более существенными, чем языковая или этническая принадлежность: «Коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, верованиях, традициях и социальных институтах...» [10, с. 50].

С. Хантингтон не придерживается идеи о возможности создания универсальной цивилизации и универсальной религии, поскольку спорным и не-

однозначным является понятие универсальной цивилизации, а ее концепция не обладает логикой внутренней необходимости. Мыслитель утверждает, что, напротив, происходит усиление религиозного самосознания и различий между религиями, при этом значительно увеличилось число сторонников западного христианства («путем обращения приверженцев других религий») и ислама («за счет как обращения, так и воспроизводства») [10, с. 90].

В возрождении религий в современном мире ученый видит потенциальный источник масштабных конфликтов, который возможен на линиях разлома «между народами различной культурной идентификации» [10, с. 24]. Форма индивидуального внутреннего опыта, сформированного религией, специфична. Она существенным образом трансформирует человека, что, по С. Хантингтону, является преградой для создания общего смыслового пространства, которое могло бы стать основой для сверхчеловеческого единства. В современном мире конфликты представителей разных цивилизаций имеют место, однако в то же время есть примеры и их бесконфликтного взаимодействия и сосуществования. В силу этого можно отметить, что С. Хантингтон предвидел некоторые тенденции общественного развития, что делает его идеи по-прежнему популярными, однако прогноз ученого пока остается открытым и предполагает дальнейшее исследование.

Заключение

В качестве значимого фактора формирования и динамики цивилизаций А. Тойнби и С. Хантингтон видят религию, которая определяет систему взглядов и поведения индивида и общества. Консолидирующая функция до сих пор является одной из основополагающих функций религии, что может приводить как к диалогу между последователями разных религий, так и к конфликтам между ними. Относительно роли религии в цивилизационной динамике представления А. Тойнби и С. Хантингтона существенно различаются, что объясняется особенностями мировоззрения и теорий мыслите-

лей. А. Тойнби, исходя из общего в высших религиях и их большом духовном потенциале, признает возможность сверхисторического единства человечества, которое стремится к достижению общей цели. С. Хантингтон, напротив, акцентирует внимание на различиях религий и их специфике, поэтому он полагает, что идея о каком-либо цивилизационном единстве человечества не имеет оснований: различия между религиями, формирующими цивилизации, настолько сильны, что не являются преодолимыми и содержат в себе причину для масштабных конфликтов в будущем.

Библиографические ссылки

1. Косминский ЕА. Реакционная историософия Арнольда Тойнби. В: Косминский ЕА. *Проблемы английского феодализма и историографии средних веков*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. с. 285–357.
2. Чесноков ГД. *Современная буржуазная философия истории: критический очерк*. Горький: Волго-Вятское книжное издательство; 1972. 207 с.
3. Воробьева ОВ. А. Тойнби: опыт постижения истории. *Новая и новейшая история* [Интернет]. 2006 [процитировано 26 декабря 2020 г.];5:86–98. Available from: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/TOYNBEE.HTM>.
4. Piel G. The West is best. *Foreign affairs*. 1993;72(4):57.
5. Elliott M. When cultures collide. *Washington post*. 1996 December 1.
6. Назаретян АП. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории». *Общественные науки и современность*. 1994;6:140–146.
7. Григорьева КС. Столкновение цивилизаций в Башкортостане? Эмпирическая проверка тезисов С. Хантингтона. *Власть*. 2018;26(7):190–197. DOI: 10.31171/vlast.v26i7.5976.

8. Тойнби АД. *Постижение истории*. Жарков ЕД, переводчик. Москва: Айрис-Пресс; 2010. 640 с. (Библиотека истории и культуры).
9. Бойчук СС. Религия и цивилизация: понимание религии в философии истории Дж. Тойнби в контексте цивилизационного подхода. *Журнал Института наследия* [Интернет]. 2018 [процитировано 29 ноября 2020 г.];2. Доступно по: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/214.html>.
10. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Велимеев Т, Новиков Ю, переводчики. Москва: АСТ; 2003. 603 с.

References

1. Kosminskii EA. [Arnold Toynbee's reactionary historiosophy]. In: Kosminskii EA. *Problemy angliiskogo feodalizma i istoriografii srednikh vekov* [Problems of English feudalism and the historiography of the Middle Ages]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1963. p. 285–357. Russian.
2. Chesnokov GD. *Sovremennaya burzhuaznaya filosofiya istorii: kriticheskii ocherk* [Contemporary bourgeois philosophy of history: a critical sketch]. Gorky: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1972. 207 p. Russian.
3. Vorob'eva OV. [Toynbee: an experience of comprehension of history]. *Novaya i noveishaya istoriya* [Internet]. 2006 [cited 2020 December 26];5:86–98. Available from: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/TOYNBEE.HTM>. Russian.
4. Piel G. The West is best. *Foreign affairs*. 1993;72(4):57.
5. Elliott M. When cultures collide. *Washington post*. 1996 December 1.
6. Nazaretyan AP. «Clash of civilizations» and «End of history». *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1994;6:140–146. Russian.
7. Grigor'eva KS. The clash of civilizations in Bashkortostan? An empirical test of S. Huntington's thesis. *Vlast'*. 2018;26(7):190–197. Russian. DOI: 10.31171/vlast.v26i7.5976.
8. Toynbee AJ. *Postizhenie istorii*. [A study of history]. Zharkov ED, translator. Moscow: Airis-Press; 2010. 640 p. Russian. (Библиотека истории и культуры).
9. Boychuk SS. Religion and civilisation: the understanding of religion in the philosophy of history of A. J. Toynbee in the context of the civilisational approach. *Heritage Institute Journal* [Internet]. 2018 [cited 2020 December 29];2. Available from: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/214.html>. Russian.
10. Huntington SP. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon and Schuster; 1996. 368 p. Russian edition: Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Velimeev T, Novikov Yu, translators. Moscow: AST; 2003. 603 p.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2020.
Received by editorial board 16.12.2020.

ГЛОБАЛИЗМ И АНТИГЛОБАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ

А. В. ГРИДЧИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется историческая ретроспектива глобалистских тенденций в христианстве. Исследуются такие понятия и феномены, как «глобализм», «антиглобализм», «альтерглобализм» и их рецепция в современном христианском богословии. В связи с этим осуществляется разграничение христианских конфессий касательно теории и практики глобализации. В качестве примера в контексте цивилизационного подхода приводится концепция А. Тойнби о противостоянии глобалистов (иродиан) и антиглобалистов (зелотов). Обращается внимание на отношение к этнической идентичности в христианской теологии и каноническом праве, анализируется понятие «этнофилетизм» как проявление глобалистской идеологии, а также характеризуется антиглобалистский дискурс в рамках традиционалистских и фундаменталистских течений в современном православии. Рассматривается концепция русского мира с точки зрения идеологии альтернативного глобализма.

Ключевые слова: глобализм; антиглобализм; альтерглобализм; фундаментализм; традиционализм; иродианство; зелотизм; цивилизационный подход; русский мир.

GLOBALISM AND ANTI-GLOBALISM IN MODERN ORTHODOX DISCOURSE

A. V. GRIDCHIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the concepts of «globalism», «antiglobalism», «alterglobalism» and their reflection in modern Christianity. The views on the concept of ethnic identity in Christian theology and canon law are considered. The historical retrospective of globalist tendencies in Christianity is analysed. A distinction is made between Christian confessions based on their assessments of the theory and practice of globalisation. The concept of «ethnophyletism» is analysed as a manifestation of globalist ideology in modern Orthodoxy. The anti-globalist discourse is characterised within the framework of traditionalist and fundamentalist trends in modern Orthodoxy. The concept of the Russian world is analysed from the point of view of the ideology of alternative globalism.

Keywords: globalism; antiglobalism; alterglobalism; fundamentalism; traditionalism; herodianism; zealotism; civilisational approach; Russian world.

Образец цитирования:

Гридчин АВ. Глобализм и антиглобализм в современном православном дискурсе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:73–79.

For citation:

Gridchin AV. Globalism and anti-globalism in modern Orthodox discourse. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:73–79. Russian.

Автор:

Антон Владимирович Гридчин – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н. С. Щёкин.

Author:

Anton V. Gridchin, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
antongridchin@mail.ru

Введение

Рассматривая концепции глобализма и антиглобализма в современном православии, следует отметить, что идеологическая программа большинства традиционалистских и фундаменталистских религиозных движений во всех мировых конфессиях базируется именно на критике консьюмеризма, глобализации, либерализма и плюрализма как ключевых

принципов глобальной культуры. Более того, именно усиление глобализационных процессов с акцентуацией на аспектах либерального мировоззрения стало фактором нарастания традиционалистских и фундаменталистских тенденций в религиозной среде. В настоящей статье рассмотрены критические концепции и подходы современного православия к глобализму.

Материалы и методы исследования

Методология работы заключается в применении принципов детерминизма, междисциплинарного подхода. Исследование темы предполагает

использование методов формализации, обобщения, классификации, систематизации, экстраполяции.

Результаты и их обсуждение

Анализируя взгляды на глобализацию и глобализм в современном христианском дискурсе, стоит подчеркнуть, что христианское вероучение базируется на идее универсализма и космополитизма. В основе доктринальных положений о соборности, универсальности христианства лежит существующий в рамках Римской империи космополитизм. Римская империя рассматривала себя как универсум (вселенная) или ойкумену (обитаемая земля), сама империя воспринималась как образование глобального масштаба, которое охватывает множество населенных территорий. В Римской империи сформировался особый тип космополитизма: под влиянием римской ассимиляторской политики постепенно нивелировались этнокультурные границы, происходило смешение религий, в результате в римских провинциях многие люди перешли на латинский язык, приняли римский образ жизни и стали ассоциировать себя с империей, а не с конкретным регионом или этносом.

Тенденции к стиранию этнических, культурных различий между людьми и признание их менее приоритетными в сотериологическом вопросе, а также культивация идеала христианина-космополита просматриваются в Евангелии. Так, апостол Павел учит, что в Церкви, в среде христиан недопустимо делить людей по этническому признаку, поскольку во Христе *нет различия между иудеем и эллином*¹ (Рим. 10:12), *нет ни эллина, ни иудея... варвара, скифа, раба, свободного* (Кол. 3:11), *нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского* (Гал. 3:28).

Христианство, став государственной религией Римской империи, заимствовало основные постулаты римского имперского космополитизма, которые воплотились в идее христианского мира. Эта идея призвана сплотить человечество в единую Вселенскую Церковь, которая, в свою очередь, будет подконтрольна светской власти и непосредственно императору. Таким образом, первичный импульс

глобализация получила именно с распространением христианства, что выразилось в построении Царствия Небесного на земле, всеохватности христианского мессианизма, абсолютизации христианской ойкумены, понимании истории мира как христианской истории.

Следует уточнить, что между понятиями «глобализм» и «глобализация» существует значительное различие. Принято считать, что первым их дифференцировал У. Бек. По его мнению, глобализм – это проводимая западными странами неолиберальная политика господства над мировым рынком, другими словами – победа мирового капитала над интересами отдельного государства, тогда как глобализация – это закономерный, естественно-исторический процесс, отражающий тенденцию человечества к интеграции и осознанию себя как единого целого. Последнее, с одной стороны, подразумевает, что каждый отдельный народ должен четко определять культурные границы как реакцию на экспансию западного глобализма, а с другой – представлять человечество как единый социально-культурный образ, включающий в себя все многообразие культурно-цивилизационных особенностей. В связи с этим целесообразно рассматривать понятие глобализма как «глобализации наоборот» [1, с. 27].

Так, в философском энциклопедическом словаре глобализм рассматривается (фактически отождествляясь по смыслу с понятием «глобализация») в качестве «понятия, определяющего сущность современного этапа развития человеческой цивилизации и возникающего в ходе данного развития проблем, одинаково актуальных для всего человечества, а также как направление научного, политического, философского мышления, отражающее способность к восприятию глобальных проблем» [2, с. 127].

В контексте глобализма выделяются следующие проблемы: «1) те, которые затрагивают интересы всего человечества и его будущее; 2) те, которые

¹Здесь и далее курсив наш. – А. Г.

приобретают всемирный характер, становясь объективными факторами развития общества в масштабах планеты; 3) те, нерешенность которых создает угрозу для человечества; 4) те, которые невозможно разрешить в местных или региональных рамках, которые требуют для своего разрешения объединенных усилий всего человечества» [2, с. 127]. Многие из таких проблем невозможно разрешить в местных или региональных рамках, поэтому требуются объединенные усилия всего человечества.

Идеология современного глобализма, будучи составляющей частью западного либерального мировоззрения, выступает за ликвидацию деления человечества на народы и цивилизации. По мнению глобалистов, этнокультурное разнообразие – это анахронизм, который необходимо ликвидировать, так как он является неоправданным, исторически нецелесообразным. Согласно глобалистской идеологии дальнейшее историческое развитие человечества непременно должно сопровождаться стиранием этнических, культурных и цивилизационных различий между людьми, что в итоге будет способствовать образованию единого планетарного человечества с общим языком и культурой.

Прообразом глобальной культуры должна стать культура современного Запада. Поскольку, несмотря на секуляризацию, западная культура остается в своем основании христианской, то идея глобализма фактически базируется на христианских универсальных ценностях, христианском космополитизме.

Все современные христианские конфессии в той или иной мере находятся под влиянием глобализационных процессов. Это объективная реальность, которая не зависит от желания или нежелания самих церквей, духовенства и мирян. Однако в то же время наблюдаются разногласия между конфессиями в их оценках глобализационных процессов и идеологии глобализма. Можно выделить как минимум два типа христианских организаций в их отношении к глобализации:

- антиглобализационные, которые в целях противодействия глобализации актуализируют этническое самосознание. В подавляющем большинстве они представлены православными национальными церквями;

- проглобализационные, поддерживающие универсалистские, космополитические идеалы и расценивающие их как возвращение к раннему христианству или апостольской чистоте веры. Данную идеологию разделяют римско-католическая конфессия и многие протестантские церкви.

Так, они, проповедуя вселенское христианское братство, являются приверженцами постмодернистской глобальной культуры, поддерживают процессы вестернизации и американизации остального мира и считают безальтернативными западные модели

экономики, политики, культуры. Подобные тенденции характерны для протестантских церквей США, в основе которых лежит универсальность и детерриторизация. Именно универсализм и отсутствие этнических рамок делают такие конфессии крайне пластичными и позволяют им распространять свое вероучение на любую этническую и культурную почву (например, успешно расширять влияние протестантских течений на постсоветском пространстве). Таким образом, протестантские вероучения универсальны, поскольку являются наднациональными, вненациональными, космополитическими, поддерживают либеральные ценности и носят глобальный характер. Ставка глобальной протестантской идеологии на массовую культуру, молодежную субкультуру, чрезвычайная чувствительность и гибкость, эмоциональность позволяет за минимальный срок привлечь максимальное количество людей. Примером тому является теология процветания, которая акцентирует внимание на материальном благополучии и бытовой устроенности своих сторонников, что делает харизматический протестантизм одним из наиболее динамично развивающихся на данный момент христианских течений.

Ниже рассмотрены конкретные проявления глобалистского и антиглобалистского дискурса, присущие современному православию. Одним из главных постулатов православного глобализма выступает неприятие этнофилетизма, под которым понимается привнесение в православие этнических элементов, отстаивание этнонациональных чувств, этнонационального суверенитета. Отправной точкой зарождения этнофилетизма считается движение за церковную независимость Болгарии от Константинопольского патриархата, которое достигло своей кульминации в 1872 г. и получило название греческо-болгарской схизмы. На Соборе в Константинополе в этом же году было принято следующее постановление: «*Приемлющих филетизм и дерзающих основывать на нем племенные сборища, мы провозглашаем, согласно священным канонам, чуждыми единой святой, кафолической и апостольской церкви или, что тоже, схизматиками*»². Русская православная церковь, которая в синодальный период находилась под контролем государства, во многом принимала решения под влиянием политического фактора, а не с опорой на каноническое право, негласно поддерживала болгарскую автокефалию [3].

Стоит отметить, что этнофилетизм, как и борьба с ним, всегда носили подчеркнuto политический характер. Так, с одной стороны, в Румынской, Сербской и Русской православных церквях ориентация на идеологические нужды государства и поддержка патриотизма (национализма) имманентно подразумевается и никаким образом не расценивается как проявление этнофилетизма. С другой стороны, эти

²Здесь и далее перевод наш. – А. Г.

церкви старательно противодействуют распространению этнофилетизма среди поместных православных общин и ориентируют отдельные группы духовенства и мирян на собственную национальную сферу, на государственный суверенитет. Например, движения за автокефалию в Македонии или на Украине расцениваются как грех этнофилетизма. В связи с этим понятие этнофилетизма часто приобретает политическое и геополитическое звучание.

В результате глобализации наряду со стиранием границ возникает тенденция к их укреплению. В современном глобализирующемся мире этнические диаспоры консолидируются вокруг общности религии, что приводит к исчезновению различий между национальными и конфессиональными признаками. С возрастанием давления глобализационных процессов на религиозные общины усиливаются реакции в виде распространения антиглобализационных идей. В «Большой актуальной политической энциклопедии» антиглобализм определяется как «политическое движение, направленное против той модели глобализации экономики, которую проводит в своих интересах крупный мировой капитал» [4, с. 10]. Эта модель базируется на гегемонии транснациональных корпораций, экономической политике неолиберализма и торгово-правительственных организаций (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация), что приводит к углублению социально-экономического, политического и культурного неравенства.

В современном православном (как и в любом другом христианском) традиционализме можно выделить три основных идеологических направления:

- антимодернистское (направлено на борьбу с влиянием секуляризма, с модернизацией норм и практик религиозной традиции);
- антиэкуменическое (ориентировано на борьбу с экуменизмом, который в случае православного традиционализма воспринимается как негативное явление, ведь побуждает к размыванию представлений об ортодоксии, стойкость самого вероучения). Оба этих направления актуализировались в начале XX в. во времена активного проникновения модернистской идеологии в православную традицию;
- антиглобалистское (содействует борьбе против глобализма в конце XX в.).

Таким образом, обозначенные основные идеологические направления могут быть представлены как три этапа формирования идеологии православного традиционализма: антимодернистский, антиэкуменический и антиглобалистский. Сегодня именно антиглобалистский сегмент православного традиционализма нужно признать наиболее влиятельным, поскольку в XXI в. критика глобализма стала лейтмотивом риторики традиционалистов. Для них важное значение имеет эсхатологическое толкование процесса мировой глобализации. По мнению исследователя К. Н. Костюка, зарождение ан-

тиглобалистского дискурса в православном мире произошло в 1990-х гг. в среде радикальных групп Греческой православной церкви, его центром стал Афон. Первоначально греческие традиционалисты наделили свою антиглобалистскую концепцию эсхатологическими мотивами, создав интерпретацию глобализации как царства антихриста. Фундаментом будущего царства антихриста, по мнению традиционалистских и фундаменталистских кругов в Греческой православной церкви, выступили транснациональные платежные системы, электронные инструменты сбора, обработки и хранения данных, а также надгосударственные политические организации (ООН, ЕС) [5, с. 44].

Последовательная системная критика греческих традиционалистов-антиглобалистов, выступающих против глобализма, во многом опирается на принципы православного вероучения. Так, они утверждают, что знак антихриста (666) наносят (или будут наносить) людям в виде штрих-кода. Три пары параллельных и равновеликих линий, находящихся в начале, середине и в конце кода, имеют значение шестерки, а следовательно, каждый код, содержащий указанные парные линии, несет в себе «число зверя» – 666 [6, с. 129].

При этом следует отметить, что идеология православного антиглобализма с момента своего зарождения вышла далеко за пределы греческого православия и проникла в другие православные общины с помощью переводной литературы, а также интернета (несмотря на острую критику этих средств как символов глобализма). Такая литература активно распространялась по территории Балканского полуострова, а в конце 1990-х гг. ее влияние было отмечено и в церковной среде русского православия.

Характерной особенностью антиглобалистских движений в православных странах является их ориентация на греческие и русские идеологические модели. Основное влияние на процесс распространения антиглобалистских концепций оказывают греческие фундаменталисты. Распространение данных концепций в православных церквях болгарской, румынской, сербской и грузинской автокефалий свидетельствует о существовании оригинальной субкультуры, объединенной приверженностью к идеологии религиозного фундаментализма.

Рассматривая христианский глобализм и антиглобализм с точки зрения цивилизационного дискурса, стоит отметить, что концепцию, отражающую проблему противостояния глобалистов и антиглобалистов, разработал еще А. Тойнби, выделив две модели противостояния цивилизаций:

- зелотизм (предусматривает изоляционизм, автаркию, сохранение культурной самодостаточности при перспективе поражения от более сильной цивилизации). А. Тойнби пишет: «Зелот» – это человек, ищущий в известном спасение от неизвестного, и если он участвует в битве с противником,

превосходящим его в тактике и пользующимся грозным новомодным оружием, он отвечает тем, что с особым тщанием и скрупулезностью применяет свое традиционное военное искусство. Собственно, «зелотизм» может быть описан как архаизм, вызванный к жизни давлением извне, его наиболее заметные представители в современном исламском мире – это пуританской направленности [7, с. 211]. Таким образом, зелотизм XIX–XX вв. имеет многие черты антиглобализма XXI в.

- иродианство, или иродизм (является импортом технологий, социально-политических институтов и мировоззренческих постулатов с других цивилизаций, фактически – аналог идеологии западного глобализма). Итак, «иродианин» – это человек, действующий по принципу, что самый эффективный путь уберечься от неизвестного – это овладеть его секретом, и когда «иродианин» попадает в трудное положение, представ перед более опытным и лучше вооруженным противником, он отвечает на вызов тем, что отказывается от своего традиционного военного искусства и учится воевать с врагом его же оружием и овладевает его тактикой [7, с. 212], – делает вывод А. Тойнби.

По его мнению, для зелотов любая внешняя политика является агрессивной, препятствующей сохранению их национальной идентичности. В связи с этим на агрессию они отвечают разными способами, как активными, так и пассивными. В основном зелоты проводят политику мягкой силы. Иродианцы полагают, что если их общество подвергнется влиянию более сильного вызова, то следует не вступать с ним в конфликт, а принять его опыт. Однако А. Тойнби считал, что позиция иродианцев была более эффективной и открывала большие возможности для дальнейшего маневрирования и защиты. В целом он указывал на то, что обе модели универсальны и применимы к любому государственному субъекту, столкнувшемуся с внешней агрессией [8, с. 57].

Таким образом, современное православие соприкоснулось со сложной идеологической дилеммой. С одной стороны, агрессивное распространение либеральной модели глобализации вызывает необходимость противостояния этому, для чего следует актуализировать этнорелигиозное самосознание людей, а с другой – внедрение этнонациональных элементов в церковную жизнь воспринимается как этнофилетизм и подрывает репутацию церкви. В связи с этим в последние десятилетия в Русской православной церкви широкое распространение получила идея русского мира, которую можно охарактеризовать как альтерглобалистскую (православный альтерглобализм).

Необходимо подчеркнуть, что альтерглобализм, или альтернативная глобализация, критикует европейско-американскую либеральную модель глобализации и считает, что она часто работает в ущерб или

не в полной мере способствует развитию общечеловеческих ценностей, таких как охрана окружающей среды, социальная справедливость, охрана труда, защита культур коренных народов и прав человека. Альтерглобалисты пытаются найти иные (альтернативные) пути развития, при этом они согласны с тем, что процесс объединения мира объективен. Близким к альтерглобализму выступает феномен глокализации, под которым понимаются процессы объединения на региональном уровне, учитывающим специфику национальной культурной традиции [9, с. 17].

Опираясь на догматическое учение церкви, православные христиане представляют собой наднациональную, надэтническую и надгосударственную общность людей, объединенных общей системой ценностей, среди которых одними из важнейших являются этатизм (убеждение о доминирующем положении государства по отношению к человеку) и активное стремление противостоять тенденциям мирового глобализма [10, с. 127].

Альтерглобалистская программа Русской православной церкви сводится преимущественно к идее об особом пути России (постсоветское пространство, славянские народы, весь православный мир). Концепция особого пути России зародилась в философии славянофильства и окончательно сформировалась в цивилизационной концепции Н. Я. Данилевского. Согласно данной концепции русская цивилизация неразрывно связана с православной традицией, существовать вне которой она не может. В книге «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский отмечал, что русские обладают особым менталитетом, непохожим на европейский, или, как он его называет, психическим строем, который кардинально отличается от либерально-гуманистической логики западной цивилизации. Тем не менее Н. Я. Данилевский выделяет насильственность как одну из основных черт европейцев. Именно она, по его мнению, является постоянным спутником западного антропоцентризма, индивидуализма и возвеличенного чувства собственной личности, «по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему» [11, с. 216]. Однако автор считает, что «самый характер русских, и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом» [11, с. 577]. На это цивилизационное противостояние обращает внимание известный социолог, философ С. Хантингтон. Наряду с западным католически-протестантским христианством он выделял восточно-православное как самостоятельное цивилизационное явление. Исторически это столкновение выразилось в конфронтации советской системы и западного мира [12, с. 74].

Заключение

В основе православного антиглобализма лежит стремление возвратиться к традиционному монистическому мироустройству с неотделимым сосуществованием светской и духовной сфер. Кризис модернистского мировоззрения и переход последнего в постмодернистское определили также трансформацию идеологии традиционализма: начав с жесткого противостояния тенденциям модернизма, в частности секуляризации и сциентизму, в постмодернистскую эпоху традиционализм определил себя как идеологическую программу, которая базируется на стремлении к *артикуляции четких идентичностей*. Данные события предопределили жесткую критику глобализационных процессов, которые стирают традиционные формы индивидуальной и коллективной идентичностей.

Следовательно, важными элементами традиционалистских и фундаменталистских мировоззренческих программ являются антиглобализм, утопизм, эсхатологизм и апелляция к коллективистским социологическим моделям. Такая специфика традиционалистского мировоззрения наглядно демонстрирует способность фундаментализма творчески осмысливать социокультурный контекст настоящего и реагировать на его вызовы. Названные особенности исследуемых идеологических программ дают

право указать на постмодернистский характер фундаментализма.

Опираясь на мессианский потенциал концепции Третьего Рима, отмеченная идеологическая доктрина, с одной стороны, абсорбирует в себя внутренний изоляционизм, присущий православию, а с другой – апеллирует к глобальному объединению православных христиан. Будучи типичным постмодернистским идеологическим конструктом, она должна существовать в качестве определенной альтернативы в отношении идеологии глобализма и либерализма, артикулированной западной культурой эпохи модерна.

Альтерглобалистская концепция русского православия – русский мир – определяется как пространство традиционных ценностей, которое противостоит глобализму и секуляризму. Если учитывать низкий уровень религиозности и наличие системного кризиса традиционализма на постсоветском пространстве, то можно установить, что конструкт «традиционные ценности» имеет рекреационный характер. Особенность аксиологической проблематики идеи «русского мира» заключается в ее религиозном основании, это способствует различению и обособлению русских от других, что существенно противоречит как православной эклесиологии, так и христианской социологии.

Библиографические ссылки

1. Бек У. *Что такое глобализация?* Григорьева А, Седелькина В, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2001. 304 с.
2. Ивин АА, редактор. *Философия: энциклопедический словарь*. Москва: Гардарики; 2004. 1072 с.
3. Теплов ВА. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам [Интернет]. 1889 [процитировано 10 января 2021 г.]. Доступно по: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003656883#?page=62>.
4. Белякова АВ, Матвейчева ОА, редакторы. *Большая актуальная политическая энциклопедия*. Москва: Эксмо; 2009. 424 с.
5. Костюк КН. Православный фундаментализм. *Полис. Политические исследования*. 2000;5:133.
6. Панченко АА. Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах. *Антропологический форум*. 2015;27:122–141.
7. Тойнби АД. *Цивилизация перед судом истории*. 2-е издание. Москва: Айрис-пресс. 2003; 592 с.
8. Зайцева ИВ. «Зелотизм» и «иродианство»: примеры патриотизма и коллаборационизма в древнесирийском мире. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015;4(54):56–58.
9. Бузгалин АВ, редактор. *Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения*. Москва: Едиториал УРСС; 2003. 256 с.
10. Патриарх Кирилл. *Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности*. Москва: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата; 2016; 288 с.
11. Данилевский НЯ. *Россия и Европа*. Москва: Институт русской цивилизации; 2011. 816 с.
12. Хантингтон СФ. *Столкновение цивилизаций*. Новиков Ю, переводчик. Москва: АСТ; 2003. 603 с.

References

1. Beck U. *Was ist Globalisierung?* Berlin: Suhrkamp; 1997. 267 S.
Russian edition: Bek U. *Chto takoe globalizatsiya?* Grigor'eva A, Sedel'kina V, translators. Moscow: Progress-Traditsiya; 2001. 304 p.
2. Ivin AA, editor. *Filosofiya: entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki; 2004. 1072 p. Russian.
3. Teplov VA. Greek-Bulgarian church question according to unpublished sources [Internet]. 1889 [cited 2021 January 10]. Available from: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003656883#?page=62>. Russian.

4. Belyakova AV, Matveicheva OA, editors. *Bol'shaya aktual'naya politicheskaya entsiklopediya* [Big topical political encyclopedia]. Moscow: Eksmo; 2009. 424 p. Russian.
5. Kostyuk KN. Orthodox fundamentalism. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2000;5:133. Russian.
6. Panchenko AA. [A computer named the Beast: eschatology and conspiracy theory in modern religious cultures]. *Antropologicheskii forum*. 2015;27:122–141. Russian.
7. Toynbee AJ. *Civilization on Trial*. Oxford: Oxford University Press; 1948. 348 p.
Russian edition: Toinbi AD. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii*. 2nd edition. Moscow: Airis-press; 2003. 592 p.
8. Zaitseva IV. «Zealotism» and «herodianism»: examples of patriotism and collaboration in the ancient Syrian world. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015;4(54):56–58. Russian.
9. Buzgalin AV, editor. *Al'terglobalizm: teoriya i praktika «antiglobalistskogo» dvizheniya* [Alterglobalism: theory and practice of the «antiglobalist» movement]. Moscow: URSS Publishing Group; 2003. 256 p. Russian.
10. Patriarkh Kirill. *Svoboda i otvetstvennost': v poiskakh garmonii. Prava cheloveka i dostoinstvo lichnosti* [Freedom and responsibility: in search of harmony. Human rights and personal dignity]. Moscow: Otdel vneshnikh tserkovnykh svyazei Moskovskogo Patriarkhata; 2016: 288 p. Russian.
11. Danilevskii NYa. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii; 2011. 816 p. Russian.
12. Huntington SP. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon and Schuster; 1996. 576 p.
Russian edition: Khantington SF. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Novikov Yu, translator. Moscow: AST; 2003. 603 p.

Статья поступила в редколлегию 11.03.2021.
Received by editorial board 11.03.2021.

УДК 316.61

СТИЛИ РЕАГИРОВАНИЯ НА ИЗМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКОВ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Г. А. ФОФАНОВА¹⁾, А. А. СОРОКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Спонтанные и запланированные изменения внутренней и внешней среды организации неизменно являются вызовом для ее функционирования и эффективности, поскольку успешность их внедрения зависит не только от материальных ресурсов, но и от человеческого фактора. Стиль реагирования на изменения (своеобразный механизм приспособления человека к изменчивой среде, включающий как характеристики ситуации, так и индивидуальные особенности человека) и организационная справедливость (оценка сотрудником честности внутриорганизационных отношений, обладающая мощнейшим мотивационным потенциалом) представляют собой переменные, описывающие потенциал принятия сотрудниками нововведений. Показано соотношение двух данных феноменов и описаны результаты их эмпирического исследования.

Ключевые слова: организационная справедливость; стили реагирования на изменения; сотрудники; руководители организаций; холдинг; Беларусь.

Образец цитирования:

Фофанова ГА, Сорокина АА. Стили реагирования на изменения сотрудников и организационная справедливость. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:80–86.

For citation:

Fofanova GA, Sorokina AA. Styles of responding to changes of employees and organisational justice. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:80–86. Russian.

Авторы:

Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Анастасия Анатольевна Сорокина – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Г. А. Фофанова.

Authors:

Galina A. Fofanova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences. fofanovag@bsu.by

Anastasia A. Sorokina, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences. evilovastasya@gmail.com

STYLES OF RESPONDING TO CHANGES OF EMPLOYEES AND ORGANISATIONAL JUSTICE

G. A. FOFANOVA^a, A. A. SOROKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: G. A. Fofanova (fofanovag@bsu.by)

Spontaneous and planned changes in the internal and external environment of an organisation invariably pose a challenge to its functioning and efficiency, since the success of their implementation depends not only on material resources, but also on the human factor. One of the variables that describe the potential for employees to accept innovations is the style of responding to changes – a kind of human adaptation mechanism to a changing environment, including both the characteristics of the situation and the individual characteristics of a person. Organisational justice, as an employee's assessment of the integrity of intra-organisational relationships in an organisational context, is another important variable. It has a powerful motivational potential. This article is devoted to the relationship between these two phenomena and the description of the results of empirical study.

Keywords: organisational justice; styles of responding to changes of employees; employees; organisation leaders; holding company; Belarus.

Введение

Современный человек живет в условиях нарастающей неопределенности, поэтому изучение изменений, происходящих в современной реальности, и реакции людей на данные изменения является актуальным с научной и практической точек зрения. Большинство имеющихся исследований опираются на объяснительные модели соотношения ситуационных и личностных переменных как детерминант поведения человека в целом и в организации в частности. В рамках подходов к изучению социально-психологических особенностей личности рассматриваются стили реагирования на изменения. Одними из них являются установочный (Е. П. Белинская, О. С. Советова, А. И. Пригожин) и типологический (Р. Мертон) подходы, в контексте которых стиль – это промежуточное звено между социальной средой и личностью (А. В. Либин, В. С. Мерлин).

Так, Х. Хеккаузен обозначает несколько подходов к решению проблемы личностных и ситуационных переменных поведения. Личностно-центрированный подход выводит поведение из свойств личности, ситуационно-центрированный – описывает вариативность поведения человека как следствие его отношения к ситуации. Третья объяснительная модель, пытаясь преодолеть односторонность первых двух, обращает внимание на взаимодействие индивида с ситуацией и соотносит свойства личности с характеристиками ситуаций [1]. Еще одной моделью, предложенной Х. Хеккаузенем, является рассмотрение взаимосвязи личностных и ситуационных факторов через описание контекста как пространства возможностей человека. До недавнего времени описание пространства существования человека как пространства его возможностей не привлекало особого внимания исследователей. Однако в современной психологии все более осознается перспективность такого подхода [1; 2], что заставляет пере-

нести акцент в описании взаимодействия человека и ситуации с традиционно изучаемых личностных особенностей на отношение человека к ситуации, с анализа отдельных характеристик к поиску более интегральных единиц описания его поведения.

Одним из таких понятий является понятие стиля, интегрирующего различные индивидуальные характеристики человека в формах и способах его взаимосвязи с окружающим миром. Традиционные исследования стиля в психологии опирались на личностные диспозиции, особенности когнитивных процессов и параметры поведения. При этом первоначальное понимание стиля не имело четко определенного содержания и нередко подменялось описанием личностных или характерологических параметров. Стилиевые особенности рассматривались как интегральное свойство человека, его индивидуальности, что привело к появлению понятия «индивидуальный стиль» [2].

Наряду с понятием индивидуального стиля деятельности появляются понятия стиля общения, стиля активности, эмоционального стиля, когнитивного стиля и др., а понятие «стиль жизни» было введено еще А. Адлером, но впоследствии практически не использовалось в психологии, ориентированной на измеряемые показатели. Однако активное освоение психологией жизненной проблематики усиливает интерес к изучению стилиевых особенностей человека в более широком контексте, в частности в критических или трудных жизненных обстоятельствах, в ситуации неопределенности или изменений [2].

Так, в исследовании М. А. Холодной выделены две основные координаты оценки трудной ситуации – ее разрешимость/неразрешимость (с точки зрения принципиальной возможности изменения или устранения ситуации) и преодолимость/непреодолимость (с учетом оценки человеком своих

ресурсов и возможности справиться с ситуацией). На основании этих координат отдельные стратегии совладающего поведения были сгруппированы в четыре стиля: проблемно-ориентированный, мобилизационный, эмоционально-доминантный и социотропный, которые являются более интегральной характеристикой реагирования человека на сложные жизненные ситуации [3].

Т. Ю. Базаров и М. П. Сычева вывели такой конструкт, как «стиль реагирования на изменения» [4]. По их мнению, типологический (ориентируется на изучение личностных особенностей) и установочный (внимание акцентируется на характеристиках ситуации) подходы имеют односторонний характер, поэтому в качестве промежуточного соединяющего звена между ситуацией, социальной средой и личностью, в ней находящейся, авторы предлагают понятие стиля. В соответствии с подходом Т. Ю. Базарова и М. П. Сычевой, стиль реагирования на изменения – это предпочтение определенных способов взаимодействия человека с ситуацией изменения, выражающееся в эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакциях. Названные ученые выделили стили реагирования на изменения, образованные на основе пересечения двух характеристик личности: ориентации на стабильность/инновационность или склонность к принятию изменений; ориентации на суждение либо восприятие, отражающей рациональный либо иррациональный подход к произошедшим изменениям. Внешним коррелятом этих характеристик личности могут служить, например, толерантность к неопределенности: низкая для ориентированных на стабильность (проявляется в неготовности менять свое поведение при изменении внешней ситуации) и высокая для ориентированных на инновационность (означает готовность к принятию изменений в мире и реагированию на них). Ориентации на суждение свойственно понимание мира как упорядоченного и детерминированного, тогда как в случае ориентации на восприятие проявляется склонность оценивать мир как стихийно и хаотично меняющийся. На основе сочетания таких характеристик выделены следующие стили реагирования на изменения: инновационный (ориентация на инновационность и восприятие), консервативный (ориентация на стабильность и суждение), реактивный (ориентация на стабильность и восприятие) и реализующий (ориентация на инновационность и суждение) [4; 5].

В практике организационного поведения значение стилей реагирования сотрудников на изменения трудно переоценить. Любая организация – вне зависимости от политических, экономических, нормативных и других условий – это открытая система, изменения в которой происходят перманентно под воздействием внешних и/или внутренних факторов. От того, насколько сотрудники адекват-

но реагируют на эти изменения, зависит не только их собственное психологическое благополучие, но и благополучие самой организации. К сожалению, в настоящее время в отечественной науке представлено небольшое количество эмпирических исследований, направленных на изучение взаимосвязи стилей реагирования на изменения иных социально-психологических и организационных феноменов, но все же они есть. Так, М. А. Варзанова через измерение стилей реагирования на изменения изучала подготовленность педагогов к преодолению сопротивлений инновационной деятельности [6]. Согласно исследованию для большей части педагогов (59 %) присущ консервативный стиль, т. е. ориентация на стабильность, склонность при анализе ситуации изменений вписываться в привычную рациональную схему и продолжать работу по старым правилам, применять стандартные и проверенные временем способы решения задач. Даже при понимании объективной необходимости изменений консерваторы долго перестраиваются. Педагоги же с реализующим типом реагирования редко демонстрируют сопротивление изменениям и в целом готовы к инновационной деятельности. А. А. Мамедова и Т. Ю. Базаров изучали эффективность командной работы в зависимости от реализуемых членами команды стилей реагирования на изменения. Названными учеными было установлено, что, например, стили реагирования являются факторами эффективности командной работы в условиях нехватки времени. Команды с консервативным стилем реагирования менее эффективны, чем команды с реализующим стилем (у них сильнее выражен уровень вовлеченности, они выдвигают разнообразные идеи при решении поставленных задач, в процессе деятельности создана более непринужденная атмосфера [7]).

В фокусе внимания настоящего эмпирического исследования находятся **стили реагирования** на изменения сотрудников с различными параметрами организационной справедливости. **Организационная справедливость** – это психологическая оценка сотрудником честности во внутриорганизационных отношениях, проявляющаяся в трех ее основных видах: процедурной, дистрибутивной (справедливости распределения) и справедливости взаимодействия [3]. *Процедурная справедливость* связана с официальной политикой, решениями и методами, посредством которых регулируется процесс распределения достигнутых результатов. Она включает в себя такие нормы, как контроль за процессом и результатом, однообразие, возможность апелляции, нейтрализацию предубеждений, точность и полноту информации, на основе которой было принято решение, а также соответствие взаимодействия этическим нормам. *Справедливость взаимодействия* – форма справедливости, которая поддерживается

со стороны руководства и распространяется среди рабочего персонала. Здесь рассматриваются связи между отдельными лицами в организации, в частности взаимодействие администрации и работников. *Дистрибутивная справедливость* имеет жизненно важное значение как для всего общества в целом, так и для каждой организации в частности, она касается распределения ресурсов: справедливым считается вознаграждение, которое соответствует вкладу сотрудника в общее дело и полученному результату, что, в свою очередь, может его как мотивировать, так и демотивировать, а также оказывать влияние на продуктивность его труда.

Необходимо с научной и практической точек зрения определить, каким образом соотносятся и взаимосвязаны ли важные для организации и сотрудников параметры: организационная справедливость и стили реагирования на изменения. С практической точки зрения данные параметры сотрудников важно учитывать при внедрении нововведений или принятии решения о них в области системы стимулирования персонала, кадровой политики, формирования команд при проектной работе и т. д. В научном плане результаты исследования могут обогатить область знаний, связанную с феноменологией организационного поведения сотрудников в Беларуси.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 120 сотрудников одного из холдингов Беларуси. Среди респондентов – 30 мужчин и 90 женщин в возрасте от 23 до 63 лет (их средний возраст составил 39 лет). Трудовой стаж сотрудников в компании варьировался в диапазоне от 6 месяцев до 30 лет; 41 % респондентов – руководители высшего и среднего звена, 59 % – рядовые сотрудники и рабочие предприятий.

Методологическими основами проведенного исследования являются:

- концепция организационной справедливости С. С. Баранской, в соответствии с которой организационная справедливость представляет собой психологическую оценку сотрудниками честности во внутриорганизационных отношениях, проявляющихся в трех ее основных видах: процедурной, межличностной и дистрибутивной (справедливости распределения);

- концепция индивидуально-психологических аспектов принятия изменений Т. Ю. Базарова и М. П. Сычевой, согласно которой выделяются два подхода к изучению индивидуально-психологических аспектов принятия изменений – устано-

вочный, основывающийся на выделении специфической социальной установки к параметрам ситуации изменений (к неопределенности, новизне, инновациям), и типологический, где предполагается указание типов и описание их поведения. Авторами выводится модель типологии по отношению к изменениям, которая включает консервативный, реагирующий, реактивный и инновационный типы;

- концепция стиля А. В. Либина, согласно которой стиль реагирования на изменения является приоритетным среди определенных способов взаимодействия человека с ситуацией изменения, выражающихся в эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакциях.

В настоящем исследовании использовались опросник «Организационная справедливость» в адаптации С. С. Баранской, позволяющий респондентам оценить субъективную оценку организационной справедливости [8], опросник «Стили реагирования персонала на организационные изменения», разработанный Т. Ю. Базаровым, М. П. Сычевой [5]. Также применялась авторская анкета, содержащая вопросы о возрасте, стаже, семейном статусе и т. д.

Результаты и их обсуждение

Об итогах анализа и психологической интерпретации по параметрам *организационной справедливости* сотрудников уже говорилось ранее [9; 10]. Обобщив результаты, можно сказать, что организационную справедливость сотрудники оценивают по-разному. Например, ее высокий показатель наблюдается у сотрудников в возрасте от 35 до 45 лет и после 50 лет, удовлетворенных заработной платой, находящихся в официально зарегистрированных отношениях, имеющих детей, работающих в данной организации от полугода до года, а также от 15 лет. Низкий показатель организационной справедливости свойственен сотрудникам в возрастном диапазоне от 45 до 50 лет, которые недовольны заработной платой, состоят в незарегистрированных романти-

ческих отношениях, не имеют детей, работают в одной организации от 1 до 5 лет.

Рассмотрим подробнее результаты исследования *стилей реагирования* на изменения сотрудников организаций. *Консервативный стиль* был выявлен у 33 % респондентов. Люди данного типа предпочитают стабильность и не желают видеть потребность в изменениях. Для того чтобы они их приняли, следует аргументированно и в деталях объяснить сотрудникам, что данные изменения нужно произвести. Однако сделать это сложно, поскольку старый порядок для консерваторов (по определению) лучше нового. Даже при понимании объективной необходимости в изменениях такие люди долго перестраиваются с одной деятельности на другую. При

внедрении изменений они продолжают работать по тем же правилам, которым следовали раньше, а по-новому начинают трудиться позже всех (скрытое сопротивление). Нововведения вызывают у них негативные эмоции [4]. Таким образом, практически треть сотрудников организаций не будут принимать инновации, инициируемые начальством под воздействием внутренних и внешних факторов (при технологическом обновлении, нормативных изменениях и т. п.). Безусловно, для руководителей (и организации) это может быть определенной проблемой, поскольку скорость изменений значительно замедляется, а часть нововведений саботируется. Однако также стоит учесть, что данная группа сотрудников может выступать и определенной подушкой безопасности в случае ошибочных или преждевременных решений.

Реактивный стиль обнаружен у 15 % сотрудников. Для людей данного стиля реагирования также характерно предпочтение стабильности. Однако для принятия изменений таким сотрудникам следует показать их личную выгоду, а также помочь им преодолеть стресс и дискомфорт. Положительным моментом для управленцев является легкость идентификации этой группы сотрудников, поскольку, как правило, им свойственно открытое сопротивление нововведениям с выраженными эмоциональными реакциями [4], а при содействии со стороны начальства такие сотрудники принимают изменения и далее следуют им. В случае, если руководитель не оказывает поддержку и не проявляет сочувствие этой группе сотрудников, они могут перейти в группу консерваторов или убедить других работников в отсутствии необходимости изменений и даже призывать к открытому саботажу.

Инновационный стиль найден лишь у 3 % респондентов. Такие люди с легкостью принимают изменения и сами готовы быть их инициаторами. Они эмоционально вовлекаются в любые новые начинания, даже если не видят в них объективной необходимости. Процесс изменений вызывает у приверженцев данного стиля положительные эмоции [4]. При стабилизации инноваторы готовы выступать исполнителями принятых решений. Редко саботируют изменения, постоянство для них скучно. Для организаций, в деятельности которых нововведение не выступает в качестве основного, доля таких сотрудников является оптимальной: с одной стороны, они будут сигнализировать о необходимости изменений и быть их активным двигателем, а с другой – в периоды потребности организации в стабилизации умелое руководство сможет направить их энергию на корректировку тех или иных аспектов деятельности, разработку новых направлений и проектов.

Реализующий стиль установлен у 49 % исследуемых. Данные сотрудники поддерживают и принима-

ют изменения, если видят в них объективную необходимость или личную выгоду. Они предпочитают нововведения стабильности, однако не готовы принимать любую новую идею. Сами могут быть инициаторами перемен, если видят потребность в них. Они рассудительны при работе в изменившихся условиях, являются их хорошими реализаторами, включают в себя и готовность к новому, характерную для инноваторов, и рассудительность, свойственную консерваторам [4].

Таким образом, в организации преобладают сотрудники с *реализующим* стилем реагирования на изменения. На втором месте по представленности – работники с консервативным стилем. Предположительно, такие результаты могут объясняться спецификой деятельности самих организаций – это связь с отраслью, обеспечивающей продуктами питания население страны. В данной отрасли многие технологии являются классическими, были разработаны много десятилетий назад и применяются до сих пор. Тем не менее на предприятии есть инновационные технологии, позволяющие оптимизировать традиционные бизнес- и технологические процессы. Среди респондентов доминируют сотрудники в возрасте от 48 до 50 лет, у которых преобладает реализующий стиль реагирования на изменения. Такие люди ценят традиции, поэтому они осторожны и прагматичны в плане внедрения инноваций.

Также в рамках исследования было решено проверить, существуют ли различия стиля реагирования на изменения в зависимости от пола, занимаемой должности, семейного положения, наличия детей, стажа работы в одной компании, различной оценки удовлетворенности заработной платой, образования и наличия дополнительного образования. Статистически значимые различия не выявлены. Однако обнаружено, что реализующий стиль реагирования на изменения в большей степени характерен для руководителей. В анализируемый холдинг входят градообразующие предприятия с численностью сотрудников не менее 1000 человек (на каждом из них). Производственный процесс и бизнес-процессы предполагают непрерывный контакт с организациями сельского хозяйства, поэтому руководителям предприятий переработки необходимо проявлять взвешенность, гибкость и нести большую ответственность.

Рассмотрим сопоставления стилей реагирования на изменения и показателей организационной справедливости. Установлено, что *реализующий* стиль (42 %) характерен для сотрудников, высоко оценивающих организационную справедливость. Ни у одного респондента из данной группы консервативный, реактивный и инновационный стили не были выявлены. Для понимания полученных результатов нужно вспомнить о том, что реализующий стиль присущ руководителям организаций и сотрудникам,

имеющим высшее образование ($p \leq 0,01$) и получившим дополнительное образование ($p \leq 0,03$), нежели тем сотрудникам, кто его не получал, т. е. людям, в большей степени склонным объективно и системно мыслить и анализировать. Стоит также отметить, что в холдинге, в котором проводилось настоящее исследование, внедрены единая политика в области качества, единые подходы к управлению предприятием, системы менеджмента качества. Есть совет директоров, где разрабатываются общие стратегические задачи для предприятий, входящих в структуру холдинга. В совете директоров принимают непосредственное участие руководители всех дочерних организаций, позже они реализуют выбранную стратегию. Таким образом, прагматичное руководство будет стремиться к принятию оптимальных и справедливых решений.

У сотрудников, оценивающих организационную справедливость на среднем уровне, в большей степени выражен *консервативный* стиль реагирования на изменения (25 %), а также *реализующий* (7 %). Реактивный и инновационный стили не были выявлены ни у одного из респондентов этой группы. Такие результаты могут быть связаны с тем, что большая часть выборки не принимает активного участия в разработке стратегии развития предприятий и определении инвестиционных затрат. Сотрудники, не являющиеся частью руководства, не всегда способны оценить важность инвестиций и вложений материальных ресурсов в развитие. Консерваторы редко видят необходимость в изменениях, а также склонны к рациональному способу подготовки и принятия решения.

Реактивный стиль реагирования на изменения (15 %), а также *консервативный* (8 %) и *инновационный* (3 %) стили свойственны сотрудникам с низким уровнем организационной справедливости. Реализующий стиль не был выявлен ни у одного респондента в данной подгруппе. Предприятия рассматриваемого холдинга значительные средства направляют на инвестиционную деятельность, поскольку в данной отрасли зафиксирована очень высокая конкуренция.

Заключение

Таким образом, при рассмотрении стилей реагирования на изменения с различными показателями организационной справедливости можно заметить, что для сотрудников с реализующим стилем характерна ориентация на изменения и инновации, при этом наиболее важным моментом принятия изменений является четкое описание их требуемого результата. Сотрудники, высоко оценивающие организационную справедливость, преимущественно имеют реализующий стиль реагирования на изменения; сотрудники, продемонстрировавшие средние оценки, – консервативный и реализующий. Реактивный, консервативный и инновационный стили

были выявлены у сотрудников, низко оценивающих организационную справедливость. Только 30 % от произведенной продукции реализуется на внутреннем рынке, а 70 % необходимо отправить на экспорт. В связи с этим основные средства производства требуют системного обновления для соответствия продукции зарубежным стандартам. Вложение денежных средств в новое оборудование и технологии на первоначальном этапе снижают эффективность деятельности предприятия, так как требуется время на обучение сотрудников и трансформацию и обновление схем работы. Сотрудники реактивного стиля такие изменения воспринимают эмоционально, сопротивляются и стремятся к реализации старых, уже сложившихся паттернов профессиональной деятельности, при этом считают, что значительную часть средств можно было бы направить на увеличение фонда оплаты труда и премирование. Представители реактивного стиля (как и все других стилей) нуждаются в четкой и ясной информации о том, что происходит, конкретном и честном объяснении, какой результат ожидается от изменений. Так как результат виден не сразу, сотрудники низко оценивают справедливость в организации.

Кроме того, был проведен корреляционный анализ Спирмена (r) организационной справедливости и стилей реагирования на изменения. Была выявлена статистически значимая положительная взаимосвязь между общим уровнем организационной справедливости и реализующим стилем реагирования на изменения ($r = 0,766$, $p \leq 0,00$). Вследствие того, что коэффициент корреляции обладает положительным значением, можно утверждать следующее: чем более выражен у сотрудника реализующий стиль реагирования на изменения, тем выше он будет оценивать организационную справедливость. Другими словами, такие сотрудники при внедрении нововведений в организации с большой вероятностью отнесутся к ним рационально и конструктивно, не будут спешить оценивать организационную реальность и анализировать все целостно и системно, а непопулярные и новые решения руководства воспринимать как несправедливые.

были выявлены у сотрудников, низко оценивающих организационную справедливость.

Полученные результаты могут быть использованы в организациях руководителями, кадровыми службами и штатными психологами при найме сотрудников, а также перед принятием решений об изменениях и их последующем внедрении. Опорой внедрений, безусловно, являются сотрудники с доминирующими инновационным и реализующим стилями реагирования на изменения. Однако это не означает, что сотрудники с консервативным и реактивным стилями должны быть вне данного процесса – их сопротивление может стать хорошим

маркером «болевых точек» организации и источником идей для коррекции тех или иных запланированных мероприятий. Залогом успешного внедрения инноваций всегда будет четкая и ясная цель и активная коммуникация с сотрудниками, которых изменения касаются напрямую.

Библиографические ссылки

1. Хекхаузен Х. *Мотивация и деятельность. Том 1.* Москва: Педагогика; 1986. 407 с.
2. Колантаевская АС, Гришина НС, Базаров ТЮ. Стилиевые особенности самодетерминации в ситуации жизненных изменений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика.* 2016;4:51–59.
3. Холодная МА. Стили совладания в юношеском возрасте в контексте проблемы интеллектуального контроля совладающего поведения. В: Журавлев АЛ, Крюкова ТЛ, Сергиенко ЕА, редакторы. *Совладающее поведение: современное состояние и перспективы.* Москва: Институт психологии РАН; 2008. с. 84–96.
4. Базаров ТЮ, Сычева МП. Социально-психологическая модель стилей реагирования на изменения: феноменология, диагностика и рекомендация. *Социосфера.* 2010;1:15–25.
5. Базаров ТЮ, Сычева МП. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения». *Психологические исследования* [Интернет]. 2012 [процитировано 15 февраля 2021];5(25):12. Доступно по: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/724-bazarov25.html#e3>.
6. Варзанова МА. Диагностика подготовленности педагогов к преодолению сопротивлений инновационной деятельности. *Ярославский педагогический вестник.* 2016;5:51–56.
7. Мамедова АА, Базаров ТЮ. Эффективность командной работы в зависимости от реализуемых членами команды стилей реагирования на изменения. *Вестник Евразийской науки* [Интернет]. 2018 [процитировано 15 февраля 2021 г.];10(1). Доступно по: <https://esj.today/PDF/17ECVN118.pdf>.
8. Баранская СС. Опросник «Организационная справедливость» (русскоязычная адаптация). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика.* 2011;3:145–153.
9. Фофанова ГА, Сорокина АА. Организационная справедливость с точки зрения сотрудников организации. В: Королюк ЕВ, редактор. *Условия, императивы и альтернативы развития современного общества в период нестабильности: экономика, управление, социология, право; 12 мая 2020 г.; Тихорецк, Россия.* Краснодар: Российское энергетическое агентство; 2020. с. 618–625.
10. Фофанова ГА, Сорокина АА. Организационная справедливость и толерантность к неопределенности сотрудников. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:60–65.

References

1. Heckhausen H. *Motivation und Handeln.* New York: Springer; 1980. 785 S. Russian edition: Heckhausen H. *Motivatsiya i deyatel'nost'. Tom 1.* Moscow: Pedagogika; 1986. 407 p.
2. Kolantaevskaya AS, Grishina NS, Bazarov TYu. [Stylistic characteristics of self-determination in life changes situations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika.* 2016;4:51–59. Russian.
3. Holodnaya MA. [Styles of coping in youth in the context of the problem of intellectual control of coping behaviour]. In: Zhuravlev AL, Kryukova TL, Sergienko EA, editors. *Sovladayushchee povedenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Coping behaviour: current state and prospects]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2008. p. 84–96. Russian.
4. Bazarov TYu, Sycheva MP. [Socio-psychological model of styles of response to changes: phenomenology, diagnosis and recommendation]. *Sotsiosfera.* 2010;1:15–25. Russian.
5. Bazarov TYu, Sycheva MP. Creation and testing of the questionnaire «Styles of response to changes». *Psychological research* [Internet]. 2012 [cited 2021 February 15];5(25):12. Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/724-bazarov25.html#e3>. Russian.
6. Varzanova MA. Study of the preparedness of the teaching staff to overcome resistance to innovative activities. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik.* 2016;5:51–56. Russian.
7. Mamedova AA, Bazarov TYu. The effectiveness of teamwork, depending on the styles of responding to changes implemented by team members. *Eurasian Scientific Journal* [Internet]. 2018 [cited 2021 February 15];10(1). Available from: <https://esj.today/PDF/17ECVN118.pdf>. Russian.
8. Baranskaya SS. Questionnaire «Organizational justice» (Russian-language adaptation). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika.* 2011;3:145–153. Russian.
9. Fofanova GA, Sorokina AA. [Organisational justice from the point of view of employees of enterprises]. In: Korolyuk EV, editor. *Usloviya, imperativy i al'ternativy razvitiya sovremennoy obshchestva v period nestabil'nosti: ekonomika, upravlenie, sotsionomiya, pravo; 12 maya 2020 g.; Tikhoretsk, Rossiya* [Conditions, imperatives and alternatives for the development of modern society during the period of instability: economics, management, sociology, law; 2020 May 12; Tikhoretsk, Russia]. Krasnodar: Russian Energy Agency; p. 618–626. Russian.
10. Fofanova GA, Sorokina AA. Organizational justice and tolerance to uncertainty of employees. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:60–65. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.02.2021.
Received by editorial board 15.02.2021.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В НАРРАТИВАХ ПЕДАГОГОВ

Е. И. ЦЮХАЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен результат анализа субъективного опыта педагогов, с которыми было проведено тематическое полуструктурированное интервью. Главный акцент при этом делался на их переживании состояния эмоционального выгорания и его вербальном описании. Различная степень такого выгорания сказывается на особенностях повествования педагогов. Нарративы педагогов с высокой степенью эмоционального выгорания отличались меньшей последовательностью и целостностью жизненного сюжета. Индикатором эмоционального напряжения, отраженного в переживании этих педагогов, является неспособность соединить фрагменты прошлого в единый рассказ, наблюдается нарушение в последовательности его изложения. Данные особенности проявлялись как на уровне отдельных фрагментов, так и в процессе всего повествования.

Ключевые слова: переживание; феноменологический метод; интервью; эмоциональное выгорание; педагоги; фрагментарность.

FEATURES OF EXPERIENCE OF EMOTIONAL BURNOUT IN TEACHERS' NARRATIVES

K. I. TSUKHAI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the result of the analysis of the subjective experience obtained during a semi-structured thematic interview of school teachers. The main focus is on their experience of burnout and its verbal description. Different degrees of burnout are reflected in the peculiarities of the teachers' narrative. The narratives of teachers with a high degree of burnout were characterised by less consistency and integrity of the life plot. An indicator of emotional tension, which is reflected in the experience of teachers, is the inability to connect fragments of the past into a single story, a violation of its sequence. These features were manifested both at the level of individual fragments and at the level of the entire narrative.

Keywords: experience; phenomenological method; interview; emotional burnout; teachers; fragmentation.

Введение

Несмотря на почти полувековую историю исследований, тема эмоционального выгорания периодически становится объектом внимания ученых, так как проблема по-прежнему не является решенной.

В современном мире продолжают поиски идеи для понимания феномена эмоционального выгорания и практических мер по его предотвращению [1].

Образец цитирования:

Цюхай ЕИ. Особенности переживания эмоционального выгорания в нарративах педагогов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:87–96.

For citation:

Tsukhai KI. Features of experience of emotional burnout in teachers' narratives. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:87–96. Russian.

Автор:

Екатерина Ильинична Цюхай – аспирантка кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Л. А. Пергаменщик.

Author:

Katsiaryna I. Tsukhai, postgraduate student at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
catic@ya.ru

Помимо традиционно анализируемых проявлений, данная проблема охватывает и область переживания, в результате которого формируется субъективный опыт человека. Постигание специфики переживания эмоционального выгорания позволит глубже понять суть изучаемого феномена. Жизнь человека представлена многообразием событий, а не отдельными психическими феноменами, которые целесообразно рассматривать в их совокупности с учетом взаимосвязей внутри сложного целого психической жизни [2, с. 63]. Таким целым и будет являться переживание – связующее звено между внутренней жизнью человека и объективной действительностью, постижение сути которого требует применения феноменологического метода. По мнению М. М. Бахтина, невозможно понять внутренний мир человека и его поступки без выхода в сферу смыслов и ценностей другого человека и учета контекста конкретной ситуации, т. е. того, на что ориентируется сам собеседник [3, с. 105].

Переживание и компоненты эмоционального выгорания некоторым образом взаимодействуют друг с другом. Чем точнее представлено описание различий в выражении субъективного опыта (индикаторов) у специалистов, склонных к эмоциональному выгоранию, тем более оправданно будет толкование сущности самого феномена, рассматриваемого сквозь призму переживания.

Эмоциональное выгорание. Организм, находясь долгое время в стрессовом состоянии, начинает функционировать по особым законам. Объективным выражением воздействия стресса как внутреннего напряжения является эмоциональное выгорание (*burnout*). К. Маслак и М. П. Лейтер полагают, что переживание внутреннего напряжения возникает под воздействием внешних условий (стрессоров) [4, р. 498].

Также эти ученые рассматривают отношение людей к выполняемой деятельности в континууме выгорание – вовлеченность, в котором они выделяют три взаимосвязанных измерения: истощение – энергия, деперсонализация – причастность и неэффективность – эффективность [5, р. 545]. Так, в картине эмоционального выгорания **истощение** представлено чувством перенапряжения и истощения духовных и физических ресурсов; **деперсонализация** проявляется в негативной, черствой или чрезмерно отстраненной реакции на любые аспекты деятельности; **снижение личных достижений** – в чувстве некомпетентности и ощущении неэффективно выполняемой работы.

Наиболее распространенная концепция К. Маслака и М. П. Лейтера относится к *результативному подходу*, в рамках которого эмоциональное выгорание является состоянием, содержащим несколько компонентов. Сторонники этого подхода (А. М. Пайнз

и Э. Аронсон, В. Б. Шауфели и Д. В. Дирендонк, а также В. Е. Орел, А. А. Рукавишников) в свои модели включают различное количество таких компонентов, но ключевым из них непременно остается истощение, а затем уже следует личностная отстраненность. Наряду с результативным подходом в литературе широко представлен и *процессуальный подход* к феномену эмоционального выгорания. Стадиальный характер его протекания изложен в работах Г. Фрейденбергера, М. Буриша, Дж. Эдельвиса и А. Бродски, В. В. Бойко и др. В настоящем исследовании внимание сфокусировано на углубленном понимании эмоционального выгорания и его компонентов, при этом не отрицается процессуальная сторона данного феномена.

Ниже подробнее рассмотрено происхождение напряжения, сопутствующего эмоциональному выгоранию. Природой человеческого познания предусмотрено, что человек занимает определенную позицию по отношению к каждой ситуации, происходящей в его жизни [6, с. 11]. Это дает человеку ощущение свободного выбора, самораскрытия и реализации. Если у индивида нет возможности ни определить с собственной позицией касательно объектов внешнего мира или какой-либо ситуации, ни пережить ее в полной мере, то появляется чувство, что та позиция, которой он придерживается, является вынужденной и навязанной извне. При наполненности деятельности чужим мнением усиливается ощущение бессмысленности, поскольку навязанные общественно значимые идеи начинают переживаться как нечто внешнее. В дальнейшем они обретают силу и выступают в роли обременительных обязанностей, так и не став по-настоящему «собственными» [7, с. 265].

Сопrotивление принятию чуждой позиции и корректировка собственной создают это напряжение, которое и указывает на душевную работу по наполнению происходящего новым личностным смыслом. Человек переживает, т. е. трудится над установками, мыслями и чувствами, присущими ему.

К. Маслак и М. П. Лейтер рассматривают истощение как стимул к действиям, чтобы «эмоционально и когнитивно дистанцироваться от своей работы, как способ справиться с рабочей перегрузкой». Соответственно, деперсонализация есть попытка «непосредственной реакции на истощение». Снижение личной эффективности при этом «не демонстрирует сложной взаимосвязи» с двумя другими измерениями, а иногда и вовсе не взаимодействует с ними [8].

Оценка величины эмоционального выгорания в указанных К. Маслаком измерениях фокусируется на опыте людей в определенный момент при помощи стандартного инструмента в этой области – опросника MBI (Maslach Burnout Inventory). В последнее время была разработана четвертая версия

этого опросника¹, оценивающая те же три компонента, обозначаемые в более общих терминах («истощение», «цинизм» и «неэффективность»), но согласующиеся со всеми предыдущими версиями МВІ.

Обзор современных зарубежных исследований проблемы эмоционального выгорания, проведенный М. П. Лейтером и К. Маслак, позволил выделить в качестве способа профилактики этого феномена действия, направленные на повышение личной вовлеченности в проделываемую работу [4–5; 8–9]. При этом такая вовлеченность определяется как «энергетическое состояние причастности к выполняемой деятельности, повышающее чувство профессиональной эффективности»² [4].

Вовлеченность или осмысленность. Если в рамках трехкомпонентной концепции К. Маслак **выгорание** рассматривается как совокупность высоких значений истощения, цинизма и профессиональной неэффективности по шкале МВІ, то **вовлеченность** предполагает существование высоких значений энергии, причастности и эффективности при низких значениях или вообще без признаков усталости или цинизма [5, р. 55].

Наряду с этим В. Б. Шауфели определяет вовлеченность как «устойчивое, позитивное аффективно-мотивационное состояние самореализации, которое также характеризуется тремя компонентами: энергичностью, самоотдачей и поглощенностью» [9]. Ученый высказывает мнение о том, что вовлеченность в работу не является полной противоположностью эмоциональному выгоранию, а более независима от него.

Связь между этими феноменами существует, но до сих пор остается неуловимой, так как не до конца отражена сложная природа отношения людей к своей работе. В данном исследовании не рассматривался вопрос о противоположном эмоциональному выгоранию феномене, а была предпринята попытка прислушаться к состоянию «выгорающих» специалистов, чтобы глубже понять сущность эмоционального выгорания.

Сначала были проанализированы основания истощения, которое дополняется остальными компонентами. Истощение есть состояние, вызванное чрезмерно длительной или интенсивной деятельностью. В случае эмоционального выгорания данная деятельность осуществляется преимущественно на ментальном уровне на фоне привычных условий труда специалиста. В процессе выполнения профессиональной деятельности, согласно В. Франклу, человеком движет именно стремление к ощущению осмысленности своей работы, а утрата указанного ощущения обуславливает возникновение «экзистенциального вакуума», внутреннего дискомфорта

и стимулирует к поиску истинного смысла [10]. Следовательно, повышение осмысленности выполняемой деятельности способно сэкономить внутренние ресурсы человека. В данном ракурсе понятия «вовлеченность» и «осмысленность» оказываются довольно близкими.

По мнению А. М. Пайнз, при исчезновении в работе **осмысленности** существует большая вероятность развития экзистенциального кризиса, проявляющегося в форме переживания **эмоционального выгорания** [11, р. 40]. Это же утверждал А. Лэнгле, когда рассматривал эмоциональное выгорание как особую форму экзистенциального вакуума с доминирующим ощущением истощения [12, с. 3]. При переживании себя и мира «выгорающему» человеку свойственны отсутствие телесно-психической силы, ощущение пустоты и утраты ценностных ориентиров, а затем и вовсе чувство потери смысла, т. е. сама жизнь переживается как бессмысленная. Смысл – это ответ на вопрос «Зачем делать?» [13, с. 6]. При эмоциональном выгорании энергия растрачивается именно на восполнение дефицита осмысленности в виде душевных переживаний. Каждое из них принималось Л. С. Выготским за единицу смысловой системы человека [14, с. 382].

Переживание. В европейской науке первое употребление понятия «переживание» относят к 1970-м гг. По мнению В. Дильтея, познание человеком действительности происходит в переживании [15, с. 48], которое ученый представлял как «постоянный поток ощущений, желаний, восприятий и т. п.», не поддающийся постижению умом, в частности посредством мышления.

Переживая собственное душевное состояние, человек не пытается обосновывать его какими-то научными теориями. Более того, объяснить суть переживания оказывается очень сложно, хотя на имплицитном уровне каждый с легкостью способен узнать его. Переживание дано человеку в понимании [16, р. 230]. Человек воспринимает, различает, мыслит, оценивает факты внешней среды – все это находит свое отражение в его душевной жизни [15, с. 66]. Таким образом, переживание есть следствие взаимодействия душевной жизни с внешним миром, который В. Дильтей призывает изучать соответствующим методом, путем постижения смысла вербализованного переживания.

«Переживание», являясь понятием феноменологии, происходит от немецкого слова *das Erlebnis*, т. е. переживать. В литературе можно найти несколько значений этого слова. Например, у Г.-Г. Гадамера «пережить» приравнивалось к «быть в живых, когда случилось нечто», при этом подчеркивалась самостоятельность восприятия [17, с. 105]. Также под

¹Maslach Burnout Inventory. Manual, 4th edition [Electronic resource]. URL: <https://www.mindgarden.com/maslach-burnout-inventory/685-mbi-manual.html> (дата обращения: 18.11.2020).

²Здесь и далее перевод наш. – Е. Ц.

переживанием понимались результат и значимость того, что было пережито. Позднее появилось значение, объединяющее вышеназванные: тот или иной факт является переживанием, когда он не просто пережит, но и его содержание представляет собой ценность.

Вместе с тем в широком понимании более уместно употреблять отлагательное существительное **проживание**, поскольку использование приставки *про-* указывает на направленность движения до нужного предела (например: прочитать книгу до конца, прожить этот день)³. Под приставкой *пере-*, имеющейся в слове **переживание**, подразумевается (в одном из значений) совершение действия повторно (например, перечитать отрывок из книги, пережить тяжелый период в жизни и т. д.).

В «Логических исследованиях» Э. Гуссерль утверждал, что все явления и внешние события лишь переживаются, т. е. на них человек может направлять свои «восприятия, образы отражения, акты мышления, предположения и сомнения, радости и опасения и т. п.» [18, с. 133]. Переживание у Э. Гуссерля – бытие, соотнесенное с сознанием, опирающееся на прошлый опыт и особенности восприятия [19, с. 15]. При довольно тесной сопряженности реальность и переживаемое могут сильно отличаться, так как за переживанием скрыты не сами явления действительности, а восприятие их человеком, соотнесение с уже имеющимся собственным опытом, осмысливание и т. п. Переживание лишь организует и направляет («интендирует» – в терминологии автора) мир [18, с. 171]. Эти действия и являются объектами рефлексии при использовании феноменологического метода.

Как утверждает А. М. Улановский, в ходе феноменологического исследования раскрывается «черновая» работа сознания, которая, как правило, не рефлексивируется человеком, но «непрерывно протекает при восприятии вещей... организует и сводит воедино наш опыт, придает этому опыту значение “нашего” опыта...» [20, с. 131]. Переживание может получить выражение в речи или остаться невыраженным, когда слова заменяют мысли, но в любом случае будет стимулировать поиск смысла того, что переживается в данный момент [18, с. 112]. В предельно *широком* смысле переживание можно рассматривать как нечто, воспринятое человеком (который это нечто пережил) и нашедшее свое отражение в его опыте. Однако в *узком* смысле под переживанием понимается именно внутренняя деятельность человека по принятию данностей внешнего мира.

У зарубежных психологов не прослеживается единообразного подхода к определению переживания – от способа адаптации к сложной ситуации, согласование с ней собственного Я (З. Фрейд); защиты сознания от травмирующих факторов, устране-

ния напряженности и тревожности путем искажения восприятия реальности, самообмана, регрессии, невроза и т. п. (А. Фрейд, К. Хорни и др.) до особого способа *бытия-в-мире* с созданием образа мира, в котором человек пытается контролировать свое положение (М. Хайдеггер); состояния гармонии с людьми, событиями и вещами окружающего мира с возникающим у человека чувством «присущности» (Л. Бинсвангер); нечеткого чувствуемого ощущения, отражающего внутренний опыт человека в отношении ситуации реальной жизни (Ю. Джендлин). Среди отечественных психологов также отмечаются несколько подходов к переживанию. Авторы рассматривают данный феномен в качестве внутренних сигналов, через которые в событиях осознается личностный смысл (А. Н. Леонтьев); внутреннего отношения человека к определенному моменту действительности, своеобразной ориентировки в ней, отражающей субъективное восприятие личностью окружающей среды (Л. С. Выготский); внутреннего процесса, соотнесения человеком себя с миром, направленного на решение реальных жизненных проблем (Ф. Е. Василюк) [21, с. 29], а также подчеркивают личностную значимость предмета переживания для человека (С. Л. Рубинштейн, Г. И. Челпанов).

Ф. Е. Василюк сравнивает **переживание** с деятельностью по «производству смысла» [21, с. 5]. Другими словами, переживание – это **душевная работа по переосмыслению**, т. е. восстановлению утраченного смысла в свете изменившихся внешних обстоятельств. Необходимость совершения данной работы обусловлена не просто утратой душевного равновесия, а отсутствием ощущения *причастности* к происходящему, человек не чувствует своего непосредственного отношения, своего касательства к чему-либо посредством созвучности с собственными ценностями и установками. В процессе переживания этого **труда души** происходит наполнение событий новым личностным смыслом.

Несложно отметить, что человек порой настойчиво пытается вернуться в переживании к некоторым, казалось бы, заурядным, событиям жизни. В продолжение к сказанному будет уместно использовать следующую метафору: «Жизнь с годами становится похожей на плотно утоптанную почву, которую давно не рыхлили» [22, с. 131]. Наступившие новые события настолько быстро сменяют предыдущие, что у человека не хватает времени их пережить, наполнить для себя смыслом, получить на них внутренний отклик, согласовав с собственными ценностями. В результате возникает смутное чувство, будто что-то осталось недодуманным, недоделанным... Многие люди живут с подобным ощущением годами, количество недоосмысленных впечатлений нарастает как снежный ком. Их груз держит человека

³ Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М. : Рус. яз., 1986. 1135 с.

в постоянном напряжении и психологически давит на него. В обычной жизни такое состояние люди привыкли называть стрессом (однако понятие стресса нельзя приравнивать к нервному напряжению).

Следовательно, в процессе переживания человек вновь мысленно пытается вернуться в уже прожитые им ранее определенные моменты, чтобы наполнить их новым содержанием. В этом ракурсе автором данного исследования было сформировано свое понимание *переживания* как *процесса переосмыс-*

ления человеком представленного в сознании внутреннего мира при соотношении его с объектами внешнего мира. Другими словами, в процессе переживания эмоционального выгорания человек упорядочивает и переосмысливает в своем сознании отношение к выполняемой деятельности с учетом имеющейся новой информации, а также определяет свое состояние и положение в изменившейся системе координат, корректируя тем самым собственное отражение реальности.

Материалы и методы исследования

В данном исследовании было выделено самостоятельное переживание, отражающее отношение педагога к выбранной им профессии. В интервью к респондентам обратились со следующей просьбой: «Расскажите, пожалуйста, как можно подробнее о Вашем профессиональном становлении как педагога. Можете начать с того момента, как Вы приняли решение стать педагогом, и расскажите всё до настоящего момента. Можно даже самые мелкие детали. Мне интересно все, что покажется значимым для Вас».

При ответе педагогу предлагается провести некоторую саморефлексию по поводу пережитого им. В процессе сбора и обработки эмпирических данных полученное переживание не редуцировалось, таким образом, респондент сам мог определить содержание своего рассказа.

В процессе высказывания интервьюируемый анализирует феномены собственного сознания, а исследователь лишь пытается повысить объективность внутреннего наблюдения и дополняет его изучением внешних проявлений. В связи с этим также применялся анализ повествований в части выявления особенностей построения педагогами вербальных смыслов о накопленном ими субъективном опыте психической жизни. В ходе изучения конденсированных смыслов отмечается не только количество тем, затронутых педагогами, но и особенности их речи.

Цель исследования заключается в проявлении сущностных характеристик переживания эмоционального выгорания. То, что респондент испытывал во время интервью, представляется важным и актуальным. Все темы, упоминаемые в рамках ответа, являются лично значимыми для респондента, раскрывающими его субъективное восприятие собственной жизни, степень ее наполненности ценностями, меру согласия с собой и миром в настоящий момент.

Проанализировав повествования участников исследования, можно выделить те основополагающие моменты в их жизни, смысл которых постоянно актуализируется в целях подтверждения или

пересмотра. Это и будут те самые «слои», о которых говорилось выше. В ходе интервью респонденты «открывают» свой субъективный опыт, тем самым постепенно разрыхляют «слежавшиеся слои» [22, с. 131].

В исследовании добровольно участвовали 60 педагогов общеобразовательных школ и гимназий в возрасте от 19 до 64 лет. Средний возраст респондентов составил 40,6 лет. Выборка формировалась случайным образом. В нее вошли женщины со средним педагогическим стажем 18,6 лет, работающие как в начальном, так и в старшем звене и имеющие различное семейное положение. Интервьюируемые были разделены на две группы. Педагоги с высокой и крайне высокой степенью эмоционального выгорания включены в группу А, с низкой и средней – в группу Б. Оценка степени эмоционального выгорания проводилась на предварительном этапе при помощи опросника «Профессиональное выгорание»⁴ (в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой), созданного на основе опросника МВИ.

На основном этапе исследования с педагогами проводилось полуструктурированное автобиографическое интервью на тему их профессионального становления. Оно было записано на диктофон. В ходе повествования использовались приемы активного слушания. В дальнейшем все интервью транскрибировались. При этом максимально точной фиксации подлежат структура и вербальное содержание интервью и меньшей – невербальные составляющие коммуникации.

В ходе последующего феноменологического анализа (основанного на конденсации смысла и выделении тем) обращалось внимание не только на содержание полученных нарративов [23, с. 56], но и на особенности речи респондентов. Интересовали следующие аспекты: как педагоги структурируют восприятие собственного жизненного опыта, какие события их прошлого они выделяют в качестве наиболее значимых и каким образом это отражается на их профессиональных целях, раскрывающих содержание деятельности.

⁴ Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2008. 336 с.

Результаты и их обсуждение

Так, нарративы большинства респондентов из группы А оказались непоследовательными и противоречивыми, тогда как в группе Б – лаконичными, хорошо структурированными и непротиворечивыми. Это может свидетельствовать о внутренней работе, осуществляемой в переживании. Когда человек пытается говорить о значимых событиях своей жизни, нуждающихся в переосмыслении, наблюдается сходство внешней речи со внутренней по структуре.

По мнению С. Л. Рубинштейна, «выступая в качестве внутренней речи, речь... перестает непосредственно служить средством сообщения, для того чтобы стать прежде всего формой внутренней работы мысли. <...> ...При напряженном чувстве... человек ведет про себя внутреннюю беседу с другим человеком [исследователем], высказывая в этой воображаемой беседе все то, что по тем или иным причинам он ему не мог сказать в реальной беседе. Но... она посвящена размышлению, рассуждению, аргументации... внутренняя речь обычно внутренне направлена на других людей, если не на реального, то на возможного слушателя» [24, с. 457].

Было отмечено, что повествования группы А отличались некоторой степенью **отрывочности, фрагментарности и сокращенности** по сравнению с группой Б. Эту особенность внутренней речи относительно внешней отмечал еще Л. С. Выготский [25, с. 310].

Иллюстрацией вышеописанного текста является отрывок из интервью с педагогом (женщина, 53 года): *Пошла поступать... м-м-м... в педагогическое училище только потому, что-о-о конкурса... Не надо было тогда сдавать экзамены, и был конкурс аттестатов. У меня панический страх перед экзаменами... Просто я «заваливаю» все, что могу в этой жизни. Поэтому единственный вариант – это идти без экзаменов. И моя классная... э-э-э... на тот момент... учительница, она предложила... говорит: «Тебе нужно идти и поступать без экзаменов». А это – учи... Вот именно в училище. Э-э-э... категорически были против родители, потому что это училище, не институт. Но мы... смогли их уговорить. И поступила я. Действительно, прошла. По своему аттестату на тот момент я прошла.*

Сокращенность понимается как сжатое изложение фактов, смысл которых не ясен вне контекста; в наибольшей степени распространяется в речи педагогов с высокими значениями цинизма, отстраненности от других; указывает на погруженность в собственные мысли и слабый интерес к тому, насколько понятен смысл сообщаемых ими сведений собеседнику. В приведенном отрывке фраза *Просто я «заваливаю» все, что могу в этой жизни*, которой респондент подкрепляла свой выбор поступле-

ния именно в училище, а не институт, могла иметь совсем иной смысл вне беседы о профессиональном самоопределении.

Отрывочность проявляется в частых прерываниях предложений, озвучивании не связанных напрямую мыслей⁵. У педагогов с высокой степенью эмоционального выгорания гораздо чаще отмечалось хаотичное переключение от одной мысли к другой. Происходит вербализация респондентом собственных чувств и отношения к описываемым при этом событиям. Например, во фразе *...только потому, что-о-о конкурса... Не надо было тогда сдавать экзамены, и был конкурс аттестатов* имеет место подбор тех слов, которые точнее отразили бы содержание переживаний. В них заключен смысл о «преимуществах» совершенного выбора.

Фрагментарность речи заключается в передаче целых переживаний через отдельные слова и фразы. Однако, сложив их вместе, можно понять то, что хотел представить респондент. «...Процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах», – считал Л. С. Выготский [25, с. 332]. Если в рассматриваемом примере выделить две части, оставив лишь фрагменты в прошедшем времени (действия, произошедшие до момента речи), то рассказ будет звучать следующим образом: *Пошла поступать... в педагогическое училище только потому, что-о-о конкурса... Не надо было тогда сдавать экзамены, и был конкурс аттестатов. И моя классная... э-э-э... на тот момент... учительница, она предложила именно в училище. Э-э-э... категорически были против родители, потому что это училище, не институт. Но мы... смогли их уговорить. И поступила я. Действительно, прошла. По своему аттестату на тот момент я прошла.* Это повествование более лаконично, основано на фактах из прошлого, но лишено фрагмента *У меня панический страх перед экзаменами... Просто я «заваливаю» все, что могу в этой жизни*, обнаруживающего отношение респондента к себе, но придающего определенный оттенок всему переживанию.

Прокладывание пути от мысли к речи представляет собой анализ собственных чувств, «наблюдается у взрослого в минуты особенно сильного эмоционального напряжения» [24, с. 477]. Следовательно, беседа с человеком содействует не только эмоциональной разрядке, но и способна сделать доступным в некоторой степени внутреннее переживание.

В рассматриваемом отрывке интервью педагог использует в своей речи незаконченные предложения и даже слова, его мысли часто обрывочны. В повествовании респондент переходит от ответа на один вопрос к ответу на следующие, хотя формально их никто не задавал. Также отмечены переключение

⁵Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000. 2354 с.

внимания с описания своих чувств на описание мыслей и желаний других (затем – снова своих); изменение времени повествования с прошедшего на настоящее и обратно; подчеркивание влияния обстоятельств и других людей, отсутствия альтернативы. Употребление наречия «действительно» указывает на наличие сомнений у педагога и в то же время подтверждает правдивость произнесенных им слов, хотя по ходу рассказа интервьюер только соглашался и ни разу не усомнился в достоверности услышанного.

Ниже приведен основанный на технике конденсации смысла анализ минутного отрывка ответа на вопрос о выборе профессии педагогом (см. табл.).

В данном отрывке были затронуты шесть тем: история поступления респондента, условия приема в учебные заведения, отношение к себе, отсутствие выбора, позиции учителя и родителей, а также возникновение множества мыслей, которые сложно выстроить в целостный сюжет без предварительной подготовки.

Анализ выделенных смысловых единиц

Analysis of the selected meaning units

Выделенные единицы	Конденсированный смысл
<i>Пошла поступать...</i>	Вспоминает о себе
<i>...в педагогическое училище только потому, что-о-о конкурса...</i>	Пытается объяснить, почему было выбрано педагогическое училище
<i>Не надо было тогда сдавать экзамены, и был конкурс аттестатов.</i>	Подбирает «преимущества» своего выбора и вспоминает условия поступления на тот момент
<i>У меня панический страх перед экзаменами...</i>	Боится сдавать экзамены
<i>Просто я «заваливаю»⁶ все, что могу в этой жизни.</i>	При анализе многих ситуаций в собственной жизни сомневается в себе
<i>Поэтому единственный вариант – это идти без экзаменов.</i>	Вывод об исключительности выбора направления. Отсутствие других вариантов
<i>И моя классная...</i>	Вспоминает о классном руководителе
<i>...на тот момент...</i>	Рассказываемое происходило давно
<i>...учительница, она предложила...</i>	Инициатива учителя по выбору профиля
<i>Говорит: «Тебе нужно идти и поступать без экзаменов».</i>	Учителем подчеркивается необходимость поступления именно на таких условиях
<i>А это – учи... Вот именно в училище.</i>	Сопrotивление, нежелание выбора училища
<i>Категорически были против родители, потому что это училище, не институт.</i>	Высказываемое неодобрение родителями: училище не институт
<i>Но мы...</i>	Решение не полностью собственное
<i>...смогли их уговорить.</i>	Сопrotивление преодолено
<i>И поступила я. Действительно, прошла. По своему аттестату на тот момент я прошла.</i>	Поступление. Хотя и сомневалась, но прошла. На существующих в то время условиях получилось пройти

В настоящем исследовании отмечено, что нарративы педагогов группы Б в основном отличались большей последовательностью высказывания, согласованностью мыслей и фокусированием на конкретной теме описания профессионального самоопределения. Такая особенность повествования объясняется тем, что актуализированные в памяти фрагменты прошлого соотносятся с уже имеющимся у респондента субъективным опытом. У педагогов с низкой и средней степенью эмоционального выгорания эта внутренняя работа по осмыслению событий прошлого (их переживания) протекает ме-

нее интенсивно, что облегчает подбор подходящего символа, а также вербализацию респондентом представленного в сознании отношения к профессии, упорядоченного и непротиворечивого. В нарративах педагогов группы А по сравнению с группой Б были отмечены разброс тем (увеличение их количества) и наличие большего числа негативных оценок деятельности, обусловленных сосредоточенностью на собственных переживаниях.

Как утверждает Ю. Джендлин, непосредственное переживание дается в виде нечеткого чувствуемого ощущения и отражает внутренний опыт человека

⁶Обращает на себя внимание использование глагола «заваливаю», которое скорее употреблено в переносном смысле (не справиться с чем-либо, потерпеть неудачу), хотя уместно применять его и в прямом (преградить, закрыть чем-либо).

по отношению к какой-либо ситуации, произошедшей в реальной жизни. Человек всегда *чувствует* смысл того, о чем говорит сам и о чем ему сообщают. Прояснить этот смысл можно лишь в ходе рефлексии, а эксплицировать – при подборе подходящего символа, причем прошлое проявляется в переживании частично, в качестве неких фрагментов [26, с. 38]. В состоянии эмоционального напряжения гораздо сложнее соединить эти фрагменты в единый рас-

сказ, выстроенный в соответствии с лексическими и грамматическими нормами. Именно во время переживания может быть достигнута согласованность и непротиворечивость внутреннего мира человека.

В настоящей работе не дается психологическая интерпретация повествования, а лишь рассматриваются манера говорения респондента, особенности его речи (сокращенность, отрывочность, фрагментарность).

Заключение

Психологические исследования последних десятилетий в большинстве своем фокусировали внимание на изучении взаимосвязей эмоционального выгорания с различными феноменами, чертами и свойствами личности. Выявление корреляций не позволяет объяснить сущность данного феномена. Многие ученые по-разному объясняют переживания эмоционального выгорания, что позволяет обосновать необходимость исследования и освещения внутреннего мира человека.

Переживания «выгорающего» педагога отражают его отношение к действительности [27, с. 26], а также к выполняемой им деятельности. Прояснение сути переживания и того смысла, который имеет для человека рассматриваемый аспект его жизни, есть результат феноменологического исследования.

Содержание переживания обнаруживает внутреннее состояние человека в настоящий момент. Речь способствует выстраиванию вербальных смыслов. При невыраженном переживании отсутствующее слово заменяет мысль. Вербализация «возбуждает смыслопридающий акт» и стимулирует поиск в нем интенции [18, с. 112], так как при выражении в речи достигается большая степень осознания и принятия собственного положения. Озвучивая свое отношение к выполняемой деятельности, человек тем самым решает «задачу на смысл», о которой говорил А. Н. Леонтьев [28, с. 258]. Высказыва-

ние педагогами «обнаруженного» ими смысла ведет к росту смысловой определенности и прекращению внутренней работы, на которую затрачивалось немало энергии.

В настоящем исследовании был проведен анализ нарративов педагогов с различной степенью эмоционального выгорания. В речи респондентов с высокой и крайне высокой степенью эмоционального выгорания были выявлены такие особенности, как сокращенность, отрывочность, фрагментарность, что сближает ее с внутренней речью, которая менее структурирована и более противоречива. Происходит это потому, что «выгорающий» человек затрачивает значительные усилия на интенсивную внутреннюю работу (переживание) по упорядочению в сознании собственного отношения к выполняемой деятельности, соотношению ее со своими ценностями и установками, наполнению ее личностным смыслом. Все это затрудняет выражение в речи фрагментов мыслей и чувств, соединенных в цельный жизненный сюжет. В то же время речь педагогов с низкой или средней степенью эмоционального выгорания в основном более согласованна и лучше структурирована.

Дальнейший анализ феномена позволит констатировать, что в процессе проговаривания переживания обнаруживается профилактический потенциал в отношении эмоционального выгорания.

Библиографические ссылки

1. Maslach C, Leiter MP. It's time to take action on burnout. *Burnout Research*. 2015;2:IV–V. DOI: 10.1016/j.burn.2015.05.002.
2. Кучинский ГМ. Феноменологический метод в психологии. Карл Ясперс. *Вестник БГУ. Серия 3. Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2009;1:59–67.
3. Бахтин ММ. К философии поступка. В: Аверинцев СС, составитель. *Философия и социология науки и техники*. Москва: Наука; 1986. с. 80–160.
4. Maslach C, Leiter MP. Early predictors of job burnout and engagement. *Journal of Applied Psychology*. 2008;93(3): 498–512. DOI: 10.1037/0021-9010.93.3.498.
5. Leiter MP, Maslach C. Burnout and engagement: contributions to a new vision. *Burnout Research*. 2017;5:55–57. DOI: 10.1016/j.burn.2017.04.003.
6. Кучинский ГМ. М. М. Бахтин и феноменологический метод исследования личности. *Психологический журнал*. 2007;3:4–13.
7. Лэнг РД. *Расколотое «Я». Феноменология переживания и Райская птичка*. Москва: Институт общегуманитарных исследований; 2016. 350 с.
8. Leiter MP, Maslach C. A mediation model of job burnout. In: Antoniou A-SG, Cooper CL, editors. *New horizons in management. Research companion to organizational health psychology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2005. p. 544–564. DOI: 10.4337/9781845423308.00046.

9. Schaufeli WB, Salanova M, González-Romá V, Bakker AB. The measurement of engagement and burnout: a two sample confirmatory factor analytic approach. *Journal of Happiness Studies*. 2002;3:71–92. DOI: 10.1023/A:1015630930326.
10. Франкл В. *Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия*. Панков СС, переводчик. Новосибирск: Сибирское университетское издательство; 2011. 105 с.
11. Pines AM. Burnout. An existential perspective. In: Schaufeli WB, Maslach C, Marek T, editors. *Professional burnout. Recent developments in theory and research*. 1st edition. London: Routledge; 1993. p. 33–51. DOI: 10.4324/9781315227979-4.
12. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа. *Вопросы психологии*. 2008;2:3–16.
13. Лэнгле А. *Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия*. Боковиков А, Хальбруннер С, Локтионова А, переводчики. Москва: Генезис; 2004. 128 с. (Теория и практика экзистенциального анализа).
14. Выготский ЛС. *Собрание сочинений. Том 4. Детская психология*. Эльконин ДБ, редактор. Москва: Педагогика; 1984. 432 с.
15. Дильтей В. *Сущность философии*. Махов АЕ, редактор; Цельтер МЕ, переводчик. Москва: Интрада; 2001. 155 с.
16. Dilthey W. *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Band VII. Gesammelte Schriften*. Groethuyzen B, editor. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 1992. 381 S.
17. Гадамер Г-Г. *Истина и метод: основы философской герменевтики*. Бессонов БН, редактор; Бессонов БН, Журинская МА, Земляной СН, Рыбаков АА, Бурова ИН, переводчики. Москва: Прогресс; 1988. 704 с.
18. Гуссерль Э. *Избранные работы*. Куренной ВА, составитель. Москва: Территория будущего; 2005. 464 с.
19. Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. Общее введение в чистую феноменологию*. Михайлов АВ, переводчик. Москва: Академический проект; 2009. 489 с. (Философские технологии).
20. Улановский АМ. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии. *Методология и история психологии*. 2007;2(1):130–150.
21. Василюк ФЕ. *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)*. Москва: Издательство Московского университета; 1984. 200 с.
22. Кутузова ДА. Ведение «структурированного дневника» по методу Айры Прогоффа. *Московский психотерапевтический журнал*. 2009;1:126–140.
23. Бусыгина НП. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях. *Московский психотерапевтический журнал*. 2009;2:52–76.
24. Рубинштейн СЛ. *Основы общей психологии. Том 1*. Москва: Педагогика; 1989. 488 с.
25. Выготский ЛС. *Мышление и речь*. Шелогурова ГН, редактор. Москва: Лабиринт; 1999. 352 с.
26. Джендлин Ю. *Фокусирование: новый психотерапевтический метод работы с переживаниями*. Барлас ТВ, редактор; Ригин АС, переводчик. Москва: Класс; 2000. 448 с.
27. Пергаменщик ЛА. Феноменология ЛС Выготского. В: Богомаз СЛ, Каратерзи ВА, Пашкович СФ, редакторы. *Психологический Vadetesit: Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2019. с. 24–29.
28. Леонтьев АН. *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. Москва: Смысл; 2003. 487 с.

References

1. Maslach C, Leiter MP. It's time to take action on burnout. *Burnout Research*. 2015;2:IV–V. DOI: 10.1016/j.burn.2015.05.002.
2. Kuchinskij GM. Phenomenological method in psychology. Carl Jaspers. *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Jekanomika. Prava*. 2009;1:59–67. Russian.
3. Bakhtin MM. On the philosophy of action. In: Averintsev SS, compiler. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and sociology of scientific knowledge]. Moscow: Nauka; 1986. p. 80–160. Russian.
4. Maslach C, Leiter MP. Early predictors of job burnout and engagement. *Journal of Applied Psychology*. 2008;93(3):498–512. DOI: 10.1037/0021-9010.93.3.498.
5. Leiter MP, Maslach C. Burnout and engagement: contributions to a new vision. *Burnout Research*. 2017;5:55–57. DOI: 10.1016/j.burn.2017.04.003.
6. Kuchinskij GM. [M. M. Bakhtin and the phenomenological method of personality research]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2007;3:4–13. Russian.
7. Leng RD. *Raskolotoe «Ya»*. *Fenomenologiya perezhivaniya i Raiskaya ptichka* [The split «I». The phenomenology of experience and the bird of paradise]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy; 2016. 350 p. Russian.
8. Leiter MP, Maslach C. A mediation model of job burnout. In: Antoniou A-SG, Cooper CL, editors. *New horizons in management. Research companion to organizational health psychology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2005. p. 544–564. DOI: 10.4337/9781845423308.00046.
9. Schaufeli WB, Salanova M, González-Romá V, Bakker AB. The measurement of engagement and burnout: a two sample confirmatory factor analytic approach. *Journal of Happiness Studies*. 2002;3:71–92. DOI: 10.1023/A:1015630930326.
10. Frankl V. *Das Leiden am sinnlosen Leben. Psychotherapie für heute*. Freiburg: Herder; 2002. 123 S. Russian edition: Frankl V. *Stradaniya ot bessmyslennosti zhizni. Aktual'naya psikhoterapiya*. Pankov SS, translator. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo; 2011. 105 p.
11. Pines AM. Burnout: An existential perspective. In: Schaufeli WB, Maslach C, editors. *Professional burnout: Recent developments in theory and research*. 1st edition. London: Routledge; 1993. p. 33–51. DOI: 10.4324/9781315227979-4.
12. Lengle A. [Burnout from the perspective of existential analysis]. *Voprosy psikhologii*. 2008;2:3–16. Russian.
13. Lengle A. *Sinnvoll Leben. Logotherapie als Lebenshilfe*. Freiburg: Herder; 2002. 128 S. Russian edition: Lengle A. *Zhizn', napolnennaya smyslom. Prikladnaya logoterapiya*. Bokovikov A, Khal'brunner S, Loktionova A, translators. Moscow: Genezis; 2004. 128 p. (Teoriya i praktika ekzistentsional'nogo analiza).
14. Vygotsky LS. *Sobranie sochinenii. Tom 4. Detskaya psikhologiya* [Collected Works. Volume 4. Child psychology]. El'konin DB, editor. Moscow: Pedagogika; 1984. 432 p. Russian.

15. Dilthey W. *Das Wesen der Philosophie*. Hamburg: Felix Meiner; 1984. 144 S.
Russian edition: Dilthey W. *Sushhnost' filosofii*. Makhov AE, editor; Zelter ME, translator. Moscow: Intrada; 2001. 155 p.
16. Dilthey W. *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Band VII. Gesammelte Schriften*. Groethuy-
sen B, editor. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 1992. 381 S.
17. Gadamer G-H. *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen: B. Mohr (Paul Siebeck);
1965. 524 S.
Russian edition: Gadamer G-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoi germenevtiki*. Bessonov BN, editor; Bessonov BN, Zhurin-
skaya MA, Zemlyanoy SN, Rybakov AA, Burova IN, translators. Moscow: Progress; 1988. 704 p.
18. Gusserl' E. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Kurennoj VA, compiler. Moscow: Territoriya budushchego; 2005. 464 p.
Russian.
19. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Buch 1. Allgemeine Einführung in
die reine Phänomenologie*. Halle an der Saale: Max Niemeyer; 1913. 323 S.
Russian edition: Gusserl' E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga 1. Obshchee vvedenie v chistuyu
fenomenologiyu*. Mikhailov AV, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2009. 486 p. (Filosofskie tekhnologii).
20. Ulanovsky AM. Phenomenological method in psychology, psychiatry and psychotherapy. *Methodology and history of
psychology*. 2007;2(1):130–150. Russian.
21. Vasilyuk FE. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii)* [Psychology of experience (analysis
of overcoming critical situations)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1984. 200 p. Russian.
22. Kutuzova DA. Ira Progoff's method «the intensive journal». *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*. 2009;1:126–140.
Russian.
23. Busygina NP. The phenomenological description and interpretation: examples of the analysis of the data in qualita-
tive psychological researches. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*. 2009;2:52–76. Russian.
24. Rubinshtein SL. *Osnovy obshhei psikhologii. Tom 1* [Fundamentals of General Psychology. Volume 1]. Moscow: Pedago-
gika; 1989. 488 p. Russian.
25. Vygotsky LS. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Shelogurova GN, editor. Moscow: Labirint; 1999. 352 p. Rus-
sian.
26. Gendlin ET. *Focusing-oriented psychotherapy: a manual of the experiential method*. New York: The Guilford Press; 1996.
317 p.
Russian edition: Gendlin ET. *Fokusirovanie: novyi psikhoterapevticheskii metod raboty s perezhivaniyami*. Barlas TV, editor;
Rigin AS, translator. Moscow: Klass; 2000. 448 p.
27. Pergamenshchik LA. [Fenomenology of L. S. Vygotsky]. In: Bogomaz SL, Karaterzi VA, Pashkovich SF, editors. *Psi-
khologicheskii Vademecum. Psikhologicheskaya fenomenologiya v obrazovatel'noi srede: mul'tidistsiplinarnyi podkhod* [Psycho-
logical Vademecum: psychological phenomenology in the educational environment: a multidisciplinary approach]. Vitebsk:
Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2019. p. 24–29. Russian.
28. Leont'ev AN. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [The psychology of meaning: nature,
structure and dynamics of meaningful reality]. Moscow: Smysl; 2003. 487 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.02.2021.
Received by editorial board 15.02.2021.

УДК 612.821.1

ОБЪЕКТНОЕ СЛЕЖЕНИЕ КАК ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТОРА БЕСПИЛОТНОГО АВИАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА

В. О. САПОЖНИКОВ¹⁾

¹⁾Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Основной операцией, выполняемой оператором в системе человек – машина – среда, является слежение, которое осуществляется посредством зрительного анализатора с высокой ролью двигательного навыка ручного управления. Повышение автоматизации управления летательными аппаратами привело к доминированию автоматических режимов полета и сделало ручное управление резервным. За счет неизбежного увеличения индикативных устройств, требующих контроля, усложняется деятельность оператора. Из-за отсутствия осязательной перцепции он лишается дополнительного канала получения информации и, таким образом, оказывается в специфических условиях профессиональной деятельности. Технические характеристики беспилотного летательного аппарата, эргономика рабочего места и особенности выполняемых задач обуславливают перечень профессионально важных качеств оператора, необходимых для его успешной деятельности. Основными из них являются эмоциональная устойчивость, личностные характерологические особенности, уровень мотивации, степень развития пространственного воображения и обобщения, свойства внимания, памяти, невербальный интеллект, мышление, сенсомоторные навыки и глазомер.

Ключевые слова: слежение; объектное слежение; автоматизация; автопилот; мотивация; мышление; свойства внимания; память; невербальный интеллект; мотивация; эмоциональная устойчивость; сенсомоторный навык; смещенная операторская деятельность.

OBJECT TRACKING AS THE BASIS OF THE ACTIVITY OF THE OPERATOR OF AN UNMANNED AIRCRAFT COMPLEX

V. O. SAPOZHNIKOV^a

^aAcademy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
17 Maskoïskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The main operation performed by the operator in the human-machine-environment system is tracking, carried out by means of a visual analyser. Increased automation of aircraft control has led to the dominance of automatic flight modes, making manual control redundant, which complicates the operator's activities, due to the inevitable increase in indicative devices that require control. The absence of tactile perception deprives the operator of an additional channel for obtaining information, creating specific conditions for professional activity. The technical characteristics of an unmanned aerial vehicle, the ergonomics of the workplace and the specifics of the tasks performed determine the list of professionally important qualities of the operator necessary for successful professional activity. The main ones are emotional stability, personal characterological features, the level of motivation, the degree of development of spatial imagination and generalisation, the properties of attention, memory, nonverbal intelligence, thinking, sensorimotor skills and eyesight.

Keywords: tracking; object tracking; automation; autopilot; motivation; thinking; attention properties; memory; non-verbal intelligence; motivation; emotional stability; sensorimotor skill; combined operator activity.

Образец цитирования:

Сапожников В.О. Объектное слежение как основа деятельности оператора беспилотного авиационного комплекса. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:97–102.

For citation:

Sapozhnikov V.O. Object tracking as the basis of the activity of the operator of an unmanned aircraft complex. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:97–102. Russian.

Автор:

Валерий Олегович Сапожников – аспирант кафедры кадровой политики и психологии управления института государственного управления. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Valery O. Sapozhnikov, postgraduate student at the department of personnel policy and psychology of management, Institute of Public Administration.
valeriy sapozhnikov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7608-3939>

Деятельность – система целенаправленной активности субъекта, включенная в общественные отношения; процесс, в котором происходит взаимный переход между полюсами субъект – объект. Основной ее характеристикой является предметность [1].

Согласно подходу, предложенному Б. Ф. Ломовым, деятельность рассматривается как система психологических составляющих, ориентированная на цель, имеющая иерархическое строение, сравнительно независимые подсистемы и различные варианты связей ее компонентов. Системообразующим фактором является цель (образ-цель, получатель результата деятельности). Регулирующую роль в процессе ее организации играет вектор мотив-цель.

В целом деятельность включает в себя следующие психологические составляющие: образ-цель, предвосхищение результата, планирование, принятие решения, исполнительские решения, контроль за выполнением [2].

Профессиональная деятельность оператора беспилотного авиационного комплекса (БАК) представляет собой процесс удаленного пилотирования воздушного судна. Данному процессу предшествует теоретическая подготовка оператора к выполнению полетного задания (формирование *образа-цели, планирование*), контроль его готовности, выбор точки старта беспилотного летательного аппарата (БЛА), техническая подготовка БАК к полету.

Структура деятельности оператора БАК обусловлена типом БЛА. К примеру, управление БЛА тактического уровня происходит в автоматизированном режиме. Перед полетом оператор, исходя из задач, стоящих перед ним, задает в программе его параметры (траектория, высота, скорость, продолжительность полета, обороты двигателя и т. д.), которые сличает на разных этапах полета с эталонной моделью. Пилотирование боевого БЛА, в свою очередь, подразумевает существенную долю ручного управления.

Причиной реализации концепции выполнения полетов БЛА тактического уровня в автоматизированном режиме стала высокая аварийность аналогичных полетов в ручном режиме. В силу отсутствия обратной осязательной перцептивной связи в ходе пилотирования оператор в ручном режиме управления часто выходит на критические режимы полета и сваливание. Тем самым эффективность деятельности сводится к нулю, что в условиях боевых действий может привести к существенным потерям в живой силе и технике.

Основываясь на предложенной А. А. Крыловым классификации автоматизированных систем управления движущимся объектом, БАК относится ко второму виду, когда управляющая система (включая оператора) размещается стационарно, вне движущегося объекта. Целью данной системы является обеспечение достижения объектом управления установ-

ленного пункта в течение заданного времени. Этим цели подчинено решение оперативных задач. Главными из них являются достижение и удержание заданных или выбор и удержание оптимальных значений переменных движения, а также обеспечение безопасности движения [3].

По мнению Н. Д. Заваловой и В. А. Пономаренко, совмещенные действия летчика имеют место тогда, когда пилотирование осуществляется параллельно другому вполне самостоятельному и сложному действию, например обнаружению ориентиров на сложном фоне.

С позиции предметного подхода под совмещенной деятельностью понимается деятельность, характеризующаяся объективной необходимостью одновременного выполнения двух и более параллельно предъявляемых (актуализируемых) задач, имеющих разную целевую направленность [4; 5].

Работа оператора на БАК представляет собой классический пример совмещенной операторской деятельности. Воздействие внешних факторов сбивает траекторию полета БЛА. В этом случае программа в автоматическом режиме корректирует параметры полета. Несмотря на это, в обязанности оператора входит отслеживание (*контроль выполнения*) показаний приборов БЛА (высота, обороты двигателя, воздушная скорость, курс, управление питанием электроэнергией и т. д.) и при необходимости их регулирование в ручном режиме с целью не допустить выхода на критические режимы полета. Стоит отметить, что в зависимости от типа БАК количество обслуживающего персонала может варьироваться, при этом следует учитывать, используется ли во время полета целевая нагрузка. Если да, то полетное задание выполняют оператор управления БЛА (ОУ), оператор целевой нагрузки (ОЦН) и техник (на этапе подготовки и послеполетного обслуживания), причем ОУ занимается пилотированием, а ОЦН решает основные задачи по аэрофотосъемке местности, ведению разведки и радиоэлектронного подавления сигналов спутниковой навигации противника, поддержке военной авиации и др. Однако в зависимости от типа БАК, продолжительности полетного задания и стоящей задачи один человек может совмещать функции обоих операторов. Во всех этих случаях операторы отслеживают большой массив данных на мониторе наземной станции управления посредством зрительного анализатора.

Автоматизированную систему управления БЛА можно представить в виде структурной схемы (см. рисунок).

В этой системе управление осуществляется в автоматическом режиме, что позволяет БЛА двигаться по заранее заданной траектории полета. Функция оператора управления заключается в пассивном наблюдении за основными показателями приборов и в регулятивном вмешательстве в случае,

Структурная схема управления БЛА
Control block diagram of UAV

когда автоматика по каким-то причинам не справляется с этой задачей.

Операция слежения является основной в профессиональной деятельности операторов различных эрготических систем, в том числе БАК. Под слежением понимается такой вид деятельности оператора, где главную роль играет двигательный навык ручного управления, разновидность сенсомоторной координации¹.

Для точности выполняемого слежения оператору далеко не безразлично, находится ли он на самом объекте или нет, поскольку в первом случае он получает и использует для управления дополнительную информацию (например, от органов равновесия). Операция слежения – это весьма важный вид деятельности, изучение которого позволяет повысить эффективность выполнения человеком этой операции и изучить динамику свойств самого оператора как звена системы управления [6].

Деятельность оператора в системе управления включает в себя временную развертку перцептивных, мыслительных, мнемических и моторных процессов [7].

При анализе психофизиологических особенностей деятельности операторов БАК важно учитывать тот факт, что основным органом восприятия информации является зрительный анализатор. В сравнении с пилотируемой авиацией, где опытный летчик на физическом уровне чувствует определенные эволюционные изменения летательного аппарата, в том числе он ощущает перегрузки, вибрации, слышит звук работы отдельных агрегатов и систем и может уловить мельчайшие изменения в их работе, оператор БАК ограничен в полноте своей перцепции. Это накладывает некоторые ограничения на формирование полноценного образа полета БЛА. Компенсаторную роль здесь играет пространственное мышление, основанное на высокой степени развитости у оператора таких профессионально важных качеств, как пространственное воображение и обобщение.

В процессе слежения за показаниями приборов БЛА и заданной местностью оператор постоянно пребывает в состоянии поиска, обнаружения, сличения и распознавания информации об объектах, находящихся в поле зрения камер, тепловых и ин-

фракрасных датчиков. Подобный вид деятельности представляет собой объектное слежение (это наблюдение за удаленным объектом посредством зрительного анализатора в условиях разной интенсивности изменения обстановки в зоне полета БЛА), а также является неотъемлемой частью совмещенной операторской деятельности.

Важно отметить, что слежение бывает двух типов: компенсирующее и сопровождающее. Экспериментально установлено, что при прочих равных условиях точность действия человека существенно зависит от типа слежения. С учетом различия между обоими типами слежения можно заключить, что оператор при сопровождающем слежении воспринимает и реагирует на дополнительную информацию, чего не происходит при компенсирующем слежении [6].

В качестве разновидности сопровождающего слежения иногда выделяют слежение с предвидением – процесс, при котором оператор воспринимает не только текущее значение входного сигнала, но и закон его изменения на некоторый отрезок времени вперед.

Данный вид слежения используется, например, в индикаторах с предсказанием, которые применяются в авиации. Летчик считывает с них информацию о будущих состояниях переменных параметров, находящихся под его управлением. Предвидение результатов управляющих воздействий позволяет летчику точно и своевременно рассчитать маневр по управлению самолетом [8].

Как отмечают в своих трудах А. Н. Костин и Ю. Я. Голиков, в настоящее время с повышением степени автоматизации управления летательными аппаратами именно автоматические режимы становятся штатными, а полуавтоматическое и ручное управление рассматривается как резервное, которое должно использоваться в случае возникновения нештатных ситуаций. Возрастающая сложность создаваемой техники характеризуется свойством потенциальности, которое выражается возможностью возникновения непредвиденных ситуаций управления из-за многообразия, непредсказуемости, нелинейности и опосредованности межсистемных взаимодействий. В свою очередь это приводит к новому виду отказов, связанных не

¹Слежение // Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/17271/СЛЕЖЕНИЕ (дата обращения: 10.03.2021).

с реальными поломками, а с неадекватной работой автоматики при диагностике бортовых систем. Иными словами, автоматика может отключить любое количество резервных систем. Решением данной проблемы выступает принцип взаимного резервирования оператора и автоматики. Суть его заключается в том, что оператор посредством самостоятельного снижения степени автоматизации резервирует автоматику (в случае возникновения отказов техники или непредвиденных ситуаций), а она, в свою очередь, путем принудительного повышения степени автоматизации процессов управления резервирует оператора (при возникновении в его деятельности высокой субъективной сложности). Именно поэтому необходимо поддерживать высокий уровень внимания при контроле функционирования автоматики [9; 10].

В трудах А. А. Крылова дается однозначный положительный ответ на вопрос о том, ведет ли повышение уровня автоматизации к усложнению деятельности оператора. Чем больше насыщается система резервирования средствами автоматизации, тем более сложный объект управления оказывается в ее составе. Следовательно, количество индикационных устройств на пульте управления, обеспечивающих оператору возможность контроля, неизбежно должно возрастать за счет увеличения переменных объекта управления. Таким образом, одними из причин усложнения деятельности человека являются увеличение объема информации и необходимость наблюдения за большим числом приборов [3].

Рабочее место оператора БАК военного назначения представляет собой наземную станцию (пункт) управления (НСУ) в виде автоматизированных рабочих мест (АРМ) – оператора управления и оператора целевой нагрузки, а также вспомогательного оборудования, обеспечивающего работу АРМ, антенно-фидерной системы. На экране монитора отображается подробная карта местности, разнообразные вкладки, иконки, шкалы и значки. Причем на отдельных образцах БАК объем информации о характеристиках полета, выводимый на экран, неоправданно велик, а на поиск нужных команд или сведений иногда уходит много времени.

Таким образом, перечень психологических качеств и психофизиологических свойств, которыми необходимо обладать оператору БЛА для успешного выполнения профессиональной деятельности, обуславливается техническими характеристиками БЛА, эргономикой рабочего места и спецификой выполняемых задач по предназначению. Стоит отметить, что процесс пилотирования БЛА может быть связан как с малоактивными длительными периодами (на образцах тактического уровня), которым присуща монотония, так и характеризоваться высокоактивными периодами с большим потоком информации в единицу времени. Существенное влияние

на оператора оказывает стрессогенность ситуации: для эффективного выполнения стоящих перед ним задач ему необходимо обладать высокой психологической устойчивостью.

В трудах Л. А. Вайнштейна дается классификация индивидуальных (субъективных) факторов, влияющих на эффективность операторской деятельности: морально-нравственные, профессиональные качества и психологические, физиологические, физические особенности [11].

Все они рассматриваются в своей совокупности и тесной взаимозависимости, однако в рамках данной проблематики рассмотрены психологические и психофизиологические особенности, включающие в себя способности и профессионально-важные качества, профессиональную мотивацию, особенности личности, психические состояния.

Исходя из вышеизложенного и с учетом структуры профессиональной деятельности, оператору БАК в первую очередь необходимо обладать высокой степенью развития внимания, а именно таких его свойств, как объем, переключение, распределение, избирательность. Постоянно находясь в режиме слежения посредством зрительного восприятия информации, передаваемой через интерфейс НСУ, оператор должен не только распознавать и идентифицировать замаскированные или движущиеся объекты, но и делать это с минимальными временными затратами. Разрабатываемая для БАК система автоматического распознавания призвана в известной степени упростить работу оператора, однако в случае обнаружения итоговое решение (*принятие решения*) по идентификации по-прежнему остается за человеком.

БАК является образцом сложной техники, в которой реализуются передовые научные разработки и инженерные решения. Успешное ее освоение и применение невозможны без соответствующего уровня развития у оператора познавательных способностей. Важную роль в этом процессе играет интеллект, в том числе и невербальный, опирающийся на образы и представления. Чем он выше, тем успешнее справится с возникшей нештатной ситуацией оператор, постоянно работающий в режиме слежения. В совокупности с интеллектом интуиция (*предвосхищение результата*) как способность быстро оценивать обстановку играет определяющую роль в стратегии управления по типу *вижу – действую*. Она является предпочтительной и более эффективной в сравнении со стратегией по типу *вижу – действую*, поскольку позволяет предвосхищать возникновение нежелательных ситуаций в полете, а не реагировать на уже произошедшие. По сути, это работа на упреждение, основанная на высоком уровне профессиональной подготовки, психологических и психофизиологических особенностях оператора.

Процессы запоминания, сохранения, узнавания и воспроизведения ранее полученной зрительной и сенсомоторной информации также являются основой профессиональной деятельности оператора БАК. Оперативная зрительная память позволяет путем сличения образов с эталонными моделями находить отклонения в показаниях приборов на различных этапах полетов и своевременно их корректировать, долговременная и кратковременная память – фиксировать изменения, произошедшие на местности в зоне полета БЛА. Объем памяти способствует оперированию определенным объемом данных: чем он выше, тем успешнее процесс пилотирования и выполнения целевой задачи (*исполнительские решения*).

Деятельность непосредственно связана с мышлением. Оно делает восприятие человека целенаправленным, позволяет на основании логических приемов оперировать прошлым опытом и знаниями и применять их в новых ситуациях. Скорость протекания мыслительных процессов оказывает непосредственное влияние на результативность деятельности оператора БАК.

Успешность профессиональной деятельности человека также определяется уровнем мотивации. Экспериментальным путем было установлено, что в случае введения побудителя достижения – возможности продемонстрировать свои способности – задание выполнялось наиболее успешно. При воздействии этого побудителя испытуемые с сильной потребностью в достижении делали задание в два раза эффективнее по сравнению с другими вариантами установок [12].

Это свидетельствует о том, что мотивация зависит от личностных психологических особенностей, жизненных установок и ценностей. При отсутствии стремления к той или иной деятельности, даже при наличии у оператора необходимого набора психологических и психофизиологических профессионально важных качеств, результат будет низким.

В работе оператора пилотируемого воздушного судна, помимо всего вышеперечисленного, важны степень развития сенсомоторных навыков и глазомер: мелкая моторика рук при управлении БЛА посредством джойстиков различной конструкции, точность координации движения, скорость реакции на различные сигналы, определение размеров объектов относительно предметов окружающей среды и расстояния между ними.

Таким образом, можно выделить ряд особенностей объектного слежения как основы деятельности

оператора БАК, а также определить приблизительный перечень психологических и психофизиологических характеристик, необходимых людям данной профессии.

1. Профессиональная деятельность оператора БАК представляет собой процесс удаленного автоматизированного пилотирования БЛА, ключевой особенностью которого является отсутствие осязательной перцепции, что лишает его дополнительного канала получения информации и создает специфические условия труда.

2. Слежение является основной операцией, осуществляемой оператором в ходе пилотирования БЛА, в том числе в режиме совмещенной операторской деятельности, включающей в себя как выполнение целевой задачи, так и контроль за соответствием показаний приборов конкретному полетному заданию на каждом его этапе.

3. Технические характеристики БЛА, эргономика рабочего места и специфика выполняемых задач обуславливают перечень профессионально важных качеств оператора БАК, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Основными из них являются эмоциональная устойчивость, личностные психологические особенности, уровень мотивации, степень развития пространственного воображения и обобщения, свойства внимания, памяти, невербальный интеллект, мышление, сенсомоторные навыки и глазомер.

4. Высокий уровень развития интеллекта в совокупности с интуицией, как способностью быстро оценивать обстановку, играет определяющую роль в стратегии управления по типу *вижу – предвижу – действую*. Она является предпочтительной и более эффективной в сравнении со стратегией по типу *вижу – действую*, поскольку позволяет предвосхищать возникновение нежелательных ситуаций в полете, а не реагировать на уже произошедшие.

5. Успешность профессиональной деятельности оператора во многом определяется уровнем его мотивации на саму работу, основанной в том числе на сильной потребности в достижении.

6. В любой операторской деятельности, особенно базирующейся на пилотировании воздушных судов различных типов и назначения, большую роль играет степень развития следующих сенсомоторных навыков оператора: мелкой моторики рук, точности координации управляющих движений, скорости реакции на сигналы различной интенсивности и модальности, а также глазомера.

Библиографические ссылки

1. Толочек ВА. *Современная психология труда*. Санкт-Петербург: Питер; 2005. 479 с.
2. Ломов БФ. *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Москва: Наука; 1984. 444 с.
3. Крылов АА. *Человек в автоматизированных системах управления*. Ленинград: Ленинградский государственный университет; 1972. 23 с.

4. Козлов ВВ. Совмещенная деятельность: характеристика, регуляция, оптимизация. В: Бодров ВА, Журавлев АЛ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 1*. Москва: Институт психологии РАН; 2009. 236 с.
5. Пономаренко ВА, Завалова НД. Исследование психического образа, регулирующего действия человека-оператора. В: Ломов БФ, Венда ВФ, редакторы. *Методология инженерной психологии, психологии труда и управления*. Москва: Наука; 1981. с. 30–42.
6. Кремень МА, Морозов ВЕ. *Инженерная психология*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2002. с. 93–98.
7. Крылов АА. Организация целостной деятельности функциональных механизмов обработки информации. В: Душков БА, редактор. *Хрестоматия по инженерной психологии*. Москва: Высшая школа; 1991. 165 с.
8. Душков БА, Рубахин ВФ. *Основы инженерной психологии*. Ломов БФ, редактор. Москва: Высшая школа; 1986. с. 152–161.
9. Костин АН, Голиков ЮЯ. *Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности*. Москва: Институт психологии РАН; 2014. с. 59–60.
10. Костин АН. Автоматизация техники: инженерно-психологические проблемы и социально-психологические детерминанты. В: Бодров ВА, Журавлев АЛ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 2*. Москва: Институт психологии РАН; 2011. с. 74–76.
11. Вайнштейн ЛА. *Эргономика*. Минск: Государственный институт управления и социальных технологий БГУ; 2010. 130 с.
12. Макклелланд Д. *Мотивация человека*. Санкт-Петербург: Питер; 2007. с. 262–264.

References

1. Tolochek VA. *Sovremennaya psikhologiya truda* [Modern psychology of labour]. Saint Petersburg: Piter; 2005. 479 p. Russian.
2. Lomov BF. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka; 1984. 444 p. Russian.
3. Krylov AA. *Chelovek v avtomatizirovannykh sistemakh upravleniya* [Man in automated control systems]. Leningrad: Leningrad State University; 1972. 23 p. Russian.
4. Kozlov VV. [Combined activity: characteristics, regulation, optimisation]. In: Bodrov VA, Zhuravlev AL, editors. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 1* [Actual problems of labour psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 1]. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2009. 236 p. Russian.
5. Ponomarenko VA, Zavalova ND. [Research of the mental image regulating the actions of a human operator]. In: Lomov BF, Venda VF, editors. *Metodologiya inzhenernoi psikhologii, psikhologii truda i upravleniya* [Methodology of engineering psychology, psychology of labour and management]. Moscow: Nauka; 1981. p. 30–42. Russian.
6. Kremen MA, Morozov VE. *Inzhenernaya psikhologiya* [Engineering psychology]. Minsk: Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus; 2002. p. 93–98. Russian.
7. Krylov AA. [Organisation of integral activity of functional mechanisms of information processing]. In: Dushkov BA, editor. *Khrestomatiya po inzhenernoi psikhologii* [Reader in engineering psychology]. Moscow: Vysshaya shkola; 1991. 165 p. Russian.
8. Dushkov BA, Rubakhin VF. *Osnovy inzhenernoi psikhologii* [Fundamentals of engineering psychology]. Lomova BF, editor. Moscow: Vysshaya shkola; 1986. p. 152–161. Russian.
9. Kostin AN, Golikov YuYa. *Organizatsionno-protsessual'nyi analiz psikhicheskoi regulyatsii slozhnoi deyatel'nosti* [Organisational and procedural analysis of the mental regulation of complex activities]. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2014. p. 59–60. Russian.
10. Kostin AN. [Automation of technology: engineering and psychological problems and socio-psychological determinants]. In: Bodrov VA, Zhuravlev AL, editors. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 2* [Actual problems of labour psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 2]. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2011. p. 74–76. Russian.
11. Weinstein LA. *Ergonomika* [Ergonomics]. Minsk: State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University; 2010. 130 p. Russian.
12. McClelland D. *Human motivation*. Cambridge: Cambridge University Press; 1988. 676 p. Russian edition: Makklelland D. *Motivatsiya cheloveka*. Saint Petersburg: Piter; 2007. p. 262–264.

Статья поступила в редколлегию 25.03.2021.
Received by editorial board 25.03.2021.

Точка зрения на проблему

POINT OF VIEW ON THE PROBLEM

УДК 327.3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: СОХРАНИТЬ ДОСТОИНСТВО БЕЗ «РЕВОЛЮЦИИ ДОСТОИНСТВА»

Я. С. ЯСКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются содержательные модели сохранения целостности и самодостаточности страны без социальных революций и потрясений в так называемых срединных странах. Обосновывается тезис о том, что политика неприсоединения или нейтралитета оказывается наилучшей для сохранения достоинства страны и отвечает ее национальным интересам.

Ключевые слова: региональный порядок; нация; национальные интересы; политика неприсоединения; политика нейтралитета.

REGIONAL ORDER: TO PRESERVE THE DIGNITY WITHOUT THE «REVOLUTION OF DIGNITY»

Ya. S. YASKEVICH^a

^aIndependent researcher, Minsk, Belarus

Meaningful models of preservation of integrity, self-sufficiency and dignity of the country without social revolutions and shakes are considered in so-called «middle countries». It is argued that the policy of non-alignment or neutrality is the best way to preserve the dignity of the country without social revolutions and shaking in the national interest.

Keywords: regional order; nation; national interests; non-alignment policy; policy of neutrality.

Образец цитирования:

Яскевич ЯС. Региональный порядок: сохранить достоинство без «революции достоинства». *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:103–105.

For citation:

Yaskevich YaS. Regional order: to preserve the dignity without the «revolution of dignity». *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021; 2:103–105. Russian.

Автор:

Ядвига Станиславовна Яскевич – доктор философских наук, профессор; независимый исследователь.

Author:

Yadviga S. Yaskevich, doctor of science (philosophy), full professor; independent researcher.
yaskevich.ys@gmail.com

Введение

Ретроспективный взгляд на исторический процесс во всем его многообразии позволяет зафиксировать бесспорный факт о том, что за очевидными межгосударственными конфликтами и противостояниями скрываются более фундаментальные (сущностные) детерминанты, нарушающие состояние мирового равновесия и, как правило, приводящие к геополитическим потрясениям, перманентному хаосу и реализации трагических сценариев. Как бы не пытались при этом цветные революции называть революциями достоинства, последствия от них оказывались трагическими и приводили к беспорядкам в обществе, ибо на волне управляемого хаоса из та-

ких стран происходит отток квалифицированных специалистов (врачей, инженеров и др.), вследствие чего сами страны превращаются в полусельскохозяйственные регионы и т. п. В результате цветных революций, арабской весны и Евромайдана происходит разрушение исторически сложившихся социокультурных систем, традиций, механизмов национальной и международной безопасности, существующих балансов сил, мир погружается в трагическое пространство больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов. В этом плане остро встает вопрос о сохранении национальных приоритетов, самодостаточности и стабильности в каждом государстве.

Основная часть

Радикальные трансформации, характерные для современной мировой экономики, политики, социокультурного пространства, запускают механизмы внутреннего хаоса, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост региональных сценариев с такими угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства и его распада, происходящий под воздействием внешних сил, по крайней мере, риск снижения суверенитета страны как способности отстаивать свои интересы на международной арене [1, с. 212]. Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической, финансовой, экологической, социально-духовной и других сферах современного цивилизационного развития, выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования.

В современной геополитике были выявлены закономерности, ставящие перед государствами вопросы как теоретического, так и практического плана, обуславливая тем самым их вдумчивость, рациональность и сдержанность в принятии политических решений и рисковом поведении [1, с. 153–154]. Дополняя европоцентризм идеей взаимодействия, взаимозависимости, единства современного мира в контексте глобализационных процессов, расширяется проблемное поле сценариев и стратегий мирового развития. Классическую геополитику не случайно называют силовой геополитикой, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империалистическими государствами и эпоху превосходства с применением организационного насилия. В противовес доктрины установления нового миропорядка и концепции управляемого хаоса, провозглашенной Вашингтоном после трагических событий 11 сентября 2001 г., современная неклассическая геополити-

ка трансформируется на новом историческом этапе в глобальную цивилизационную геополитику. В ее основу должны быть положены постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии геочивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтации и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества [2, с. 11–15].

Цивилизационно-антропологическая матрица современной геополитики, являясь основой кооперативного согласованного взаимодействия социальных, политических, экономических и социокультурных институтов суперсистемы, формируется в ответ на региональные ритмы. Сегодня так называемая *Беловежская геополитическая эпоха*¹ во имя сохранения и выживания человечества должна трансформироваться в *глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории* с применением моделей диалога культур и цивилизаций, народов и религий, а также несиловой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях вопреки реально существующим сценариям и прогнозам относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы» [3, с. 112]. *Учитывая, что именно в эпоху неустойчивости и перманентных перемен, переживаемых современным человечеством, создаются предпосылки для оказания влияния на конструкцию будущего мира, важно «вписать» в неклассическую геополитическую картину мира идеалы взаимоуважения и толерантности, согласия и сотрудничества.*

Интересы государства представлены фундаментально на национально-государственном региональном уровне. Каким образом следует решить проблему соотношения безопасности на мега-, макро- и микроуровнях с учетом цивилизационно-

¹Post-Cold War era // Wikipedia [Electronic resource]. URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Post%E2%80%93Cold_War_era (date of access: 03.03.2021).

культурологической динамики и общечеловеческих интересов? Такого рода вопросы требуют от современных геополитических субъектов взвешенного и рационального подхода (в соответствии с идеями глобальной единой мировой истории), сохранения национальной самодостаточности и согласия. Гармоничное сочетание глобального и регионального является необходимым в современных ситуациях глобализации и перманентных рисков.

Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этно-религиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами национальных стратегий. Принятие адекватных времени решений, обеспечение государственной безопасности на национальном уровне нацелено на увеличение предсказуемости развития внешнеэкономических связей и гарантирование стабильности внешних операций отдельных национальных корпораций. Это очень важно учитывать средним странам в период обострения противостояния Запада и России после расширения НАТО и ЕС на восток (начало 2000-х гг.). При этом необходимо отметить, что средние страны так или иначе испытывали давление со стороны супердержав. Главное, что в этой борьбе нет победителей. Есть лишь ужасные последствия для стран, переживших цветные революции или революции достоинства (так их в утешение стали называть на Украине). С российской точки зре-

ния эта позиция была направлена на установление прозападных правительств, уменьшение влияния России, а в перспективе – и возможную смену режима в этой стране.

Для того чтобы сохранить достоинство без социальных потрясений и революций, Беларуси в этих условиях приходится вести гибкую взвешенную политику: входя в зону свободной торговли ЕАЭС и ЕС, заключать двусторонние и многосторонние экономические и иные договоры между отдельными странами. Такого рода отношения выступают мерой укрепления связей и доверия между государствами (соединяя экономики и культуры стран друг с другом) и дают импульс с целью создать отдельные институты (подобные ВТО) для нейтрализации потенциальных конфликтов и актуализации диалога между Россией и ЕС. Опыт последних лет показывает, что если срединная страна хочет вступить в экономический или геополитический союз с одним из субъектов (когда великие державы не договорились друг с другом и не достигли консенсуса по этому вопросу), то такое государство будет разделено (к примеру, Молдова, а сейчас к этому близка Украина). В случае, если конфликты и сепаратистские настроения возникли из-за реального недовольства населения, это недовольство впоследствии будет использовано в геополитических целях.

Заключение

В последнее время в западных политических дискуссиях все больше актуализируется тема регионального порядка, в особенности в так называемых срединных странах (Грузия, Армения, Украина, Беларусь и др.), занимающих промежуточное положение меж-

ду Россией и Западом и не входящих ни в какие блоки и экономические союзы. Наилучшим решением для сохранения достоинства страны оказывается политика неприсоединения или нейтралитета, что отвечает ее национальным интересам.

Библиографические ссылки

1. Ильин ВВ. *Мир GLOBO: вариант России*. Калуга: Полиграф-Информ; 2007. 252 с.
2. Абылгазиева ИИ, Ильина ИВ, Кефели ИФ, редакторы. *Глобальная геополитика*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2010. 312 с.
3. Глущенко ВВ. *Теория государства и права: системно-управленческий подход*. Железнодорожный: Крылья; 2000. 416 с.

References

1. Il'in VV. *Mir GLOBO: variant Rossii* [GLOBO world: A variant of Russia]. Kaluga: Poligraf-Inform; 2007. 252 p. Russian.
2. Abylgazieva II, Il'ina IV, Kefeli IF, editors. *Global'naya geopolitika* [Global geopolitics]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2010. 312 p. Russian.
3. Glushchenko VV. *Teoriya gosudarstva i prava: sistemno-upravlencheskii podkhod* [Theory of state and law: a system-management approach]. Zheleznodorozhny: Kryl'ya; 2000. 416 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2021.
Received by editorial board 04.02.2021.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 001-055.2(476+470)(06)

Женщины-ученые Беларуси и России [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 марта 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: И. В. Казакова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 487 с. : ил. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/257665>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.03.2021, № 003229032021.

В сборник вошли доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Женщины-ученые Беларуси и России», организованной ОО «Союз женщин БГУ» и факультетом педагогики и психологии ФГБОУВО «Курский государственный университет» 26 марта 2021 г.

Адресуется ученым, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами актуализации проблемы вклада женщин-ученых в науку.

Все материалы представлены в авторской редакции.

УДК 1:378.147.091.313(075.8)

Лещинская И. И. Основы научно-исследовательской работы [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. : 1-21 02 01 «Философия» / И. И. Лещинская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 92 с. : Библиогр.: с. 88–91. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/258350>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 16.04.2021, № 003916042021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Основы научно-исследовательской работы» предназначен для студентов специальности 1-21 02 01 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы: тексты лекций, задания для семинарских занятий, список контрольных вопросов по курсу, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам философского отделения факультета философии и социальных наук, а также всем, интересующимся научно-исследовательской деятельностью.

УДК 161.22(075.8)

Воробьева С. В. Критическое мышление и дискурсивная аналитика [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов магистратуры спец. 1-21 80 12 «Философия» / С. В. Воробьева ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 67 с. : Библиогр.: с. 59–67. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/259075>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 27.04.2021, № 004527042021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 80 12 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы по дисциплине «Критическое мышление и дискурсивная аналитика»: тексты лекций, задания для семинарских занятий и управляемой самостоятельной работы, тематика рефератов и эссе, рекомендации по их написанию, учебный терминологический словарь, учебная программа дисциплины и список рекомендуемой литературы.

УДК 1(4-15)(091)(075.8)

Лецинская И. И. Феномен Просвещения в контексте западноевропейской философии [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 02 01 «Философия» / И. И. Лецинская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 103 с. : Библиогр.: с. 97–103. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/259690>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.05.2021, № 005418052021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Феномен Просвещения в контексте западноевропейской философии» предназначен для студентов специальности 1-21 02 01 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы: тексты лекций, задания для семинарских занятий, тематика рефератов и творческих заданий, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам философского отделения факультета философии и социальных наук, а также всем, интересующимся философией.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Лебедева Е. В.</i> Цифровой город в эпоху пандемии: новый этап научного дискурса.....	4
<i>Новикова О. В.</i> Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства	12

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Арнания-Кепуладзе Т. Г., Кепуладзе Г. А.</i> Разнообразие определений понятия бедности и кластеры бедности	21
<i>Сащико Р. С.</i> Либертарианская модель экономической системы: генезис, эволюция, перспективы	29

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Ильина Ю. А.</i> Психологический портрет философа-гуманиста XX в. Владислава Татаркевича...	37
<i>Дождикова Р. Н.</i> Обыденное познание: историко-методологический аспект	42
<i>Карако П. С.</i> Природа и космизм в творческом наследии Ф. М. Достоевского (к 200-летию со дня рождения).....	53

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Сайганова В. С., Чжэн Жэнь.</i> Теоретические основы становления философии образования	62
<i>Коршунова Я. А.</i> Роль религии в цивилизационной динамике (концепции А. Тойнби и С. Хантингтона).....	67
<i>Гридчин А. В.</i> Глобализм и антиглобализм в современном православном дискурсе	73

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Фофанова Г. А., Сорокина А. А.</i> Стили реагирования на изменения сотрудников и организационная справедливость.....	80
<i>Цюхай Е. И.</i> Особенности переживания эмоционального выгорания в нарративах педагогов...	87
<i>Сапожников В. О.</i> Объектное слежение как основа деятельности оператора беспилотного авиационного комплекса	97

ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ПРОБЛЕМУ

<i>Яскевич Я. С.</i> Региональный порядок: сохранить достоинство без «революции достоинства» ...	103
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	106

CONTENTS

SOCIAL RESEARCHES

<i>Lebedeva E. V.</i> Digital city in the pandemic era: a new phase of theoretic discourse	4
<i>Novikava V. U.</i> Philosophy of the city: to the problem of humanity of urban space	12

SOCIO-ECONOMIC RESEARCHES

<i>Arnania-Kepuladze T. G, Kepuladze G. A.</i> Poverty definitions diversity and clusters of poverty	21
<i>Sashcheko R. S.</i> The libertarian model of the economic system: genesis, evolution, prospects	29

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Ilyina Yu. A.</i> Psychological portrait of the 20 th century humanist philosopher Wladyslaw Tatarkiewicz	37
<i>Dozhdikova R. N.</i> Everyday cognition: historical and methodological approach.....	42
<i>Karako P. S.</i> Nature and cosmism in the creative heritage of F. M. Dostoevsky (to the 200th anniversary of his birth)	53

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Saiganova V. S., Zheng Ren.</i> Theoretical foundations of the formation of the philosophy of education	62
<i>Korshunova Ya. A.</i> The role of religion in the concepts of A. Toynbee and S. Huntington: common and different.....	67
<i>Gridchin A. V.</i> Globalism and anti-globalism in modern Orthodox discourse	73

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Fofanova G. A., Sorokina A. A.</i> Styles of responding to changes of employees and organisational justice.....	80
<i>Tsukhai K. I.</i> Features of experience of emotional burnout in teachers' narratives.....	87
<i>Sapozhnikov V. O.</i> Object tracking as the basis of the activity of the operator of an unmanned aircraft complex	97

POINT OF VIEW ON THE PROBLEM

<i>Yaskevich Ya. S.</i> Regional order: to preserve the dignity without the «revolution of dignity».....	103
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	106

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *А. В. Агеева*
Технический редактор *А. Ю. Лецинская*
Корректор *А. С. Горгун*

Подписано в печать 28.05.2021.

Тираж 100 экз. Заказ 235.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *A. V. Aheyeva*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 28.05.2021.

Edition 100 copies. Order number 235.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021